

Военно- исторический журнал

1941

— ВОЕНИЗДАТ НКВ СССР —

Военно- исторический журнал

ЖУРНАЛ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ

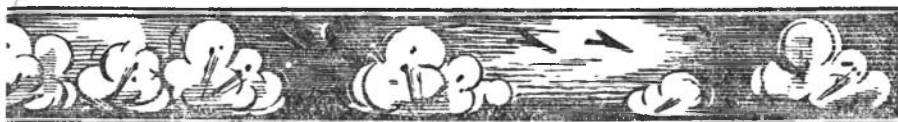
ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ

№ 3

М А Р Т

УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА - 1941

Полковник А. КОНОНЕНКО

БОИ ВО ФЛАНДРИИ

(Май 1940 г.)

После более чем восьмимесячного позиционного периода войны на западе Европы операция во Фландрии явилась первой серьезной боевой схваткой между армиями Германии и союзников. Германские войска на полях Фландрии и Артуа разбили группу армий союзников в составе бельгийской, английской экспедиционной и трех французских армий (1-й, 7-й и 9-й) общей численностью до 60 дивизий. Операция длилась почти 20 дней (с 13 мая по 4 июня).

Военные действия развернулись на территории Бельгии и французского департамента Нор. Эта территория является наиболее населенным, культурным и богатым районом Западной Европы. В северном департаменте Франции расположены важнейшие экономические районы страны (угольные бассейны, руда, металлургия, текстиль и т. д.).

По характеру рельефа территория театра военных действий разделяется на две части: западную и восточную. Западная представляет равнинную, низменную местность, включающую территорию Бельгии к западу от р. Маас, а также французские области между морем и р. Уаза. Приморская часть Фландрии и широкие пространства полей и пастбищ покрыты сетью плотин, шлюзов и дренажных каналов. На этом театре много дорог. Равнинный характер местности облегчает передвижение войск, несмотря на наличие здесь болотистых и низменных участков по рекам Шельда, Лис и Изер. Здесь мало удобных и сильных тактических позиций. Низменные участки с болотами и каналами представляют известные выгоды при обороне.

Восточная часть театра — к востоку от р. Уазы — гористая. На севере — Арденны, представляющие собой группу плоских возвышенностей, широко распространяющихся во все стороны. К западу от р. Маас высота Арденн не превышает 350 м, к востоку — вдвое выше. На линии Ретель, Монмеди Арденны соединяются с Аргонскими лесистыми горами. Последние располагаются в виде двух узких лесистых параллельных цепей между реками Маас и Эн. Высота горных хребтов здесь не превышает 400 м. Обе горные системы простираются на запад рядом отрогов, которые являются в большинстве случаев плоскими возвышенностями, круто спускающимися к долинам омывающих их рек. По берегам рек эти возвышенности представляют ряд удобных тактических позиций, но в целом Арденны и Аргоны на этом театре не являются трудными препятствиями, тем более, что они не пересекают путей, идущих из Бельгии во Францию. Между Булонь и Сен Кантен простирается холмистая возвышенность Артуа, переходящая затем в отроги Аргонских гор.

На Фландрской низменности есть холмы высотой до 50 м, которые имеют некоторое тактическое значение. В районе Кассель, например, с высоты в несколько десятков метров открывается вид на обширную равнину до порта Дюнкерк. В этом районе высокий уровень грунтовых вод не позволяет создавать фортификационные сооружения. В первую мировую империалистическую войну воюющие стороны сооружали здесь траншеи из земленосных мешков.

Во Фландрии имеются следующие водные рубежи: р. Шельда с притоками Лис и Скарпа, р. Самбра и рубежи рек Маас, Изер и Аа. Глубина р. Шельда — 2 м, ширина — 25 м, ниже Гент — 100 м, а приняв справа приток р. Репель, достигает 500 м. Каналом Сен Кантен она соединяется с р. Сомма, каналом Сансе — с р. Скарпа, каналом Альберта — с р. Маас. Река Изер имеет болотистые берега; в некоторых местах болота расширяют русло реки на несколько сот метров. Затоплением берегов Изер и Аа французы в 1914 г. преградили путь наступления немцев к фландрскому побережью. Эти возможности были использованы союзниками и в 1940 г., когда им удалось в районе Гравелин, Сент Омер, Ипр и Ньюпор создать непроходимую для танков и пехоты болотистую полосу до 5 км шириной. Затоплением этого района союзники выиграли некоторое время для эвакуации своих войск из Фландрии.

Район Северной Франции по рельефу местности вполне пригоден для маневрирования крупных войсковых масс, хотя на путях наступления на Париж и лежит ряд водных рубежей. Наиболее значительными из них являются р. Сомма, левые притоки р. Уаза — Элетт и Эн, притоки последней — Эр и Вэль, а также р. Марна с притоками. Хотя все эти реки лежат на путях из Бельгии и Люксембурга на Париж, пересекая их, однако они не представляют труднопреодолимой преграды для наступающих войск. Река Сомма отличается болотистыми берегами. Река Уаза никакого оборонительного значения для французской армии не имела, так как германское наступление направлялось вдоль реки, и она лишь разобщала действия французских войск. В этом районе большое значение имели многочисленные каналы, иногда идущие параллельно рекам или связывающие их между собой. Каналы одеты бетоном и поддерживают уровень воды на 0,5 м выше окружающей местности. Ширина канала — 15—20 м, глубина — до 3 м.

Бельгийские укрепления состояли из трех укрепленных районов: Льежского, Намюрского и Антверпенского, а также из оборонительной линии по каналу Альберта, которая соединяла Льеж с Антверпеном. Кроме того, имелись три оборонительные полосы: первая тянулась по Арденским горам, от левого фланга линии Мажино, и примыкала на севере к Льежскому укрепленному району; вторая — по р. Маас от французских укреплений у Живэ через Динан. Намюр к Льежу. Река Шельда, являясь тыловым оборонительным рубежом, имела предмостные укрепления у Гент, Термонд и Мехельн.

Центром бельгийской оборонительной системы являлся Льежский укрепленный район, прикрывавший подступы к Брюсселю с севера и востока. Важнейшим фортом в системе бельгийской обороны, кроме старых, являлся форт Эбен-Эмаель в стыке голландской и бельгийской границ. Ряд фортов располагался к югу от Маастрихт и к востоку от Льежа у Батис. Форт Эбен-Эмаель был наиболее сильным и имел на вооружении артиллерию калибра 155—220 мм.

Первая оборонительная полоса, по данным некоторых иностранных газет, состояла из 300 ДОТ (броневых и железобетонных). Вторая состояла из укреплений полевого типа, выстроенных в последний период. Центром обороны на р. Маас служила модернизированная крепость Намюр.

Оборонительная линия по каналу Альберта представляла собой сооружение более легкого типа, чем в Арденских горах, так как бельгийцы надеялись, что сами каналы являются труднопреодолимыми преградами. Канал Альберта (длина — 122 км, ширина — 55 м, глубина — 4—6 м) имел бетонированные стенки, которые в некоторых важных в военном отношении пунктах возвышались над уровнем воды на 40—60 м. При уничтожении переправ на канале он, несомненно, явился бы труднопреодолимой преградой для мото-мехчастей противника. Но по необъяснимым пока причинам важнейшие переправы на канале не были взор-

рваны. Антверпенский укрепленный район являлся последним опорным центром бельгийской системы обороны. В оперативной связи с укреплениями Антверпена находились предмостные укрепления Гент. Сооружения этого укрепленного района не являлись достаточно мощными и не сыграли большой роли в обороне бельгийской армии.

Французские укрепления севернее линии Мажино, построенные вдоль франко-бельгийской границы,— наиболее слабое место в оборонительной системе Франции. Командование французской армии, сосредоточив все внимание на создании линии Мажино, к укреплению северной границы — от Лонгви до берегов Ла Манш — приступило только с весны 1937 г.

По характеру местности этот район не имеет естественных преград, если не считать южных отрогов Арденских гор между Лонгви и Мобеж. На участке от Мобеж до Ла Манш французы имели отдельные слабо укрепленные секторы, центрами которых служили старые сооружения. Такими секторами являлись: сектор Монмеди со старой крепостью Монмеди, его укрепления примыкали к Лотарингскому укрепленному району линии Мажино и состояли из ряда ДОТ на два-три пулемета каждая, полосы противотанковых надолб и линии проволочных заграждений в одну-две полосы по пять-шесть рядов в каждой; Арденский сектор на участке Монмеди, Мезьер, состоявший из нескольких полевых укреплений с противотанковыми препятствиями; укрепленный район крепости Мобеж, который имел несколько ДОТ (по два-три пулемета); укрепленный сектор на р. Шельда со старой крепостью Лиль, где частично были восстановлены старые форты и дополнены несколькими ДОТ и двумя рядами окопов полевого типа; Фламандский сектор затопления, который охватывал участок от Лиль до Дюнкерк. Дюнкерк имел частично усиленный старый форт и несколько ДОТ по два пулемета. На побережье располагались две батареи береговых 155-мм орудий. Южнее Дюнкерк, в районе Кассель, на высоте был построен опорный пункт, состоявший из нескольких ДОТ.

Оборонительные системы Бельгии и Франции имели известную связь и строились с расчетом действий против общего противника.

Французские укрепления на участке Лонгви, Дюнкерк имели ряд серьезных недочетов, которые сильно снижали их оперативно-стратегическое значение. Сюда относятся: вся система обороны ряда важнейших районов, построенная на укреплениях полевого типа и слабых противотанковых заграждениях; прерывчатый характер системы укреплений с крайне незначительным количеством ДОТ; малая глубина оборонительной полосы и отсутствие тыловых укрепленных рубежей. Намечавшаяся вторая тыловая оборонительная полоса на линии Аррас, Бетюн, Эр, Сент Омер не была создана. Имелся лишь опорный пункт у Аррас. Не была создана и проектировавшаяся тыловая оборонительная полоса по линии р. Сомма, канал Сомма, Перонн, Сен Гобен, старые крепости Ла Фер, Лаон, Реймс. Построив линию Мажино, французское командование по ряду причин не сумело своевременно продолжить эти укрепления на участке Лонгви, Дюнкерк. В результате линия Мажино к моменту войны имела очень слабо обеспеченный левый фланг. Германское командование воспользовалось этим обстоятельством и нанесло главный удар здесь, обойдя линию Мажино с севера и парализовав тем самым всю систему обороны Франции.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СТОРОН

По данным французской печати, для наступления на западном фронте германским командованием к 10 мая 1940 г. было сосредоточено 34 армейских корпуса: 107 пехотных и 10 танковых дивизий. Корпуса были сведены в армии по 4—6 армейских корпусов в каждой. Пехот-

ные войска состояли из 43 кадровых и 64 резервных дивизий. Из них в наступлении во Фландрии участвовало, повидимому, 72 дивизии, остальные находились в резерве главного командования.

Для наступления против Голландии, Бельгии и Северной Франции германское командование развернуло армейскую группу генерала Бок в составе четырех армий: на правом фланге — 18-я армия (генерала Кюхлер) силой до 4 корпусов пехоты; в центре против Бельгии — 4-я армия (генерала Клюге) силой до 5 корпусов; на левом фланге — 9-я армия (генерала Штраус) силой не менее 5 корпусов и 6-я армия (генерала Рейхенау) силой не менее 6 корпусов — в районе Люксембурга. Армейской группе генерала Бок были приданы 3 мото-механизированных корпуса: 15-й (генерала Хот), 19-й (генерала Гудериан) и 22-й (генерала Клейст). Всего в армейской группе генерала Бок числилось не менее 72 пехотных дивизий и 10 танковых.

Войска союзников, сосредоточенные в Бельгии и Северной Франции, к 10 мая 1940 г. развернулись в следующей группировке. Бельгийская армия после отмобилизования имела в своем составе 20 пехотных и 2 кавалерийские дивизии. Из них 12 пехотных и 1 кавалерийская дивизии развернулись на бельгийско-голландской границе от Маастрихт до Антверпена, заняв укрепления канала Альберта; 5 пехотных и 1 кавалерийская дивизии развернулись на востоке в Арденнах, заняв укрепленную позицию вдоль германо-бельгийской границы между Голландией и Люксембургом, опираясь на Льежский и Намюрский укрепленные районы; 3 пехотные дивизии сосредоточились в районе Гент, Брюссель в резерве бельгийского командования.

Французское командование сосредоточило на границах Северной Франции от побережья пролива Па де Кале до линии Мажино 1-ю группу армий (генерала Биллот) в следующем составе: 7-я, 1-я, 9-я и 2-я армии, общей численностью в 34 дивизии, в том числе 2 танковые. 7-я французская армия (генерала Жиро) состояла из 4 пехотных дивизий (4-я, 60-я, 68-я резервные и 21-я пехотная), 9-й и 25-й моторизованных и 1-й механизированной кавалерийской дивизии, всего 7 дивизий. Войска этой армии были сосредоточены на левом фланге у побережья в районе Дюнкерк, Кассель, Азеврук. По плану французского командования 7-я армия имела задачу оказать помощь голландской армии. Для этого с началом наступления немцев она должна была вступить в Голландию, выйдя северо-восточнее Антверпена, в направлении Бреда, с целью обеспечения приморского участка р. Шельда и поддержания связи между бельгийской и голландской армиями. Движение главных сил 7-й армии в направлении Бильбург прикрывалось 1-й легкой механизированной дивизией.

1-я французская армия (генерала Бланшар) состояла из 4 пехотных (32-я резервная, 2-я и 5-я североафриканские, 1-я пехотная), 2 моторизованных (15-я и 2-я), 2-й и 3-й кавалерийских механизированных дивизий, всего 8 дивизий. Войска 1-й армии были сосредоточены в районе Конде, Мобеж, Авен и имели задачу с началом наступления немцев войти в Бельгию и занять фронт севернее Намюр, прикрывая подступы к Жамблу. Движение главных сил 1-й армии прикрывалось кавалерийским корпусом (2-я и 3-я кавалерийские механизированные дивизии), который выдвигался в общем направлении на Сен Тронд.

9-я французская армия (генерала Коран), имела 5 пехотных дивизий (22-я, 53-я, 61-я и 18-я резервные, 4-я североафриканская), 102-ю крепостную, 5-ю моторизованную пехотную, 1-ю и 4-ю механизированные кавалерийские дивизии и кавбригаду «Спаги», всего 9 дивизий и 1 кавбригаду. Войска 9-й армии сосредоточились в районе Ирсон, Живэ, Мезьер. По плану эта армия также должна была войти в Бельгию и левофланговыми дивизиями занять фронт по р. Маас, юж-

нее Намюр. Движение главных сил армии прикрывалось 1-й и 4-й кавалерийскими дивизиями, выдвигавшимися вперед в направлении Динан, Ларош.

Правофланговая 2-я французская армия (генерала Хюнцингер) примыкала к линии Мажино и сосредоточилась в районе Седан, Монмеди. В состав этой армии входили 55-я, 71-я, 41-я резервные, 3-я североафриканская, 1-я и 3-я колониальные, 5-я и 2-я кавалерийские дивизии, всего 8 дивизий. Сосредоточение 2-й армии прикрывалось 2-й и 5-й кавалерийскими дивизиями, выдвинутыми к Бастонь, Арлон.

Английская экспедиционная армия (генерала Горт) состояла из 10 дивизий и сосредоточилась в районе Лиль, Дуэ. Английские войска по плану с началом всенных действий должны были вступить в Бельгию и занять позицию «Диль», между Лувэн и Вавр.

Таким образом, к 10 мая общая численность войск союзников, сосредоточенных в Северной Франции и Бельгии, составляла 66 дивизий, в том числе 2 танковых, которым противостояли 82 германские дивизии, включая 10 танковых.

Армейская группа генерала Бок к началу Фландрской операции по количеству дивизий имела значительное превосходство по сравнению с наличным числом дивизий союзников, сосредоточенных в Бельгии и на границе Северной Франции. Подавляющее превосходство немцы имели также в танках и авиации. Каждая германская бронетанковая дивизия имела свыше 400 танков (2 танковых полка в каждой дивизии). Французская армия имела 4 бронетанковых и 7 легких механизированных дивизий. Французские бронетанковые дивизии были сформированы недавно, обучались только несколько недель. Каждая из них имела полк танков (70 средних и 90 легких). Кроме того, в распоряжении главного командования находилось 34 отдельных танковых батальона, состоявших преимущественно из легких танков.

Помимо превосходства в танках и авиации, германские пехотные дивизии имели большую огневую мощь по сравнению с французской и английской пехотными дивизиями. По данным 1939 г.¹, мощность минного заграждения дивизии была следующей: Англия—13 109 кг, Франция—15 139 кг, Германия—19 754 кг. Германская дивизия имела 2 артиллерийских полка тяжелых орудий; легкая артиллерия была включена в пехотные полки. Дивизионная артиллерия германской дивизии состояла из 60 орудий (тридцать шесть 105-мм гаубиц, шестнадцать 150-мм тяжелых гаубиц и восемь 105-мм пушек). Французская пехотная дивизия также имела 2 артиллерийских полка в составе 60 орудий (36 орудий 75-мм и 24 орудия 155-мм), но один полк был легкоартиллерийским. Французский пехотный полк имел только пятнадцать 25-мм орудий в качестве полковой артиллерии, в то время как германский пехотный полк, имея шесть 75-мм, два 105-мм орудия и двенадцать 37-мм противотанковых пушек, был более сильным в огневом отношении. Английская пехотная дивизия имела 48 орудий, в том числе 12 (84-мм) пушек и 36 (94-мм) гаубиц.

Особую ударную силу германскому наступлению придавали танковые и моторизованные дивизии, которых у союзников было недостаточно. Французское командование недооценивало роли самостоятельных танковых соединений и поздно приступило к их формированию. Оно считало, что при современной плотности насыщения средствами ПТО необходимо стремиться к созданию танков с мощной броней и не гнаться за увеличением их скорости, так как танкам придется действовать в системе оборонительных сооружений, где они неминуемо поте-

¹ М. Ноздрунов. Огневая и ударная мощь пехотных дивизий капиталистических армий. «Военная мысль» № 10, 1939 г.

ряют свою скорость. Поэтому французское командование обращало основное внимание на использование тяжелых и средних танков во взаимодействии с обороной укрепленных районов. По французским взглядам, для оперативной разведки, отражения маневра и внезапного удара противника считалось достаточным иметь легкие механизированные пехотные и кавалерийские дивизии, включающие полк танков в составе двух батальонов преимущественно легких танков. По этому же принципу были организованы и английские моторизованные дивизии. По итальянским данным, в момент мобилизации французская армия имела 1 750 легких, 450 средних и 130 тяжелых танков современных образцов и 500 легких танков устаревших типов. К 10 мая Франция имела 2 550 легких и 1 030 средних и тяжелых танков. Германская армия располагала около 5 000—5 500 танков, из которых две трети являлись средними и тяжелыми. Таким образом, немцы обладали значительным превосходством в средних и тяжелых танках.

Германская авиация имела на западном фронте до 5 000 самолетов, в том числе 1 500 истребителей. Французская авиация могла противопоставить немцам лишь до 1 000 самолетов, в том числе 580 истребителей. Английская экспедиционная армия имела около 300 самолетов, из них 130 истребителей.

Французская армия по сравнению с германской была значительно слабее не только в отношении материальной части, но и по боевой подготовке. В 1939 г. боевые качества и вооружение французской армии были на более низком уровне, чем в 1914 г. По сведениям итальянской и французской печати, в армии, мобилизованной в 1939 г., имелось 130 000 офицеров, из них 28 000 кадрового состава и 100 000 из запаса, т. е. на 1 кадрового офицера в среднем приходилось 3 офицера запаса. Подготовка офицеров запаса была неудовлетворительной, что сказалось впоследствии на их руководстве войсками. Когда Даладье был военным министром, он в целях экономии уволил в отставку 5 000 офицеров. Кадры унтер-офицеров запаса, проходившие одногодичный срок службы, также имели слабую подготовку.

Французская пехота имела на вооружении устаревшую винтовку системы Лебель, отстававшую по своим качествам от современной германской винтовки. Французские ручные пулеметы стреляли специальными патронами, что затрудняло снабжение их боеприпасами во время боя. Германские пулеметы употребляли обычные винтовочные патроны. Французские солдаты не имели методической и продолжительной стрелковой подготовки, какую имели германские войска, не были подготовлены и к длительным маршам. Боевая выкладка французского пехотинца тяжелее, чем германского. В германской армии большая часть груза солдат перевозилась на автомашинах.

Значительная часть пехотных полков французской армии имела на вооружении 25-мм противотанковые пушки, огонь которых был действителен только против легких танков. Новая 47-мм противотанковая пушка была способна пробивать броню любых германских танков, но в армии ее почти не было. Полевая артиллерия французской армии состояла из 75-мм пушек (образца 1897 г.), которые имели меньшую дальность огня и вес снаряда, чем германские пушки. Вся французская тяжелая артиллерия, за исключением 105-мм мортир и 115-мм пушек, существует со времен первой мировой империалистической войны. Материальная часть германской артиллерии является вполне современной и полностью моторизована, так же как и значительная часть обозов и тыловых служб. Французские войска были только частично моторизованы.

Таким образом, германская армия превосходила французскую как в численности, так и в мощности своей материальной части. Массовое применение танковых и мото-механизированных соединений, вооружен-

ных современной техникой, пикирующих бомбардировщиков, истребителей и штурмовиков во взаимодействии с пехотой давало возможность последней как главному роду войск захватывать и закреплять пространство и территорию противника, а также окончательно уничтожать его живую силу.

ПЛАНЫ СТОРОН

План германского командования, как показал ход боевых действий, заключался в том, чтобы в первую очередь уничтожить северную группу армий союзников в Бельгии и Северной Франции. Для этой цели главный удар намечалось нанести по наиболее слабому участку фронта — против 9-й армии, растянувшей свой фронт на 90 км от Намюра до Седан. Развитие оперативного успеха танковыми и моторизованными дивизиями должно было вестись в направлении на Сен Кантен, Абвиль, Булонь с целью выйти на побережье Ла Манш и тем самым, разведлив армии союзников, окружить и уничтожить северную группу союзных армий во Фландрии.

План союзников исходил из того, что германские войска будут наносить главный удар, как и в 1914 г., своим правым флангом через Бельгию. Маневренная группа армий союзников в составе 7-й и 1-й французских и английской экспедиционной армий должна была совместно с бельгийской армией остановить наступление немцев в Бельгии восточнее линии Антверпен, Брюссель, Намюр. Французское командование, видимо, надеялось, что, остановив германское наступление в Бельгии, удастся вновь перейти к позиционной войне. Поэтому армиям союзников была поставлена пассивная задача — остановить германское наступление.

Командование союзников не ожидало, что германская армия главный удар будет наносить левым флангом через Люксембург, Арденны. Их разведка не сумела своевременно обнаружить сосредоточение двух ударных германских армий (6-й и 9-й) в Арденских лесах. Группа союзных армий, действовавших в Бельгии и Фландрии, не была к тому же объединена единым командованием. Согласование действий ограничивалось договоренностью французского и английского штабов о том, что на командующего 1-й группой французских армий возлагается обязанность координировать операции английских и французских войск в Бельгии. Бельгийская армия действовала самостоятельно под командованием бельгийского короля и его штаба. Войска союзников зачастую производили операции самостоятельно или же после длительных согласований, теряя время и упуская благоприятную обстановку. В этом отношении союзники повторили ошибку, допущенную ими в войне 1914—1918 гг.

ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В Бельгии действия германских армий с рассветом 10 мая развернулись в трех основных направлениях: на линии канала Альберта, в районе р. Маас и в восточной части Арденн. На этих направлениях бельгийские войска не смогли долго удержаться. К 12 мая уже определилось направление главного удара 4-й германской армии, которая в этот день прорвала бельгийские укрепления на линии канала Альберта, захватила Маастрихт, Хасель, овладела рядом переправ через р. Маас севернее Маастрихт и развивала наступление на Брюссель. Используя прорыв у Маастрихт, эти войска начали обходить Льежский укрепленный район с севера, выделив часть сил для блокирования Льежа и его фортов. Главные силы немцев с помощью танковых дивизий вели наступление в направлении на Брюссель. Угроза окружения вынудила бельгийские войска, занимавшие укрепленную линию в Арденнах по границе с Германией, отказаться от обороны этой линии и отойти. Они

заняли новую линию обороны по р. Маас и в районе укреплений Намюр. Германские атаки поддерживались танками, пикирующими бомбардировщиками и штурмовой авиацией. Германская авиация атаковала с воздуха подходившие бельгийские резервы, а также аэродромы, железнодорожные узлы и укрепленные позиции. Так, например, 11 мая на линии канала Альберта у форта Эбен-Эмаель и на переправах через р. Маас были выброшены парашютные десанты, которые захватили две важнейшие переправы у Маастрихт и блокировали форт Эбен-Эмаель, который затем сдался, не оказав необходимого сопротивления. Падение форта Эбен-Эмаель значительно облегчило немцам овладение оборонительной позицией в этом районе.

Германские мото-механизированные дивизии, проникнув в образовавшийся прорыв, двинулись дальше по долинам рек Маас и Самбра и в западном направлении на Брюссель.

Войска союзников, вступив в Бельгию, начали продвижение на восток для занятия намеченного рубежа восточнее линии Антверпен, Брюссель, Намюр. 7-я французская армия 10 мая вступила в Южную Голландию и продвигалась в направлении Бреда. В авангарде наступали 1-я легкая механизированная, 25-я и 9-я пехотные дивизии. Но вскоре, 13 мая, под натиском противника 7-я армия начала отходить к Антверпену.

Бельгийские войска 12 мая своим левым флангом занимали оборонительные позиции по каналу Альберта и далее к югу до Лувэн. На фронт Лувэн, Вавр, р. Диль подходила английская экспедиционная армия. К рубежу Вавр, Жамблу к 13 мая должны были подойти главные силы 1-й французской армии. Укрепленный район Намюр защищал бельгийский корпус. Южнее, вдоль р. Маас до Седан, позиции занимала 9-я французская армия со штабом армии в Вервен. Южнее 9-й армии, от Седан до Монмеди, располагалась 2-я французская армия. В состав 9-й армии входили второочередные дивизии. При переходе в Бельгию войска союзников заняли полевые позиции по р. Маас, оставив в тылу те укрепления, которые создавались в 1939 г.

Командование союзных войск, стремясь предотвратить прорыв германских войск в Бельгию и отразить намечавшийся обход своего левого фланга с севера, форсировало переход в наступление частей 1-й французской и английской экспедиционных армий. Главные силы этих армий по плану французского командования должны были к 13 мая занять позицию «Диль», расположенную по линии Лувэн, Вавр. Их сосредоточение прикрывалось французским кавкорпусом (2-я и 3-я механизированные кавдивизии).

Английские и французские войска, получив 10 мая приказ перейти в Бельгию, должны были предварительно пройти от 70 до 170 км, прежде чем они могли занять новые позиции для обороны. Только через два-три дня к позиции «Диль» смогли подойти главные силы союзных армий. Войска двигались только ночью ввиду частых нападений германской авиации. Выброшенные вперед в качестве передовых эшелонов союзников французские кавдивизии и легкие моторизованные дивизии не могли остановить наступления германских танковых и мото-механизированных частей. Главные силы английской и французской армий, подойдя к позиции «Диль», вынуждены были немедленно же вступить в бой, приняв на себя некоторые отходящие бельгийские части и свои легкие моторизованные войска. Вследствие этого маневренная группа союзников сразу же была связана в своем маневре и не смогла выполнить задачу нанесения контрудара германским войскам и приостановки их продвижения в Бельгии.

Германское командование сосредоточило максимальные силы на направлении главного удара. Армии, наступавшие здесь, имели значительное превосходство в пехотных и танковых дивизиях над союзниками.

Крупный бой между германскими, французскими и английскими мото-механизированными дивизиями разыгрался в результате встречного столкновения 13 мая на плато у Тирлемон. В этом бою, по данным германской печати, участвовало около 2 000 танков. Обе стороны понесли крупные потери. Мото-механизированные дивизии союзников вынуждены были отступить. Германские танковые дивизии 4-й армии в результате боя у Тирлемон отбросили к Превез механизированные дивизии французского кавкорпуса и нанесли им значительные потери. После этого вступили в бой главные силы подошедших 1-й французской и английской экспедиционной армий, которые также пытались приостановить наступление немцев.

С 13 по 15 мая упорные бои развернулись на позиции «Диль». В этих боях участвовали войска 18-й и 4-й германских армий и главные силы 1-й французской и английской экспедиционной армий, которые оборонялись на фронте к северу от Намюр, по линии Жамблу, Вавр, Диль, Лувэн (включительно). Капитуляция голландской армии 15 мая освободила войска 18-й германской армии, которые усилили натиск против частей 7-й французской и левого фланга бельгийской армий.

В этот же период вновь образованная ударная германская мото-механизированная группа генерала Клейст в составе 1-й, 2-й, 6-й, 8-й, 10-й танковых и 2-й, 13-й, 29-й моторизованных дивизий нанесла решительный удар на фронте 9-й и 2-й французских армий. Утром 13 мая германские передовые части танковых дивизий генерала Рейнгардт, захватив мосты, форсировали р. Маас на участке Ивуар, Динан, Живэ и прорвали фронт 9-й армии. Удар против ее левого фланга наносился на фронте шириной до 25 км. Находившиеся здесь 1-я и 2-я французские танковые дивизии 14 мая два раза атаковали германские войска, переправившиеся у Динан, но отбросить противника не смогли. В результате прорыва фронта 9-й армии у Динан и продвижения германских войск на запад создалась угроза охвата для 1-й французской и английской армий.

Действовавшие южнее против 9-й и 2-й французских армий германские танковые и моторизованные дивизии в течение 12 мая отбросили к р. Семуа французские механизированные кавдивизии. Форсировав эту реку у Буйон, германские танковые дивизии генерала Гудериан на рассвете 14 мая, захватив мосты, форсировали р. Маас у Седана, в стыке 2-й и 9-й французских армий. Развивая успех, танковые и мото-механизированные дивизии мото-мехгруппы генерала Клейст передовыми частями к концу дня 14 мая захватили Мезьер, Лиар. Левый фланг 2-й французской армии был отброшен к югу, на фронт Монмеди, Ретель. Правый фланг 9-й армии также отошел от р. Маас к укрепленной позиции у Рокруа. Таким образом образовался разрыв между 9-й и 2-й французскими армиями шириной около 40 км. В эту брешь непрерывным потоком вливались германские танковые и мото-механизированные части, развивая наступление в направлении на Сен Кантен. Французские войска действовали разрозненно; резервов для контрудара вблизи не было.

В течение двух следующих дней французское командование также не сумело сосредоточить необходимые силы, чтобы организовать контрудар и остановить наступление мото-мехгруппы генерала Клейст. Французское командование пыталось перебросить с левого фланга 9-й французской армии 1-ю и 2-ю танковые дивизии для организации контрудара с севера в направлении на Ирсон, Лиар. Но этого не удалось сделать: 1-я дивизия была сильно потрепана, а 2-я сдерживала противника на мостах через р. Самбра. Наиболее реальным резервом являлись войска 7-й армии, отошедшие 15 мая из Голландии к Антверпену. Эти войска (кроме 60-й и 68-й пехотных дивизий, оставшихся на левом фланге бельгийцев) были срочно направлены в район Камбрэ, Руа, к правому флангу 9-й армии.

Танковые и мото-механизированные дивизии группы генерала Клейст и подошедшие войска 6-й германской армии, отбивая разрозненные контратаки отходящих частей 9-й и 2-й французских армий, к 15 мая вышли на фронт Ирсон, Вервен, Марль. На позициях вдоль р. Диль 1-я французская и английская армии были скованы и не могли помочь частям 9-й французской армии, которая понесла большие потери. Атаки 18-й и 4-й германских армий против бельгийской и англо-французской армий во Фландрии продолжали усиливаться, и позиции на р. Диль были прорваны немцами, проникшими в Лувэн. В ночь с 15 на 16 мая войска союзников оставили эти позиции и отошли за канал Шарлеруа под сильным натиском воздушных и наземных сил противника. В ночь с 16 на 17 мая союзные войска покинули Брюссель, куда к вечеру 17 мая вступили части 4-й германской армии.

Бельгийская армия продолжала еще некоторое время удерживаться своим левым флангом в Антверпенском укрепленном районе, отбивая сильные атаки 18-й германской армии. Правым флангом она отошла 17 мая на р. Шельда и к Термонд. К вечеру следующего дня бельгийцы уже не в состоянии были удерживать Антверпен и отступили к Тернезен, так как германские войска заняли остров Бевеланд (Голландия).

Английская армия и войска 1-й и 9-й французских армий 18 мая отошли на новые позиции по линии Аlost, Ат, Монс, Мобеж. Части 9-й армии занимали левым флангом Барлемон и старались закрепиться на канале Самбра.

В течение 18 и 19 мая упорные бои развернулись у Мобеж и южнее. Германские мото-механизированные дивизии неоднократно атаками пытались сломить сопротивление французских войск у Мобеж и переправиться через р. Самбра. Неудачно кончились и первоначальные попытки немцев продвинуться к Камбрэ в районе Ле Като. Только 19 мая им удалось, используя захваченное накануне предместное укрепление у Рибемон, форсировать канал Самбра и р. Уаза. К вечеру их передовые части достигли Сен Кантен и Перонн и форсировали канал Соммы, отбросив небольшие части французских войск, прикрывавших эти переправы. Глубина прорыва увеличивалась, к 19 мая она достигла 70—80 км. Французское командование не смогло быстро сосредоточить силы, чтобы остановить движение германских мото-мехсоединений и закрыть прорыв. Крупные соединения французских резервов и войска 7-й армии, отошедшей из Голландии, только подходили к месту прорыва. Налеты германской авиации затрудняли дневное передвижение войск. Железнодорожные пути, станции, мосты также были в значительной части разрушены германской авиацией. Таким образом, быстрое продвижение германских мото-механизированных дивизий, в среднем до 20—25 км в сутки, прикрываемое крупными соединениями авиации, опережало сосредоточение французских резервов к месту прорыва и затрудняло организацию контрудара.

Стремясь замедлить движение германских танковых колонн, а также принять меры на случай наступления немцев на Париж, французское командование приняло новый план контрманевра. С этой целью предполагалось с утра 18 мая нанести фланговый удар противнику. Передовые части 6-й французской армии, подходившие на фронт Реймс, Суассон, вместе с танковой группой генерала де Голь должны были перейти в наступление против германских бронетанковых частей в направлении на Марль с задачей «замедлить движение германских войск по направлению к р. Уаза». Войскам 7-й армии приказано было установить связь с правым флангом 9-й армии на р. Уаза, начиная от Ла Фер, а если возможно, то и от Рибемон. Введенное в заблуждение демонстративным наступлением на Реймс и Лаон и угрозой Парижу, французское командование не знало еще, куда будет направлено дальнейшее продвижение немцев: к побережью или к Парижу.

Все это показывает, что французское командование, не сумевшее собрать в течение четырех дней после прорыва достаточных сил, стремилось вследствие этого только «замедлить движение германских мотомеханизированных колонн», так как все намечаемые им мероприятия запаздывали и поэтому не могли дать результатов.

Передовые части германских мотомеханизированных дивизий 18 мая заняли Сен Кантен и Перонн и достигли юго-восточных подступов к Дул-

Схема 3. Положение сторон 14—18 мая 1940 г.

лан. Создалась прямая угроза разъединения армий союзников, выхода немцев к побережью и окружения союзных войск во Фландрии. В этой обстановке части 7-й французской армии получили новый приказ: «срочно организовать оборону Парижа и ликвидировать прорыв на реке Уаза». Однако силы 7-й армии были для этого недостаточны, и в результате местных столкновений ее войска к 20 мая заняли фронт по каналу Сомма—Уаза. Правый фланг армии находился у Лаон, центр на р. Уаза у Шони и левый фланг на р. Сомма у Ам, Перонн. Танковая группа генерала де Голь, впоследствии превращенная в 4-ю танковую

дивизию, 19 мая, выступив из Лаон, повела наступление вместе с частями 6-й армии в северном направлении, имея задачей нанести удар во фланг германским войскам. Продвинувшись на север до Монкорне и р. Серр, танковая группа была остановлена сильным огнем германской противотанковой артиллерии и к вечеру 19 мая вынуждена была отойти обратно к Лаон.

На северном участке союзного фронта 19 мая положение также было исключительно серьезно. Отход союзников из Бельгии продолжался. Их войска, ведя непрерывные бои начиная с 10 мая, имели значительные потери, были утомлены боями и налетами германской авиации. К концу дня бельгийская армия отошла к Гент и 20 мая заняла новый оборонительный рубеж по каналу от Тернезен до Гент и далее по р. Шельда от Гент до Оденард. Английская экспедиционная армия также должна была отойти под натиском противника с фронта Аlost, Ат и в тот же день заняла позиции по р. Шельда от Оденард до Сент Аман. Войска 1-й французской армии оставили Монс и к 20 мая своим левым флангом удерживали Конде, Валансьен. В районе Дуэ, Аррас находился 1-й французский механизированный кавкорпус.

Части 9-й французской армии отошли на линию канала Сен Кантен. Германские мото-механизированные дивизии, преследуя их, еще 18 мая форсировали этот канал и вошли в Камбрэ, Сен Кантен. Штаб 9-й армии вместе с генералом Жиро, назначенным вместо генерала Корап, был захвачен передовыми германскими мото-механизированными частями в Перонн. Остатки армии отошли от Камбрэ в северо-западном направлении и, видимо, в дальнейшем сражались вместе с частями 1-й армии.

Германское командование, используя широкий прорыв фронта, не заполненный войсками союзников, направляло легкие бронетанковые части, батальоны мотоциклистов и пехоту на автомашинах в тыл союзным армиям. В результате боев к 20 мая германские мото-механизированные войска заняли Абвиль и передовыми частями достигли побережья Ла Манш, пройдя свыше 250 км за шесть суток, преодолев сопротивление французских войск. К вечеру 21 мая прорыв фронта союзников представлял собой мешок глубиной до 200 км и проходил от Мобеж на Камбрэ, Аррас, Дуллан, Берк, Абвиль, Амьен, Перонн, Сен Кантен. С выходом германских танковых и мото-механизированных дивизий к побережью Ла Манш (21 мая) и занятием на следующий день Булонь закончилось оперативное окружение фландрской группы союзных войск. В окружении оказались бельгийская, английская экспедиционная (9 дивизий), 1-я французская армии и остатки 9-й армии. Армии союзников имели здесь не более 40 дивизий, уже понесших значительные потери.

Продолжая наступление, танковые и мото-механизированные дивизии генерала Клейст продвигались в направлении на Кале. Германское командование приступало к тактическому окружению и ликвидации фландрской группы союзников. В период с 23 по 28 мая все усилия немцев были направлены к дальнейшему сжатию кольца вокруг фландрской группы союзников. Непрерывными атаками пехоты и танков и налетами авиации немцы стремились прорвать позиции союзников и расчленив их армии. После потери Булонь и Кале у союзников на побережье остались только два порта — Дюнкерк и Остенде, — через которые могли производиться снабжение и эвакуация союзных войск. С завершением окружения фландрской группы германское командование главные усилия 18-й и 4-й армий направляло против позиций, удерживаемых бельгийской армией. Непрерывные атаки германские войска вели в направлении Менен, Ипр, стремясь отрезать бельгийскую армию от войск союзников.

Обе стороны в результате двенадцати дней непрерывных боев понесли большие потери. Но германские войска продолжали сохранять превосходство в силах. Численное превосходство их войск позволяло заменять части и быстро пополнять потери за счет ввода свежих дивизий.

Окруженные войска союзников, понеся большие потери в людском составе, начали к этому времени ощущать острый недостаток боеприпасов и продовольствия. Все части союзников были переведены на половинный продовольственный паек. Попытки сбросить им боеприпасы с помощью парашютов не удались, так как немцы, обнаружив это, организовали усиленное наблюдение за воздухом и атаковывали самолеты, доставлявшие боеприпасы. Непрерывными налетами германская авиация разрушала порты, дороги и мосты на побережье Бельгии и Северной Франции. Положение союзных армий в окружении усложнялось еще и тем обстоятельством, что одновременно с отступающими армиями отошли из Бельгии и Северной Франции сотни тысяч беженцев, переполнивших тылы, забивших все дороги, вокзалы и пристани.

В течение 21—22 мая окруженные войска союзников пытались улучшить свое положение, стремясь пробиться на юг и соединиться с главными силами французской армии. К этому времени брешь прорыва к югу от Барлемон достигала 50 км, доходя до р. Сомма.

Новый главнокомандующий французскими армиями генерал Вейган после совещания 21 мая с Черчиллем и королем Леопольдом принял решение организовать контрнаступление с севера и юга в направлении на Бапом, Перонн с целью восстановления прорванного фронта. В наступлении должны были участвовать союзные войска фландрской группы и новые французские дивизии, подходившие от р. Сомма. Наступление было намечено на 22 мая. Английское командование для этой цели выделило две дивизии: 50-ю пехотную и 5-ю моторизованную. Эти дивизии находились в районе севернее Дуллан, Аррас и должны были совместно с частями 1-й французской армии повести наступление в направлении от Аррас на Бапом. Вместе с английскими дивизиями в наступлении должен был участвовать механизированный корпус 1-й французской армии в составе двух легких мото-механизированных дивизий. Но последние, понеся большие потери в прошлых боях, приняли слабое участие в этом наступлении.

Наступление началось 22 мая, причем 5-я английская дивизия первоначально успешно продвигалась к югу от Аррас и нанесла потери германским войскам. К 18 часам английская разведка обнаружила, что по дороге от Камбрэ подходят новые танковые и пехотные соединения германской армии. Не имея связи с французскими войсками, которые должны были наступать от р. Сомма, английские дивизии начали отходить к Аррас. После боя у Аррас в течение 23 и в ночь на 24 мая английские и французские войска оставили Аррас и отошли к Дуэ.

Французское и английское командование, стремясь выполнить приказ генерала Вейгана, пыталось впоследствии еще раз осуществить попытку соединиться с главными силами на р. Сомма. Эта вторая операция была назначена на 26 мая. В ней должны были участвовать 3-я и 2-я пехотные дивизии и кавалерийский механизированный корпус, 5-я и 50-я английские дивизии. Удар намечался на участке между р. Шельда и каналом Сен Кантен в направлении на Бапом. Но изменившаяся обстановка на фронте бельгийской армии, которая, потерпев поражение на р. Шельда, начала отходить на запад, заставила французское и английское командование отменить эту операцию и организовать отход французских войск на р. Лис. 5-я и 50-я дивизии еще 25 мая были переброшены на левый фланг английской армии в связи с прорывом бельгийских позиций у Ипра.

На фронте бельгийской армии к этому времени усилила атаки 18-я германская армия, которая начиная с 19 мая стремилась быстрее овладеть районом Гент и прорвать бельгийские позиции на р. Шельда. В течение нескольких дней германским войскам не удавалось форсировать р. Шельда. Все их атаки отбивались бельгийцами. Только к вечеру 21 мая немцам удалось прорваться у Оденард. Бельгийские войска,

удерживая позиции в районе Гент, своим правым флангом ночью начали отходить на р. Лис. По сведениям бельгийской печати, этот маневр вызван был преждевременным отходом английских войск, которые оставили правый берег р. Шельда в ночь на 20 мая и на следующий день уже занимали позиции на р. Лис. Мосты у Куртре были взорваны англичанами якобы уже в 5 часов утра 22 мая. В результате оставления англичанами Куртре и Рубэ германские войска начали с севера обходить Лиль. Не успевшие своевременно отойти некоторые части французских 1-й и 9-й армий, находившиеся у Валансьен, попали в окружение.

Бельгийская армия вследствие несогласованного отхода английских войск с р. Шельда и охвата правого фланга немцами вынуждена была отступить и занять новые позиции на р. Лис уже после того, как сюда отошли главные силы английской экспедиционной армии. Это положение создалось в результате отсутствия единого командования у союзников. Все три командующих фактически действовали самостоятельно и, видимо, даже ставили в известность соседей о своих намерениях.

С отходом правого фланга бельгийской армии ее фронт растянулся до Менен, так как бельгийцам пришлось частично занять английские позиции. 18-я германская армия, преследуя отступавшие бельгийские войска, пыталась с налета форсировать р. Лис. Атаки в районе Менен 24 мая силами четырех дивизий первоначально увенчались успехом, и немцам удалось отбросить части 1-й и 3-й бельгийских дивизий от берега р. Лис. Подошедшие сюда резервные войска 9-й и 10-й бельгийских дивизий атаковали германские части, и к вечеру того же дня положение было восстановлено. Получив свежие подкрепления, германские войска с утра 26 мая вновь возобновили свои атаки, направив все усилия против бельгийского правого фланга у Менен. К концу дня им удалось форсировать р. Лис и оттеснить бельгийцев к Ипру. Германская авиация производила непрерывные налеты на участок фронта у Менен, способствуя прорыву бельгийского фронта в стыке с англичанами. Прорыв между правым флангом бельгийской армии и английскими войсками все расширялся. Бельгийским войскам в течение 26 мая удалось несколько сдерживать натиск германских дивизий на фронте Ипр, Русселаре, Тильт с помощью перебросенных с левого фланга 6-й пехотной и 2-й кавалерийской дивизий. Но в районе Гент они вынуждены были отступить, и к вечеру 26 мая этот город был занят немцами.

Большие потери, понесенные бельгийскими войсками, отсутствие резервов, недостаток боеприпасов и продовольствия начали сильно сказываться на их боеспособности. Бельгийское командование 26 мая просило английское командование оказать поддержку и организовать контрудар между реками Лис и Шельда во фланг и тыл наступавшему противнику. Английский командующий генерал Горт, ссылаясь на отсутствие свободных войск, отказался организовать фланговый контрудар. Воздушные и наземные атаки немцев против бельгийской армии продолжались с прежней силой, и к полудню 27 мая фронт вновь был прорван на участке между Тильт и Русселаре. Бельгийское командование ввело в бой последние резервы — три слабых пехотных полка, которые до вечера 27 мая сдерживали наступление немцев на этом участке. В связи с отходом 60-й и 68-й французских дивизий, находившихся в районе восточнее Слейс, левый фланг бельгийских войск отошел к Брюгге. Немцы заняли Слейс. К вечеру 27 мая бельгийская армия под натиском противника вновь отошла к западу и заняла новые позиции на линии Русселаре, Ингельмюнстер, Дейнзе, Экло, Брюгге. В результате прорыва немцев у Ипра и проникновения их войск на северек Слейс бельгийская армия была отрезана от союзников и охвачена с севера и юга.

Последняя линия обороны бельгийцев 28 мая проходила от берега моря к западу от Слейс, северо-западнее Экло в направлении на Альтр, Тильт, Ингельмюнстер, Русселаре, Дисмюд. Не рассчитывая более на

Помощь войск союзников, которые были скованы непрерывными атаками германских воздушных и наземных сил и также были окружены, бельгийское командование 28 мая приняло решение капитулировать. Об этом решении союзники были предварительно уведомлены.

С капитуляцией бельгийской армии союзники потеряли около 450 000 войск, что еще больше осложнило их положение и ускорило ликвидацию фландрской группы. Германские войска после этого полно-

Схема 4. Положение сторон 20—30 мая 1940 г.

стью овладели всем бельгийским побережьем, портами Остенде и Зебрюгге и получили дорогу на Дюнкерк — единственный порт, который еще оставался в руках союзников. Для прикрытия эвакуации союзное командование 29 мая затопило район Дюнкерк вместе с окружающими его городами Берг, Бурбур и Гравелин. Это мероприятие задержало наступление танковых дивизий, но не помешало германской артиллерии и авиации бомбардировать территорию, занятую союзниками.

Новый фронт обороны союзники создали по реке и каналу Изер, идущему через Берг на Фюрн и Ньюпор. На этом участке сосредоточились остатки 9 английских и 18 французских дивизий с уцелевшей

материальной частью. В течение пяти дней (с 30 мая по 4 июня) бои происходили на фронте Ньюпор, Дисмюд, северный берег р. Изер, Берг и в районе восточнее Дюнкерк. Для ликвидации остатков англо-французских войск германское командование оставило войска 18-й армии. Еще 26 мая германские танковые дивизии были сняты с северного фронта и сосредоточены в районе Монтрей — Сент Омер. Остальные силы армейской группы генерала Бок с 28 мая начали сосредоточение на новом фронте по р. Сомма. Здесь немцы приступили к подготовке наступления на Париж.

Английское правительство для спасения остатков английской армии бросило к Дюнкерк крупные силы военно-морского и военно-воздушного флотов, под прикрытием которых большое количество транспортных судов смогло подойти к побережью. Несмотря на непрерывные атаки германской авиации и наземных войск, английская авиация сумела прикрыть эвакуацию остатков союзной армии, которая была закончена к утру 5 июня. По заявлению Черчилля, англичанами было эвакуировано 335 000 войск, для чего было использовано 220 легких военных и более 650 торговых судов. Учитывая, что эвакуация проходила под непрерывным огнем авиации и артиллерии германской армии, необходимо отметить, что английскому командованию удалось успешно провести организацию эвакуации такого большого количества войск в короткие сроки.

По английским сообщениям, потери англичан во Фландрии составили 30 000 убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Союзники оставили здесь всю материальную часть английских и французских дивизий, участвовавших в боях во Фландрии. По данным германской печати, армия союзников с 10 мая по 1 июня потеряла убитыми 10 252 человека, ранеными 42 323 человека и пропавшими без вести 8 463 офицера и солдата. По американским сообщениям, потери германских войск за двадцать дней боев в Бельгии и Франции составили 100 000 убитыми, 400 000 ранеными; вышло из строя 2 000 танков и до 2 000 самолетов. В районе Дюнкерк, по заявлению германского командования, ими было захвачено в плен до 40 000 англо-французских войск. Во время эвакуации англо-французских войск германская авиация, по сведениям германского командования, потопила 5 крейсеров, 7 эсминцев, 3 подводные лодки и 66 торговых пароходов; было повреждено 10 крейсеров, 24 эсминца и 25 других военных кораблей и 117 транспортных судов.

Операция во Фландрии длилась двадцать дней. Она закончилась полным разгромом фландрской группы войск союзников. Германия овладела Бельгией и Северной Францией и создала плацдарм для нанесения окончательного удара по главным силам французской армии. Последняя была значительно ослаблена этим поражением, потеряв до 20 лучших своих дивизий. Занятие германскими войсками Северной Франции нанесло сильный удар французской военной экономике.

К началу нового сражения «за Францию» в июне 1940 г. французская армия, расположенная на оборонительных позициях вдоль рек Сомма и Уаза, имела очень мало времени для того, чтобы создать достаточно сильную преграду немцам на путях к Парижу. Это обстоятельство в связи с общим ослаблением французской армии, значительным численным превосходством немцев и причинами политического и стратегического характера привело в дальнейшем к поражению Франции.

* * *

Несмотря на недостаточные и разноречивые данные, которые были опубликованы до сих пор в иностранной печати о сражении во Фландрии, все же они дают возможность сделать некоторые предварительные выводы.

Французское командование, ожидая наступления германской армии, ошибочно рассчитывало, что, как и в 1914 г., главный удар германская армия будет наносить своим правым флангом. Дезинформация немцев и

неудовлетворительная работа разведки союзников способствовали этому заблуждению. Стратегическое сосредоточение французской армии на северо-восточном фронте было произведено в виде двух групп армий. Главные маневренные силы союзников — бельгийская, английская и две французских армий (7-я и 1-я) общей численностью в 47 дивизий — развернулись севернее р. Самбра на фронте протяжением в 120 км. Связь между этой группой армий на левом фланге северо-восточного фронта и армиями, развернутыми на линии Мажино, обеспечивалась на фронте между Намюром и Седаном 9-й французской армией. Девять дивизий этой армии занимали фронт протяжением до 90 км начиная от Намюра до Седана (исключительно). Французское командование предполагало, что главные операции германская армия будет вести против северной группы армий союзников в Бельгии или против линии Мажино. Между тем германское командование внезапно нанесло главный удар в центре, против 9-й французской армии. Французская воздушная и наземная разведки не сумели своевременно обнаружить сосредоточение ударной группировки 6-й и 9-й германских армий в лесах Арденн. Это позволило немцам скрытно подготовить удар на главном направлении.

Французское командование считало, что наступление германских армий в направлении на Брюссель, развернувшееся после взятия Маастрихт являлось главным ударом, и поэтому стремилось быстрее занять позицию «Диль» передовыми частями 1-й французской и английской экспедиционной армий. Это была серьезная ошибка. Основная цель французского командования в этот период заключалась не в нанесении контрудара по прорвавшимся в Бельгию германским дивизиям, а в стремлении задержать натиск немцев на позиции «Диль» до подхода и сосредоточения более глубоких резервов.

План французского командования был пассивным. Оно не стремилось нанести контрудар прорвавшимся германским войскам. К моменту прорыва немцами фронта 9-й армии (14 мая) французское командование ввело в бой все войска 1-й группы армий. Достаточно сильных резервов, которые могли бы закрыть прорыв, образовавшийся на фронте 9-й армии у союзников, не имелось. Отходившая из Голландии 7-я французская армия была направлена на правый фланг 9-й армии в тот период, когда моторизованные дивизии немцев уже приближались к каналу Самбра. Поэтому подходившие разрозненно войска 7-й армии вступали сразу в бой, стремясь заполнить прорыв, и были поочередно отброшены.

Пассивный план французского командования основывался на устаревших взглядах, базировавшихся на опыте первой мировой империалистической войны. Предполагалось, что армии союзников смогут остановить наступление немцев и перейти к позиционной войне. Французское командование рассчитывало, что при этом условии удастся выиграть время для подготовки и развертывания более мощной армии союзников. Это свидетельствует о том, что французское командование не сделало для себя никаких выводов из польской кампании, не изучило методов, примененных там германской армией, с тем чтобы предпринять меры к реорганизации своей обороны и перестройке планов развертывания.

План развертывания французских армий в 1940 г. имел в своей основе те же пороки, что и в 1914 г. Как известно, французские войска тогда развернулись в составе 5 армий на фронте протяжением в 345 км от Ирсон до Бельфор. Эти армии имели тогда 21 корпус, 10 кавалерийских, 24 резервных и 4 территориальных дивизий — всего 79 пехотных дивизий общей численностью в 1 325 000 человек. Оперативная плотность фронта французской армии в начале пограничного сражения составляла в среднем: 1 пехотная дивизия на 4,3 км фронта. Французское командование главный удар в 1914 г. намечало нанести против Эльзас-Лотарингии, развернув на этом фронте 4 армии (1-я, 2-я, 3-я, 4-я) общей численностью в 945 000 человек. На бельгийской границе была развер-

нута одна французская армия (5-я) и несколько резервных и территориальных дивизий общей численностью в 380 000 человек. Бельгийская армия развернулась тогда в районе Брюссель, Льеж, Намюр в составе 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизий общей численностью в 175 000 человек. Таким образом, на направлении главного удара германских войск, который наносился в 1914 г. через Бельгию и Северную Францию, французская армия имела лишь незначительные силы, что и привело ее к быстрому отходу к Парижу. Германские войска в 1914 г. развернулись в составе 7 армий на франко-бельгийской границе на фронте от Аахен до Верхнего Рейна. Эти армии имели в своем составе 35 корпусов (70 пехотных дивизий) общей численностью около 1 600 000 человек. При этом три четверти германских войск — 26 корпусов (53 дивизии) — были сосредоточены на направлении главного удара на фронте Аахен, Метц протяжением в 160 км. Остальные 9 германских корпусов занимали фронт от Метц до Верхнего Рейна протяжением в 220 км. Следовательно, на направлении главного удара приходилась 1 дивизия на 3 км фронта. Правифланговая группа германских армий в 1914 г., состоявшая из 1-й, 2-й и 3-й армий, обладая значительным численным превосходством, имела перед собой в период наступления в Бельгии слабые части бельгийской, 5-й французской и часть дивизий английской армий.

В 1940 г. немцы развернули ударную группу в составе четырех армий (82 дивизии) на фронте от Голландии до Люксембурга общим протяжением до 250 км. На направлении главного удара, на фронте Живэ, Седан протяжением в 50 км, они нанесли удар силами 20 дивизий, включая мото-мехгруппу генерала Клейст (1-я, 2-я, 6-я, 8-я и 10-я танковые дивизии и 2-я, 29-я и 13-я моторизованные пехотные дивизии). На этом участке немцы достигли следующей оперативной плотности: 1 пехотная дивизия на 2,5 км фронта.

Ударная и огневая мощь германских войск на участке прорыва против 9-й французской армии была во много раз сильнее по сравнению с ударной группой германских армий в 1914 г. Помимо возрастания огневой мощи современной германской дивизии, решающую роль в прорыве играли танковые войска в составе до 2 000 танков, сопровождаемые крупными соединениями штурмовой авиации, пикирующих бомбардировщиков, чего не было в 1914 г.

Исходя из неверной стратегической оценки обстановки, союзники развернули 5 армий (56 дивизий) на фронте от Антверпена до Седана протяжением до 200 км. В среднем союзные армии имели следующую оперативную плотность: 1 дивизия на 3,7 км фронта; на участке же Намюр, Седан войска 9-й армии имели 1 дивизию на 10 км фронта. Таким образом, французский план развертывания имел те же недостатки, что и в 1914 г.: развертывание слабых сил на фронте главного удара противника. Это обстоятельство дало возможность германским армиям без больших усилий прорвать фронт союзников не только в наиболее слабом месте — на участке 9-й французской армии, — но также опрокинуть бельгийскую, английскую и французскую армии севернее р. Самбра. Отсутствие у союзников крупных мото-механизированных сил привело к тому, что удар германских танковых дивизий не встретил должного сопротивления. В результате немцы получили возможность быстро развить свое наступление и выйти к побережью Ла Манш.

Германская армия в сражении во Фландрии вела концентрическое наступление по внешним операционным линиям, используя, как и в польской кампании, охватывающее положение своих армий и применяя те же приемы борьбы. Германская армия, пользуясь фактором внезапности, развивала удар массовыми налетами авиации на аэродромы противника, организуя прорывы укреплений танковыми дивизиями, высадкой парашютистов в тылу союзных войск и т. д. По сравнению с кампанией в Польше все эти мероприятия носили более широкий массовый харак-

тер и имели целью быстрейшее расчленение и охват армий противника. Первоначально немцы наносили удары авиацией и танками по наиболее слабым местам укрепленной системы союзников (в Голландии, Бельгии, по слабым французским укреплениям севернее линии Мажино). Эти укрепления не могли противостоять комбинированному удару германских пикирующих бомбардировщиков, танков и артиллерии. Удар германских воздушных и наземных сил сопровождался высадкой в тылу укреплений противника авиадесантов, захватывавших оборонительные объекты и населенные пункты. Такие десанты были произведены в Голландии и Бельгии. Так, для захвата «крепости Голландия» в тылу голландской армии были высажены дивизия парашютно-десантных войск под командованием генерала Штудент и дивизия воздушно-транспортных войск под командованием генерала Епонек. Небольшие парашютные десанты, хотя и несли существенные потери, тем не менее они сыграли большую роль в дезорганизации сопротивления противника.

Главная укрепленная позиция Франции — линия Мажино — не была прорвана германской армией, а была обойдена. На западе немцы применяли так же, как и в Польше, оперативный маневр крупными соединениями мото-механизированных войск в качестве основной ударной силы, которая наступала во взаимодействии с пикирующими бомбардировщиками и штурмовиками. Широко используя эти средства, германское командование наносило удары преимущественно в стыки укрепленных позиций союзников, обходя основные укрепленные районы. После продвижения главных сил в Бельгию Льеж и Намюр были блокированы. Бельгийская укрепленная линия Альберта была прорвана на стыке с голландскими укреплениями у Маастрихт. Главный форт льежских укреплений Эбен-Эмаель был вынужден к капитуляции комбинированной атакой пикирующих бомбардировщиков, парашютного десанта и ударом пехотных и инженерных войск. Фронт 9-й французской армии первоначально был прорван на левом фланге, на стыке с укреплениями Намюр на участке Ивуар. Главный удар немцы наносили в стык между 9-й и 2-й французскими армиями двадцатью дивизиями (из них 5 танковых) на участке Живэ, Седан протяжением в 50 км. Следовательно, германская армия, нанося удары преимущественно в стыки между укрепленными позициями союзников или флангами их армий, в то же время не решалась прорывать их и обходила более сильные укрепленные районы, как Льежско-Намюрский, блокируя их.

Новым явлением в организации прорыва фронта союзников в Бельгии и Северной Франции является отсутствие длительной артиллерийской подготовки, как это было в войне 1914—1918 гг. При прорыве укрепленных позиций в 1940 г. германская армия заменяла длительную артподготовку атаками пикирующих бомбардировщиков во взаимодействии с тяжелыми танками. Соединения пикирующих бомбардировщиков устремлялись на укрепления союзников и частично заменяли собой артиллерию крупных калибров. Использование этого нового средства обеспечило внезапность атаки.

Одним из основных факторов, отрицательно влиявших на исход сражения во Фландрии, явилось отсутствие у союзников единого командования, что привело впоследствии к частичной потере управления войсками после прорыва немцами фронта 9-й армии и окружения войск союзников во Фландрии. Каждая армия союзников выполняла свою задачу. При этом английская армия под командованием генерала Горт формально согласовывала свои действия с французским командованием. Но в процессе операции это согласование не всегда имело место и не являлось обязательным для англичан. Командующий 1-й группой французских армий генерал Биллот по предложению французского командования должен был координировать действия союзных армий во Фландрии. В создавшейся обстановке это не всегда можно было делать. Так,

например, в период сражения на р. Лис бельгийское командование не имело возможности получить поддержку английских войск для организации контрудара во фланг прорвавшимся германским войскам на бельгийском фронте. В период борьбы у Аррас намеченный генералом Вейганом совместный контрудар английских и французских войск в направлении на Баном не мог быть осуществлен, так как командующий английскими войсками считал необходимым две дивизии, назначенные для контрудара, перебросить на левый фланг для обеспечения своих сообщений с Дюнкерк. Не имея единого руководства, союзники не смогли во время окружения во Фландрии своевременно сосредоточить достаточно крупные силы для нанесения контрудара германским бронетанковым войскам и соединения с южной группой французских войск.

Французское командование недооценило решающую роль самостоятельных операций танковых дивизий в современной войне. В результате этого в решающий момент оно не имело в своем распоряжении группы танковых дивизий достаточной силы, для того чтобы нанести контрудар германским танковым войскам. Наличие этих войск в германской армии позволяло последней быстро развить тактический успех в оперативный, что имело решающее значение для исхода сражения во Фландрии. Опыт показывает, что одним из недостатков операций первой мировой войны 1914—1918 гг. в отношении организации прорыва являлось отсутствие необходимых средств для развития тактического успеха в оперативный. Быстрый подход резервов противника из глубины делал невозможным дальнейшее продвижение атакующих войск. В операции во Фландрии взаимодействие мото-механизированных войск с авиацией и глубина их удара не позволяли подходившим из глубины резервам французской армии организовать оборону. Авиация, передовые танковые подразделения и мотоциклетные части осуществляли непрерывное преследование отступавших войск. Отдельные контратаки французских и английских танковых дивизий в период с 18 по 22 мая у Лаон, Абвиль и Аррас носили разрозненный характер и не могли иметь успеха, так как не были объединены единым командованием.

Нанося удар танковыми дивизиями в направлении к побережью, одновременно с целью скрытия направления дальнейшего развития удара и удержания резервов французского командования в районе Парижа, германские танковые части вели демонстративное наступление на Реймс и Лаон. Этот маневр сковал резервы французской армии, обеспечил немцам выигрыш во времени для дальнейшего расширения фронта прорыва и подхода главных сил германской армии, пехотные дивизии которой начали создавать новый фронт по рекам Эн и Сомма.

Германские танковые войска, руководимые единым командованием и действовавшие в тесном взаимодействии с авиацией и мото-мехдивизиями, проявляли высокую подвижность, маневроспособность. Правда, они зачастую попадали в рискованное положение. Так, в момент выхода к Сен Кантен и побережью танковые дивизии оторвались от главных сил 6-й германской армии на два-три перехода. В этот период моторизованные пехотные дивизии, действовавшие совместно с ними, прикрывали с флангов ударные части танковых войск. При наличии более активного, инициативного и лучше вооруженного противника, чем французская армия, прорвавшиеся группы танков могли быть уничтожены.

Особенное значение для исхода сражений во Фландрии имело численное превосходство германской авиации. Ее бомбардировочные эскадрильи с первых же дней боев проникли в глубь Франции и атаковали основные аэродромы. Французская авиация, уступая и численно и качественно, не смогла долго сопротивляться. Французские бомбардировщики «Амио-370», истребители «Потез-63», «Моран-406» и «Кертис-Хаук-75-А» обладали меньшей скоростью, чем германские самолеты. Но и этих типов самолетов во Франции было немного. За первые шесть

дней операции по германским сообщениям ими было уничтожено 396 самолетов союзников в воздушных боях и 147 было сбито зенитной артиллерией. На французских аэродромах, по этим же сведениям, было уничтожено до 900 самолетов. Германская авиация, по тем же данным, потеряла за это время 172 самолета. По французским сведениям (сообщение генерала Пюжо, государственного секретаря авиации, от 26 августа 1940 г.), их авиация с 10 мая по 10 июня потеряла более 30% летного состава, но в то же время за этот период она сбила 982 германских самолета. Хотя эти данные и разноречивы, авиационные потери обеих сторон были довольно большими, и в силу этого французская авиация не могла оказать эффективного сопротивления.

В операции во Фландрии большую роль играли инженерные войска германской армии, которые обеспечивали быстрое форсирование водных преград и овладение укрепленными позициями союзников. Части инженерных войск включались в состав танковых и моторизованных дивизий.

При крупных штабах германских соединений имелись полки связи, обеспеченные мощными радиотелеграфными и телефонными средствами связи с войсками. Они также были моторизованы. Танковые и моторизованные дивизии были снабжены современным радиооборудованием.

Превосходство техники, хорошо организованное управление войсками, слабость сопротивления противника — все это позволило германским войскам достигнуть высоких темпов продвижения. В начальном периоде войны 1914—1918 гг. во время наступления на Париж при создавшихся тогда благоприятных условиях темп продвижения войск германских ударных армий в Бельгии не превышал 15—18 км в сутки, т. е. не больше среднесуточного перехода общевойсковых соединений. Темп продвижения союзников при наступлении в октябре—ноябре 1918 г. достигал в среднем не более 2 км в сутки. В операции же во Фландрии в 1940 г. германские ударные группы продвигались со средней скоростью 10—15—20 км в сутки, а танковые и мото-механизированные дивизии после прорыва фронта 9-й армии прошли расстояние в 250 км до побережья Ла Манш в течение 6 суток.

Германская армия во Фландрии действовала в духе основных принципов ее устава «Вождение войск». Было создано превосходство сил в решающем направлении в целях быстрейшего выполнения намеченной задачи — нанесения внезапного удара по противнику. Эти условия послужили решающим средством для достижения успеха в сражении на уничтожение вооруженных сил противника. Для достижения решительной победы и уничтожения армии противника операции современной армии требуют, как указывает этот устав, взаимодействия и массового применения в новых формах танковых соединений, моторизованной пехоты, парашютистов и авиации. Взаимодействие этих родов войск совместно с пехотой осуществляется на всей глубине операции, причем основные формы оперативного искусства — внезапный удар по противнику, прорыв, охват, окружение — попрежнему признаются наиболее действительным средством для достижения победы. Мощность оснащения современных армий требует для успешности поражения противника не менее двойного превосходства и крупных резервов в ударной группе, которые могли бы в продолжение всей операции питать ее свежими силами, поддерживать взятый темп наступления.

Несмотря на значительный удельный вес в современных армиях авиации, артиллерии и танков, опыт войны на Западе подтвердил, что пехота продолжает оставаться главным и основным родом войск. Все усилия остальных родов войск направлены к тому, чтобы обеспечить пехоте беспрепятственное продвижение, закрепить занятую территорию и облегчить ей выполнение задачи уничтожения войск противника.

Полковник А. БОРИСОВ

ПРАСНЫШСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

(1915 г.)

В связи с переходом на западном фронте к позиционной войне и отсутствием перспективы быстрого разгрома противника на этом фронте германское верховное командование после некоторой внутренней борьбы окончательно выбрало восточный фронт как главный театр войны на 1915 год.

После отхода русских войск, в середине декабря 1914 г., на восточном фронте создалось примерно следующее положение. Перед укрепленными позициями немцев р. Ангерапу и Мазурским озерам остановилась 10-я русская армия, имевшая 15 пех. дивизий против 8 немецких. На левом берегу р. Вислы после упорных боев 1-я, 2-я и 5-я русские армии (33 пех. дивизии) заняли позиции за рр. Бзурой и Равкой. Против этого участка русского фронта находилась 9-я германская армия (25 пех. дивизий). Южнее, между рр. Пилицей и Вислой, располагались 4-я и 9-я русские армии (17 пех. дивизий), имея перед собой 4-ю австрийскую армию (17 дивизий). 4-я армия обеспечивала левый фланг северо-западного фронта. Русские армии в Галиции (3-я, 8-я и 11-я) после отражения наступления австрийцев закрепляли свои позиции, против которых находилась 31 пех. дивизия противника. Таким образом, против 103 русских дивизий на всем фронте (включая и резерв верховного командования) немцы располагали 83 дивизиями (включая австрийские).

«Опыт Танненберга и сражения в Мазурских озерах показали, — говорит в своих воспоминаниях Людендорф, — что крупный и скорый успех может быть достигнут лишь при условии нападения на противника с двух сторон». «Теперь явилась возможность, — продолжает он, — сосредоточить сильную группу из трех армейских корпусов между Неманом и дорогой Инстербург, Гумбинен и наносить удар, охватывая в направлении на Тильзит, Владиславов и Кальварию. Другая группа, в состав которой входил 11-й резервный корпус, которому были приданы еще 2 пехотные и 4 кавдивизии, направлялась между озерами Шпирдинг и границей через Бялу на Райгород, на Августов и южнее... Обе ударные группы должны были окружить противника (т. е. 10-ю русскую армию), и чем раньше наступило бы окружение, тем было бы лучше для нас... Предпосылкой являлось прочное удержание длинной линии фронта Влоцлавск, Млава, Иоганисбург, Осовец»¹. Одновременно с этим германское командование намечало и удар с юга, в Карпатах. «Мы намечаем новый удар в Восточной Пруссии. Если бы венгерские железные дороги в мирное время были лучше построены, стратегически такой удар был бы желателен и в Карпатах»².

Для нанесения удара из Восточной Пруссии с целью охвата обоих флангов 10-й русской армии германское командование перебросило крупные силы с левого берега р. Вислы (схема 1).

¹ Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. I, стр. 98.

² Там же, стр. 94.

Русское главное командование под давлением Антанты вновь поставило перед войсками задачу — овладеть Восточной Пруссией. Основной удар намечалось нанести с фронта Пултуск, Остроленка в направлении Сольдау, Ортельсбург, т. е. во фланг 10-й германской армии. Для этой цели была сформирована новая, 12-я армия генерала Плеве. Начало операции предполагалось после полного сосредоточения 12-й ар-

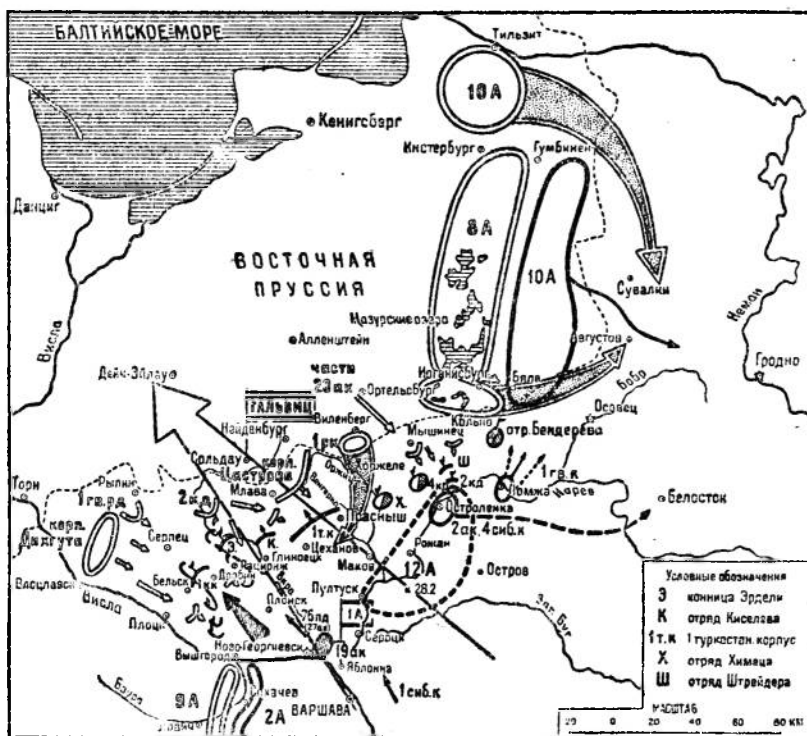

Схема 1. Положение сторон к 15 февраля 1915 г.

мии, около 28 февраля. Цель этой операции: «вызвать перегруппировку германских сил в Восточной Пруссии, в надежде на то, что при такой группировке можно будет обнаружить ослабление германцев в некоторых районах, куда и можно будет направить наши усилия для прорыва неприятельского расположения и дальнейшего развития успеха в этом направлении»³.

Русское верховное командование, приняв план нанесения удара в Восточную Пруссию, отводило операциям юго-западного фронта подчиненное значение. Но главнокомандующий этим фронтом генерал Иванов, воздействовав на Ставку, добился решения об одновременном нанесении удара в направлении Венгрии. Следовательно, в феврале 1915 г. верховное главное командование русской армии наметило два плана — наступление в Восточную Пруссию и в Венгрию, — которые должны были проводиться параллельно. Это приводило к тому, что усилия русской армии нацеливались по двум направлениям, что вызывало распыление сил по расходующимся операционным линиям.

Германское командование было осведомлено о плане русской Ставки. Пользуясь преимуществом в скорости перегруппировок, оно решило предупредить своего противника и наметило нанесение контрудара с целью глубокого охвата русского фронта с обоих флангов — с севера и с Карпат — и захватить инициативу в свои руки.

³ Коленковский. Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 г., изд. 1927 г.

В феврале 1915 г. немцы начали наступательную операцию против 10-й русской армии, в результате которой не только сорвало готовившийся русским командованием удар в Восточную Пруссию, но оттеснило 10-ю армию из этого района, окружив при этом в Августовских лесах 20-й русский корпус и пленив его остатки.

В связи с создавшейся обстановкой особое значение приобретает Праснышская операция, развернувшаяся на Млавском направлении, сразу же вслед за февральской операцией в Восточной Пруссии.

Целью Праснышской операции со стороны немцев являлось прочное удержание линии Влоцлавск, Млава, Иоганнебург, Осовец. «Как только будет закончено развертывание армейской группы, нужно будет подумать о том, чтобы для начала придвинуть фланг армейской группы до р. Скрва, чтобы таким путем находиться против фланга возможного наступления русской армии и получить возможность примыкания к левому флангу 9-й армии у устья р. Бзуры»⁴, — говорилось в директиве генералу Гальвицу, руководившему действиями в Млавском направлении. Генерал Гальвиц полагал, что только наступление, начинающееся восточнее левого фланга его группы, могло бы воспрепятствовать русским перебросить силы для поддержки 10-й армии в Мазурских озерах. Исходя из этого, он решает продолжать начавшееся еще раньше наступление на своем правом фланге в направлении Дробин, Рационж и после прибытия 1-го рез. корпуса (и 3-й армии) нанести удар в направлении Прасныш и восточнее. Таким образом, немцы ставили задачу активными действиями прочно удерживать линию Влоцлавск, Иоганнебург, привлекая на себя значительные силы русских, с тем чтобы воспрепятствовать переброске сил на поддержку 10-й армии. Русское командование ставило себе задачей сосредоточить на линии Ломжа, Прасныш, Плоцк 12-ю и 1-ю армии и наступать на Сольдау и далее на северо-запад. Но, как мы уже знаем, задуманная русским командованием идея глубокого вторжения в Восточную Пруссию была сорвана германским наступлением из Восточной Пруссии и поражением 10-й русской армии.

Русское командование в лице командующего 1-й армией генерала Литвинова ставит более ограниченную задачу прикрыть подступы к Варшаве со стороны Виленберг и Торн наступлением в северо-западном направлении, не дожидаясь окончательного сосредоточения 12-й армии. 15 февраля генерал Литвинов отдает директиву, согласно которой главный удар наносится на левом фланге армии, куда он и стягивает значительные силы. В районе же Прасныша и западнее остаются слабые части 1-го Туркестанского корпуса и конница генерала Химеца.

К началу Праснышской операции немцы располагали следующими силами: армейская группа генерала Гальвица в составе корпусов генералов Цастрова, Дихгута, 1-го рез. корпуса, 1-й гвард. дивизии, частей 20-го арм. корпуса, ландштурма и 2 кавдивизий, т. е. всего 4 корпуса и 2 кавдивизии. Армейская группа Гальвица располагала сильной тяжелой артиллерией. На стороне русских в начальном этапе в Праснышской операции приняли участие войска 1-й армии: 1-й Туркестанский, 27-й и 19-й арм. корпуса, конный корпус генерала Орановского, конная группа генерала Эрдели и другие кавалерийские части — всего 3 корпуса и 9½ кавдивизий. Таким образом, в начале операции немцы имели превосходство в пехоте. Если же учесть, что русские армии имели большой некомплект личного состава, испытывали «снарядный голод» и располагали малочисленной артиллерией, то преимущество явно было на стороне немцев.

Непосредственно на Млавском (Праснышском) направлении действовали 2 немецких корпуса (корпус Цастрова и 1-й рез. корпус), части

⁴ Reichsarchiv «Der Weltkrieg 1914—1918». Berlin, 1931, v. 7, s. 248.

20-го корпуса и ландштурменные части, или всего 2½ корпуса; у русских же — Туркестанский корпус и 63-я пех. дивизия (из состава 27-го арм. корпуса), т. е. немцы имели двойное превосходство.

В конце операции на стороне русских приняли участие 1-й и 2-й Сибирские корпуса (последний принадлежал к составу 12-й армии), что изменило соотношение сил сторон на Праснышском направлении и дало некоторое превосходство русской армии (5 армейских корпусов против 4 германских).

Район действий представляет собой холмистую равнину, покатую с севера на юг. Его прорезают притоки рек Вислы и Нарева. Долины этих рек имеют ширину 1—3 км и местами заболочены. Из рек заслуживает внимания р. Оржица с болотистой долиной до 1 км шириной; от Хоржеле ширина долины достигает 5—6 км; река дробится на рукава и представляет серьезное препятствие для переправы. Приток Оржица, р. Венгерка, протекает через Прасныш. Левый приток Венгерки, р. Муравка, пересекала позиции обеих сторон. Обе реки имеют долину шириною до 1—2 км. Остальные реки незначительны; все они текут с севера на юг, т. е. почти параллельно путям наступления сторон.

Холмы невысоки, их склоны по большей части пологи, вершины часто могли служить хорошими наблюдательными пунктами. Почва в районе действий — суглинок с примесью подзола. Такая почва во время распутицы быстро превращается в грязь, которая липнет к ногам и колесам и чрезвычайно затрудняет движение. Район богат путями, но все проселочные грунтовые дороги находились в плохом состоянии. Следовательно, район являлся удобным для действий всех родов войск. Однако во время боев была оттепель, значительно повлиявшая на ход сражения.

ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Праснышская операция может быть разбита на три этапа:

Первый этап (с 15 по 21 февраля) — бои в районе Рационж, Дробин (на левом фланге 1-й русской армии).

Второй этап (с 17 по 24 февраля) — захват немцами г. Прасныша.

Третий этап (с 25 февраля по 3 марта) — обратный захват русскими г. Прасныша.

Первый и второй этапы совпадают по времени, но они происходили на разных, крайних, флангах 1-й русской армии.

Уже начиная с 10 февраля германский корпус генерала Дихгута и 1-я гвард. рез. дивизия наступали в направлении Дробин, Рационж. Стоявшие на русском левом фланге конница Эрдели и 1-й конный корпус отошли к р. Скрве на юго-восток. Сюда были направлены, кроме уже действовавшего здесь 1-го Туркестанского корпуса, 27-й и 19-й арм. корпуса.

17 февраля генерал Литвинов отдает директиву, которой предписывалось: 1-му Туркестанскому корпусу продолжать выполнение прежней задачи, т. е. сдерживать противника на Млавском направлении; 19-му армейскому и 1-му конному корпусам — продолжать наступление на фронт Глиноецк, Рационж; частям 27-го арм. корпуса — содействовать этому наступлению. Таким образом, частное наступление германцев привлекло к себе почти все силы 1-й русской армии, ослабив Праснышское направление, куда уже 17 февраля начали наступать 2 германских армейских корпуса (1 рез. корпус и корпус генерала Цастрова).

На этом фронте бои шли с переменным успехом: русские войска частично потеснили немцев, затем последние заставили отойти конницу генерала Эрдели, и в конце концов бои приняли затяжной характер.

17 февраля началось наступление левого фланга группы генерала Гальвица. 1-й рез. корпус, выдвинув вперед передовые отряды, сосредоточился под Хоржеле. Правее его действовал корпус генерала Цастрова.

17 и 18 февраля немцы незначительно продвинулись вперед на этом фланге. Их обходящая группа под командованием генерала Штаабс дошла до р. Оржиц, однако не могла захватить переправу восточнее Еднорожец, обороняемую русскими. 18 февраля генерал Гальвиц решил ударить силами 1-го рез. корпуса к западу от Прасныша и снять фланг 1-го Туркестанского корпуса, находившегося в Цеханове. Однако главным

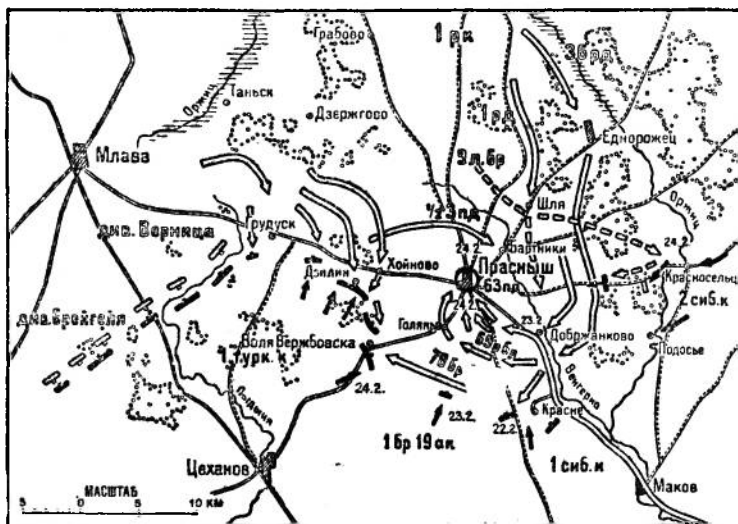

Схема 2. Бои с 18 по 25 февраля 1915 г.

командующий германским восточным фронтом считал удар восточнее Прасныша более действительным для его захвата и отдал директиву о переходе в наступление в обход Прасныша.

Исполняя эту директиву, генерал Гальвиц 18 февраля приказал 1-му рез. корпусу своими главными силами на следующий день продвигаться восточнее Прасныша с таким расчетом, чтобы 20 февраля атаковать 1-й Туркестанский корпус русских в правый фланг и тыл. На время операции 1-му рез. корпусу подчинялась правофланговая дивизия из состава корпуса генерала Цастрова (дивизия генерала Верница); она должна была обходить Прасныш с запада (схема 2).

В это время началась оттепель, дороги стали непроходимыми. В результате 1-я рез. дивизия дошла передовыми частями до Шля, а 36-я рез. дивизия — только до Еднорожец.

20 февраля 1-й рез. корпус обошел Прасныш с востока и юго-востока и, не встречая значительного сопротивления со стороны русских войск, построился фронтом на запад.

Для парирования обхода командир 1-го Туркестанского корпуса выслал в Шуки 2 батальона, в Голыны — до 5 батальонов и в район Маков — 2 дружины ополченцев. Однако командующий 1-й армией генерал Литвинов попрежнему считал, что главным направлением является его левый фланг, и решительных мер по ликвидации удара немцев на Праснышском направлении не принимал. Между тем сосредоточение войск 12-й русской армии продолжалось, и к 20 февраля 2-й Сибирский корпус, закончив переброску по железной дороге, собрался в районе Остров. 1-й Сибирский корпус к этому времени находился на марше к Сероцку.

На 21 февраля 1-му германскому рез. корпусу была поставлена задача овладеть г. Праснышем, с тем чтобы затем ударить в тыл 1-му Туркестанскому корпусу в направлении на Цеханов. 1-я рез. дивизия атаковала укрепленную позицию восточнее и юго-восточнее Прасныша.

В результате боя русские части были отброшены с передовых позиций. 36-я рез. дивизия, направившаяся в обход к югу от Прасныша, встретила сильное сопротивление русских войск и только к вечеру смогла отбросить правый фланг 63-й пех. дивизии, оборонявшей г. Прасныш. Вследствие этого с наступлением темноты с левого фланга 1-го Туркестанского корпуса было переброшено около 2 полков пехоты в Стара Весь (25 км к югу от Прасныша) для перехватывания дорог, идущих из Прасныша.

21 февраля генерал Литвинов получил нижеследующую телеграмму от командующего фронтом генерала Рузского: «1-й армии поставлена задача во что бы то ни стало удержать линию Вышегород, Плонск, Цеханов, Прасныш. Важнейшим направлением от расположения германцев к этой линии, с точки зрения общей задачи фронта, к 1-й армии является Млавское направление. Поставленная первой армии задача может быть выполнена оборонительно или наступательно. При оборонительном способе действий должны быть заняты подготовленные на указанной линии укрепления, а на главном, т. е. на Млавском направлении, должен быть сильный армейский резерв. В случае решения той же задачи наступлением очевидно, что наступать надлежит именно на главном направлении, т. е. на Млавском. Между тем из получаемых от Вас донесений видно, что на главном, Млавском направлении Туркестанский корпус держится оборонительно, а на второстепенном направлении на Рационж, Дробин 19-му и 27-му корпусам приказано наступать. Наступление в этом направлении является нецелесообразным потому, что оно не соответствует основной задаче фронта и совместным действиям 1-й армии с 12-й армией... Ввиду всего изложенного предлагаю перегруппировать силы 1-й армии в соответствии с только что выраженными основными задачами фронта и первой армии... и закончить перегруппировку в кратчайший срок»⁵.

Таким образом, только тогда, когда Прасныш уже был обойден и, по существу, окружен, когда наступление германских войск достигло полного развития, генералу Литвинову пришлось отказаться (и то под давлением сверху) от своего плана и действовать сообразно со сложившейся обстановкой.

Обстановка к 22 февраля сложилась следующим образом: дивизия генерала Верница вышла на шоссе Млава, Прасныш у Грудуск и восточнее его; 36-я рез. дивизия к концу дня заняла Воля Вержбовска и этим отрезала оборонявшимся в Прасныше русским частям пути отхода на Цеханов. Тогда командир 1-го Туркестанского корпуса решил временно для прикрытия путей из Цеханова загнать правый фланг своих позиций южнее Воля Вержбовска.

На следующий день, 23 февраля, дивизия генерала Верница продвинулась своим левым флангом и вошла в соприкосновение с 1-м рез. корпусом у Воля Вержбовска. Кольцо вокруг Прасныша сомкнулось. В этот же день германцы атаковали Прасныш и овладели южной окраиной города и казармами, находившимися в восточной его части. Гарнизон Прасныша — 63-я пех. дивизия — упорно оборонялся. Однако ввиду превосходства в силах на стороне немцев утром 24 февраля Прасныш был взят.

Один из участников праснышских боев описывает этот момент следующим образом: «24 февраля около 10 часов окончилась драма Праснышского гарнизона. Потеряв больше половины состава от огня, он не мог противостоять подведенным Гальвицем свежим силам...»⁶.

Между тем к месту боя, к Праснышу, спешили 2 русских корпуса: 2-й Сибирский с востока и 1-й Сибирский с юга. Корпуса к 20 февраля закончили переброску по железной дороге и сосредоточились в районе

⁵ ЦВИА, ф. 2152, оп. 2, д. № 186, лл. 35—39.

⁶ Война и революция, 1929 г., книга 1-я, стр. 106.

Остров и Сероцк. Однако действия этих корпусов не были согласованы. Это явилось результатом того, что 2-й Сибирский корпус был подчинен командующему 12-й армией, а 1-й Сибирский корпус — командующему 1-й армией. 2-й Сибирский корпус 21 февраля совершал марш от Острова к Остроленке, а 1-й Сибирский корпус расположился на ночлег в 6—8 км юго-западнее Сероцка. На следующий день 2-й Сибирский корпус достиг района в 6—8 км западнее Остроленки, а 1-й Сибирский корпус — района Пултуска. Здесь они и заночевали. 23 февраля 2-й Сибирский корпус подходил к Красносельцу, а 1-й Сибирский корпус — к Макову и передовыми своими частями вошел в связь с войсками 1-го Туркестанского корпуса. При форсировании р. Оржиц, представлявшей в результате оттепели значительное препятствие, части 2-го Сибирского корпуса встретили сопротивление со стороны противника. 1-й Сибирский корпус, медленно и осторожно выдвигаясь к северу, за 23 февраля продвинулся всего на 6—8 км при весьма незначительном сопротивлении немцев. К исходу дня части 1-го и 2-го Сибирских корпусов находились примерно в 18 км от Прасныша.

В 22 часа 23 февраля командир 2-го Сибирского корпуса получил от командующего 12-й армией генерала Плеве директиву, в которой указывалось: «после переправы вашего корпуса через р. Оржиц, целью действий должны быть не город Прасныш, а неприятельские войска, которые необходимо атаковать во фл и тыл». При этом указывалось: «необходимо захватить сообщения противника, отходящего на север и северо-восток»⁷.

В соответствии с этой директивой командир 2-го Сибирского корпуса ставит задачу правофланговой 5-й Сибирской дивизии наступать на фронт Шля, Бартники с целью выхода на пути сообщения противника. 4-й Сибирской дивизии было приказано по переправе у Подосье наступать в общем направлении на фронт Бартники, Прасныш, атаковать противника в восточном и южном направлениях, имея целью совместно с 1-м Сибирским корпусом охватить противника, отрезав его пути отступления. 1-й Сибирский корпус, наступавший из Макова на Прасныш, никакой конкретной задачи не получил. Командующий 1-й армией до последнего момента держал свои главные силы (27-й и 19-й арм. корпуса, 1-й кав. корпус) на своем левом фланге. И только 24 февраля генерал Литвинов писал в своей директиве: «Требую, чтобы завтра, 25 февраля, 1-й Сиб. корпус занял Прасныш, а 1-й Турк. корпус — район Хойново». 25 февраля генерал Литвинов отдает новую директиву, согласно которой 1-й кав. корпус выводится из боя на левом фланге армии и сосредотачивается на Млавском направлении. На следующий день он выводит из боя на левом фланге и 19-й арм. корпус.

Таким образом, под воздействием противника генерал Литвинов вынужден был изменить свою первоначальную группировку. Но было уже поздно. 1-й кав. корпус до конца боя не мог принять участия в боевых действиях на Праснышском направлении.

Генерал Гальвиц, имея разведывательные данные о приближении 1-го и 2-го Сибирских корпусов, 25 февраля решил перейти к обороне. Оборона Прасныша была построена следующим образом (схема 3): с юга оборонялась 36-я рез. дивизия, примыкая к дивизии генерала Верница; с востока — 9-я ландв. бригада и половина 3-й пех. дивизии; в резерве находилась 1-я рез. дивизия.

25 февраля части 1-го и 2-го Сибирских корпусов перешли в наступление. Под давлением 1-го Сибирского корпуса 36-я рез. дивизия немцев начала отходить. За день корпус продвинулся на 6 км и вышел на линию в 8 км к югу от Прасныша. 1-й Туркестанский корпус своим правым флангом продвинулся на линию Зелена, Воля Вержбовска. 2-й Сибирский корпус ночной атакой сломил сопротивление 9-й ландв.

⁷ ЦВИА, ф. 2279, оп. 1, д. № 203, лл. 227—228.

На следующий день командир 2-го Сибирского корпуса получил от генерала Плеве директиву «бить противника, преследовать его самым настойчивым, беспощадным образом, если можно, не выпустить его, а взять или уничтожить, вообще проявить крайнюю энергию... стараясь

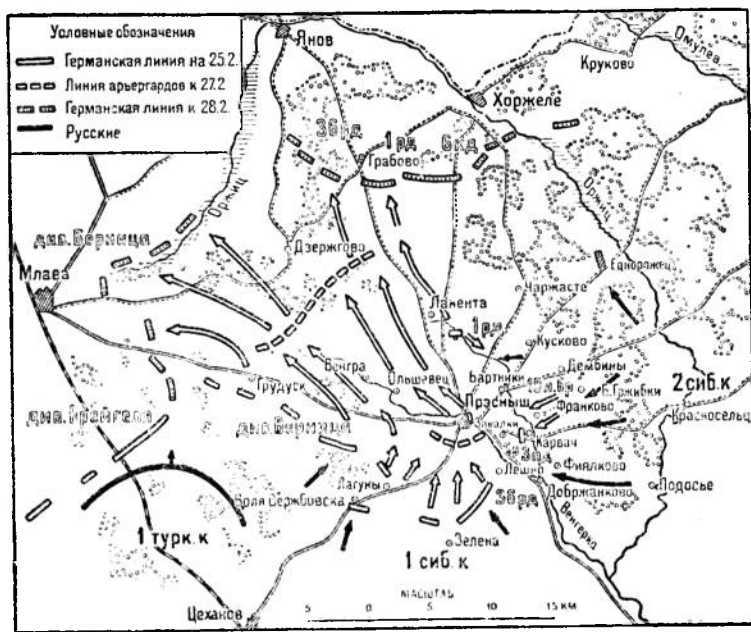

Схема 3. Бой с 25 по 28 февраля 1915 г.

В этот же день 1-й Сибирский корпус почтой атакой овладел Добржанково (в 6 км юго-восточнее Прасныша), захватив большое число пленных (около 2 000 человек) и 20 орудий. 1-й Туркестанский корпус атаковал в стык 36-ю рез. дивизию и дивизию генерала Верница на участке Зелена, Лагуны и выдвинулся к западным подступам Прасныша, выйдя к вечеру на фронт Голяны, Дзилин.

⁸ ЦВИА, ф. 2279, оп. 1, л. № 203, лл. 257—258.

⁹ Там же, л. 259.

канову предписывалось оставить 2 батальона с артиллерией у Еднорожец с целью воспрепятствовать противнику в его попытках отступить по дороге Прасныш, Еднорожец, а остальными силами немедленно выдвинуться через Чаржасте к Ланента на Хоржелевском шоссе, где и пресечь пути отхода противника.

Ввиду того что в 15 часов 27 февраля последовала директива из штаба армии об атаке Прасныша, командир 2-го Сибирского корпуса отдал дополнительный приказ, которым 17-му стр. полку ставилась задача наступать также от Ланенты на Ольшевец, а всем остальным частям наступать на Прасныш.

Атака Прасныша началась одновременно. В 15 час. 30 мин. части 1-й Сибирской дивизии (1-го Сибирского корпуса) ворвались на восточную окраину Прасныша и захватили много пленных. В 16 часов 4-я Сибирская дивизия (2-го Сибирского корпуса) атакой с севера, востока и юга ворвалась в Прасныш и также захватила пленных и трофеи (1 500 человек пленными и 6 пулеметов). К 19 часам 27 февраля Прасныш был очищен от противника.

На следующий день, 28 февраля, генерал Литвинов отдает директиву об энергичном преследовании разбитого противника. Однако преследования, в собственном смысле этого слова, организовано не было. Конные группы, приданные Сибирским корпусам, не получили конкретных задач и фактически оставались во втором эшелоне. Это позволило противнику оторваться от русских войск и организовать планомерный отход в северо-западном направлении.

28 февраля 2-й Сибирский корпус медленно двигался за отступающим 1-м рез. корпусом немцев. 1-й Сибирский корпус наступал вдоль позиций 1-го Туркестанского корпуса, и в некоторых пунктах вследствие этого получилось смешение частей. Русская конница, отряд Химеца и другие части бездействовали попрежнему и находились в тылу. 1-й кав. корпус прибыл с опозданием и участия в преследовании не принял.

Дальнейшие события развивались здесь следующим образом. Германские войска, сумев оторваться от преследующих русских частей, отошли к Хоржеле на укрепленные позиции, где и остановились. Русские войска, подойдя к этим позициям, пытались атаковать их, но безуспешно. Не было произведено разведки позиций противника, отсутствовала артиллерийская подготовка, войска перешли в атаку неподготовленными — все это и предопределило ее неуспех.

7 марта германцы вновь повели наступление против частей 2-го Сибирского корпуса от Хоржеле на Еднорожец, Прасныш и оттеснили русские войска почти до Прасныша. Для противодействия этому наступлению был направлен 23-й арм. корпус, который разгромил левый фланг группы генерала Гальвица и восстановил положение. Германские части вновь отошли к Млаве и Хоржеле. Бои на этом фронте постепенно начали принимать затяжной характер и к половине марта совсем затихли.

* * *

Праснышская операция закончилась тем, что немцы, заняв Прасныш, вынуждены были через два дня отдать его обратно, потеряв при этом свыше 6 000 пленными и оставив 58 орудий. Планы германского командования потерпели неудачу, ему не удалось нанести поражение русским армиям, сосредотачивавшимся на Млавском направлении (1-й и 12-й русским армиям), а, наоборот, пришлось самим отвести свои войска на укрепленные позиции к государственной границе.

Праснышская операция, несомненно, оказала значительное влияние на весь ход военных действий на русском северо-западном фронте. После отхода 10-й русской армии из Восточной Пруссии и гибели 20-го арм. корпуса в Августовских лесах победа русских войск под Прасны-

шем в некоторой степени способствовала укреплению положения русских армий на этом фронте, и 2 марта 10-я, 12-я и 1-я русские армии начали общее наступление с целью оттеснить немцев с линии рек Бобра и Нарева в пределы Восточной Пруссии. Если вспомнить, что стремление Людендорфа в период весенней кампании 1915 г. прочно удерживать фронт Влоцлавск, Млава являлось основной предпосылкой его грандиозного плана окружения русских армий в Польше, то значение Праснышской операции становится более ясным, так как после поражения у Прасныша положение германских войск на указанной линии уже нельзя было назвать прочным. Таким образом, успех русских войск в этой операции наряду с другими факторами расстроил германский план весенней кампании 1915 г.

Оценивая действия сторон, необходимо отметить, что русские войска дрались храбро, стойко, несмотря на исключительно трудные условия снабжения. Части действовали в условиях весенней распутицы. Зайончковский справедливо отмечает, что «...в действиях западной группы русских войск можно отметить один положительный факт — это все большее и большее вкоренение в привычку частных начальников отвечать на удар контрударом. Праснышская операция является в этом отношении положительным образцом»¹⁰.

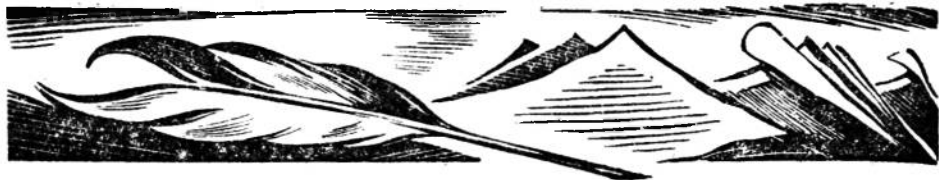
Однако высшее командование русских войск плохо справилось со своей задачей. Основное внимание было сосредоточено на левом фланге, в то время как обстановка требовала наступления на правом фланге. При решении наступать на левом фланге командующий 1-й русской армией не обеспечил своего правого фланга, вследствие чего Прасныш был захвачен противником. Должного взаимодействия между командующими 1-й и 12-й русскими армиями не было, не было его и между 1-м и 2-м Сибирскими корпусами: они поддерживали между собою локтевую связь, что в данной обстановке не вызывалось необходимостью. Следует отметить также плохую разведку со стороны русских. В результате этого удар противника по Праснышу оказался неожиданным. Но особенно слабо была организована разведка при подходе 2-го и 1-го Сибирских корпусов к Праснышу. Несмотря на то, что в составе русских войск было много конницы, оба корпуса шли без кавалерийской разведки.

Исключительно плохо было организовано преследование отступающего противника. Русская конница, как правило, бездействовала.

Неправильно поступил и командир 2-го Сибирского корпуса, который, получив от командующего армией указания о преследовании противника и об охвате его с севера, послал в обход только один полк, что в данной обстановке было явно недостаточно. Командир этого полка полковник Тараканов, вместо того чтобы глубже и быстрее обойти отступающие колонны противника, весь день 27 февраля прождал в к. Вулька (1 км севернее Чаржасте), когда противник был уже выбит из Прасныша и отступал, чем способствовал отрыву германских войск от русских частей.

Что касается германских войск, то здесь следует отметить недостаточное управление операцией, в особенности в динамике боя. Действуя на упреждение противника, немцы в то же время предприняли Праснышскую операцию с недостаточными силами. Хорошо зная о подходе к Праснышу 1-го и 2-го Сибирских корпусов, они надеялись упредить русских, обойдя правый фланг 1-го Туркестанского корпуса, но в своих расчетах ошиблись.

¹⁰ Зайончковский. Маневренный период войны 1914—1915 гг., стр. 270.

Доцент, полковник Н. СНЕЖКОВ

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА ПАРИЖСКИХ КОММУНАРОВ

(1871 г.)

Франко-прусская война 1870—1871 гг. окончательно вскрыла всю гнилость и внутреннее разложение империи Наполеона III. В стране росло недовольство реакционной внутренней политикой Наполеона III и его внешнеполитической агрессивностью, которая терпела неудачи. Во Франции усиливалась республиканская оппозиция, росло рабочее движение и влияние парижских секций Интернационала. Уже в первые дни начавшейся войны открыто проявилась внутренняя слабость французской армии и государственного аппарата. Армия терпела поражение за поражением, известия о которых во Франции ждали все большее недовольство в Париже. Когда стало известно, что главные силы армии Мак-Магона были окружены 2 сентября 1870 г. под Седаном и вместе с императором взяты в плен, национал-гвардейцы и возмущенные массы трудящихся Парижа 4 сентября 1870 г. завладели дворцом Тюильри, Законодательным корпусом и объявили о свержении императора. Была провозглашена республика и образовано правительство из буржуазных республиканцев, назвавшее себя правительством «национальной обороны». Во главе его находился ставленник Наполеона III — генерал Трошю.

Республика возникла в исключительно трудный момент. Прусская армия подступила к Парижу и обложила его. Население города (1 900 000 человек) испытывало большие бедствия. Стремление масс защитить страну от внешних завоевателей наталкивалось на противодействие буржуазии, боявшейся вооруженных рабочих больше, чем прусских войск, осадивших Париж. Новая власть, назвав себя правительством «национальной обороны», с первых же дней начала вести политику капитуляции перед внешним врагом, с тем чтобы использовать помощь прусской армии для расправы с нараставшей революцией.

В распоряжении генерала Трошю находилась полумиллионная армия, 2 200 крепостных и 1 100 полевых орудий, 740 000 ружей, в том числе 300 000 новой системы «Шаспо», достаточное количество огнестрельных припасов. Немцы же имели под Парижем не более 115 000 войск. Но генерал Трошю предоставил возможностям войскам противника занимать выгодные рубежи и укреплять их. Одновременно с этим (22 сентября в Ферьере) министр иностранных дел Жюль Фавр тайно от парижского населения вел переговоры с Бисмарком о капитуляции.

Предательская политика правительства становилась все более очевидной для населения столицы. Известие о сдаче маршалом Базеном крепости Мец и капитуляции его армии, появление в Париже Тьера, пропущенного пруссаками через линию фронта с целью получения полномочий на ведение переговоров с ними, явились толчком для вооруженного выступления масс 31 октября. Но оно было подавлено. Поражением кончилось и другое массовое выступление парижан — 22 января 1871 г.

Расправившись с восставшими, правительство «национальной обороны» 26 января 1871 г. под диктовку Бисмарка решилось на капитуляцию. Соглашением о перемирии предусматривался созыв Национального собрания, которое должно было утвердить условия мира. Выборы происходили 8 февраля. Подавляющее большинство избранных в Национальное собрание состояло из крупных и мелких помещиков и представителей буржуазных партий. Председателем совета министров был назначен Тьер, которому предоставлялись диктаторские права. 1 марта Национальное собрание утвердило перемирие и одобрило предварительные условия позорного мира с немцами. Французская буржуазия, предавая интересы страны, спешила скорее перейти в наступление против рабочего класса и Национальной гвардии Парижа.

Национальная гвардия¹ в 1870 г. состояла из 51 батальона, каждый от 800 до 1 000 человек. В связи с войной батальоны формировались по всей Франции. В Париже было сформировано до 60 батальонов. После свержения монархии Национальная гвардия была доведена до 254 батальонов, насчитывавших 343 000 человек². В то время как старые батальоны состояли из различных слоев буржуазии, новые комплектовались из бедноты, рабочих, оказавшихся без заработков в связи с массовым закрытием предприятий во время войны. За службу в Национальной гвардии установлено было вознаграждение в размере 1 франка 50 сантимов и, кроме того, семейным выплачивалось 75 сантимов на содержание семьи. Массы национал-гвардейцев, вступивших в батальоны после свержения монархии, отличались высоким патриотическим духом и открыто выражали свое возмущение предательской политикой правительства «национальной обороны». В их среде все сильнее назревала мысль о необходимости организации централизованного руководства и объединения батальонов.

Идейными вдохновителями Национальной гвардии становились главным образом бланкисты и сторонники Интернационала. Многие из них уже с сентября заняли командные посты в Национальной гвардии.

После выборов в Национальное собрание, 15 февраля состоялось совещание представителей Национальной гвардии, на которое были посланы делегаты от рот, представлявших 18 округов столицы из общего числа 20. Это собрание, не доверяя происходившему в Бордо Национальному собранию, постановило образовать федерацию батальонов во главе с Центральным комитетом и поручило комиссии выработать устав федерации. 3 марта состоялось собрание представителей батальонов, которое приняло устав республиканской федерации Национальной гвардии. В уставе говорилось: «Республика, являясь единственным правительством права и справедливости, стоит выше всеобщего голосования, которое само создано республикой». Этим самым объявлялось, что Национальное собрание не может и не должно посягать на республиканскую форму государства. По уставу значилось, что право назначать и смещать всех своих начальников принадлежит только самой Национальной гвардии. Это же собрание постановило немедленно переизбрать всех своих офицеров. Таким образом создавалась политическая организация Национальной гвардии, в которой уставом предусматривались следующие органы: общеделегатское собрание, советы легионов, батальонные советы и рот-

¹ Национальная гвардия (*garde nationale*) исторически возникла из ополчения средневековых городов. В первые дни французской революции 1789 г. она была создана буржуазией для охранения полученных ею во время революции привилегий и в первую очередь для борьбы против требований рабочих и бедноты, против движения народных масс. В 1868 г. был издан закон, по которому все способные к военной службе граждане моложе 40 лет, не состоявшие на действительной службе, зачислялись в подвижную гвардию (*garde nationale mobile*), которую принято называть «мобили», а граждане 40 лет и старше зачислялись на пять лет в Национальную гвардию (*garde nationale sédentaire*).

² La guerre de 1870—1871. L'investissement de Paris. Organisation de la Peace. Paris 1902.

ное собрание. Вся организация возглавлялась Центральным комитетом. В состав общеделегатского собрания входили по одному делегату от каждой роты, избранному без различия чинов, делегаты от офицерского корпуса (из расчета один офицер от каждого батальона) и все батальонные командиры. Совет легиона состоял из батальонных делегатов (по два от каждого батальонного совета данного округа, избираемых независимо от чина) и из батальонных командиров данного округа. В батальонный совет входили по три представителя от каждой роты (в том числе ротный представитель в общеделегатском собрании), избранных без различия чина, и офицер, делегированный в общеделегатское собрание офицерским корпусом. Следовательно, основной избирательной ячейкой было ротное собрание, которое не имело своего исполнительного органа — ротного комитета. ЦК должен был состоять из 60 членов, из расчета два делегата от каждого совета легиона, избранных без различия чинов, и один офицер, делегированный от общего собрания всех командиров батальона, от каждого легиона.

В республиканскую федерацию Национальной гвардии изъявило желание вступить 215 из 254 батальонов. Отказались войти батальоны буржуазных районов. Но не все примкнувшие к федерации батальоны были настроены одинаково революционно.

Заключив перемирие с пруссаками, Тьер получил возможность и средства для удушения революции. Еще во время переговоров между Тьером и Бисмарком в Париже происходили грандиозные республиканские демонстрации, в которых вместе с Национальной гвардией принимали участие и некоторые другие части, разоруженные по условиям перемирия. Эти демонстрации продолжались и в течение 26 февраля, когда кончилось перемирие и немцы должны были войти в Париж. В ожидании вступления пруссаков в Париж в ночь на 27 февраля по тревоге были вызваны части Национальной гвардии. В разных районах собралось 30 000—40 000 человек, которые в полной боевой готовности двинулись в направлениях, откуда ожидался вход противника, для того чтобы дать бой на улицах города. Но пруссаки в этот день в Париж не вступили.

К этому времени район правого берега Сены, предназначенный для оккупации пруссаками, уже был очищен правительственными войсками. Все, что имело военное значение, было оттуда эвакуировано, за исключением оставленных, вероятно сознательно, на Ваграмской площади и в предместье Пасси около 400 пушек. Эти пушки принадлежали Национальной гвардии. Они были приобретены исключительно на средства, собранные батальонами в виде пожертвований. В то время как часть батальонов двинулась навстречу пруссакам, другие вместе с народом бросились спасать свои пушки. Они были вывезены на Монмартр, в Бельгиль и на Вогезскую площадь и оставлены здесь под охраной гвардейцев. Кроме того, на складах военного министерства им удалось захватить ружья «Шаспо», в магазине 1-го сектора укреплений — гранаты и в других местах — различного рода огнеприпасы.

На следующий день в правительственном сообщении говорилось о предстоящей 1 марта временной оккупации прусскими войсками Елисейских полей. ЦК республиканской федерации Национальной гвардии, накануне собиравшийся оказать оккупантам вооруженное сопротивление, признал безнадежность подобной попытки и решил немедленно эвакуировать подлежащий оккупации район, соорудить вокруг него баррикады и выставить охрану на демаркационной линии. 1 марта в 11 часов пруссаки вошли в определенный соглашением район Парижа. Оккупационная армия состояла из 11 000 человек от 6-го корпуса, 11 000 — от 2-го баварского и 8 000 — от 11-го корпуса, всего 30 000 человек. Расположившись между Сеной и кордоном баррикад, «победители», перед тем державшие столицу в осаде в течение 131 дня, сами были как бы осаждены

парижскими рабочими. Они находились в таком положении 62 часа: 1 марта Национальное собрание утвердило условия предварительного мира, а 3 марта пруссаки начали выходить из Парижа.

Еще до переговоров Тьера с Бисмарком о предоставлении французскому правительству права на увеличение армии до 40 000 человек вместо 12 000 военный министр генерал Фло начал в провинции подбирать надежных солдат и формировать новые части. 3 марта, когда прусские войска еще не оставили Париж, командующий войсками «национальной обороны» Винуа получил из Бордо уведомление о направлении в Париж новых частей. Таким образом, кроме дивизии Фарона, в распоряжении Винуа оказались три дивизии (1-я, 2-я и 3-я), всего, по данным Винуа (несомненно, преуменьшенным), около 30 000 человек, а вместе с дивизией Фарона, следовательно, 42 000 человек.

Солдаты для указанных новых формирований были взяты из Северной армии. Они прошли через линию неприятельских войск, что запрещалось условиями перемирия. Но Бисмарк, зная, что эти войска предназначались для подавления революции, допускал такое нарушение. Сосредоточение в Париже всех этих войск закончилось 9 марта.

Одновременно с формированием новых частей Винуа принимал решительные меры по расчистке Парижа от разоруженных и считавшихся интернированными солдат. Он в первую очередь спешил вывести из города тех солдат, которые были замечены как участники демонстраций. К 15 марта столица в основном была очищена от демобилизованных войск, что лишало революцию некоторой части ее резерва.

Пока Винуа планомерно и систематически подготавливал операцию разоружения рабочих и расправы с ними, конфликт между Тьером и монархическим Национальным собранием, с одной стороны, и Национальной гвардией и ее ЦК — с другой, все больше и больше обострялся.

Бывший командующий Национальной гвардией генерал Клемен Тома еще в середине февраля, когда ему стало известно о выборах делегатов на общеделегатское собрание, подал в отставку. Его обязанности временно были переданы Винуа, но вскоре командующим был назначен ярый бонапартист Орель де-Паладин. Это назначение было истолковано как первый шаг к подготовке государственного переворота и восстановлению монархии. По прибытии Ореля в Париж на его вызов явилось всего лишь 30 командиров батальонов.

3 марта делегатское собрание демонстративно избрало шефом Национальной гвардии популярного итальянского революционера, командовавшего одним из французских корпусов в последние месяцы войны, Джузеппе Гарибальди. В тот же день ЦК республиканской федерации публично заявил о своем существовании.

В ответ на это правительство объявило в столице осадное положение и распространило по всей Франции сообщение о том, что Париж охвачен пожарами, грабежами и бандитизмом, что там орудуют бежавшие из тюрьмы преступники. 9 марта военный суд за участие в восстании 31 октября 1870 г. приговорил к смертной казни Бланки и Флуранса. На другой день Винуа закрыл шесть левых газет. 11 марта Национальное собрание отказалось утвердить отсрочку квартирной платы, не вносящейся парижанами со времени осады. Тысячи солдат Национальной гвардии и их семьи оказались под угрозой выселения на улицу. Наконец, Национальное собрание приняло решение перейти из Бордо в старую резиденцию французских королей — Версаль. Там в это время находилась верховная ставка пруссаков, но, узнав о таком желании монархического большинства депутатов Национального собрания, пруссаки поторопились очистить Версаль.

Тьер, чтобы обеспечить безопасность работы Национального собрания, открытие заседаний которого в Версале было назначено на 20 марта, решил ускорить операцию по разоружению Национальной гвардии. По

его настоянию решено было приступить к разоружению в ночь с 17 на 18 марта. Правительство намеревалось прежде всего захватить пушки, принадлежавшие Национальной гвардии, распустить ЦК и арестовать его членов. План этой операции был тщательно разработан: намечалось внезапно захватить Монмартр и Бельвиль, основные стратегические пункты Парижа, где были сосредоточены пушки, огнеприпасы и запасы оружия.

Для овладения Бельвилем была направлена дивизия Фарона численностью в 12 000 человек. 2-я дивизия Сюсбеля численностью около 9 000 человек двумя колоннами наступала на Монмартрские высоты. 1-я дивизия Модюи численностью около 8 500 человек должна была занять площадь Бастилии, важнейшие правительственные учреждения, казармы принца Евгения, Лувр, где помещался главный штаб, и мосты от Аустерлицкого до моста Инвалидов включительно. 3-я дивизия Барри численностью около 5 000 человек предназначалась для занятия района площади Инвалидов и военной школы на левом берегу Сены. Сюда предполагалось стягивать все трофеи: пушки, оружие, огнеприпасы и пр., для чего в Елисейских полях и на площади Согласия были сосредоточены соответствующие упряжки и повозки. Наступающие части располагали артиллерией, саперами, жандармами, шпиками-проводниками и несколькими эскадронами конницы. Офицеры имели точные сведения о местах расположения артиллерии, складов оружия и огнеприпасов, штабов и т. п. Подготовка операции, занятие исходных положений и всякие ночные передвижения были произведены в полной секретности и остались совершенно неожиданными для Национальной гвардии и ее ЦК.

В ночь на 18 марта на всех улицах Парижа были расклеены прокламации за подписями Тьера и его министров, в которых объявлялось, что в интересах населения города и всей Франции правительство решило действовать против «тайной организации и предать суду всех виновников нарушения порядка». «Благонамеренные граждане» приглашались отмежеваться от «преступных элементов» и оказать всемерное содействие властям. В 3 часа, когда все, за исключением нескольких сот жандармских постов, спали, войска правительства выступили со своих исходных пунктов, и к 5 часам дивизия Фарона бесшумно заняла парк Бютт Шомон, а дивизия Сюсбеля — высоты Монмартра. Со стороны Национальной гвардии было выставлено лишь незначительное число караулов, да и то слабых. Караулы несли службу крайне небрежно, и никто их не проверял. Повидимому, большинство часовых спало, так что некоторые из них были бесшумно сняты опытными солдатами. Таким образом оказались занятыми без выстрела две основные цитадели Национальной гвардии. Как внутри занятых районов, так и вне их правительственными войсками повсеместно были выставлены посты. На высотах Монмартра вокруг 191 пушки уже возились солдаты Тьера, подготавливая их к отправке на южный берег Сены. К 9 часам части дивизии Фарона были хозяевами положения также во всем районе Бельвиля. Казалось, что победа была уже полностью в руках Тьера.

Утром 18 марта жители столицы были удивлены, увидев наведенные на них митральезы и повсеместно расставленные караулы. Они заметили тьеровские прокламации и поняли, в чем дело. Мало-помалу женщины, старики и дети начали прорываться сквозь линию постов и окружили солдат. В это время кто-то пробил тревогу в барабан, и одна колонна Национальной гвардии вышла с бульвара Орнано и начала браться с 88-м полком бригады генерала Леконта. Последний приказал своим войскам открыть стрельбу, но солдаты отказались и перемешались с населением и гвардейцами. К противоположным скатам Монмартрских высот также подошли гвардейцы и к 8 часам отеснили части первой бригады 2-й дивизии к площади Клиши, отбив у них несколько пушек

Национальной гвардии. Вскоре начался общий отход правительственных войск, в том числе и в районе Бельвиля. Части, окруженные здесь гвардейцами, принуждены были с боем выходить из окружения.

К 11 часам выяснилось, что хозяевами положения повсеместно становятся гвардейцы и народные массы. Важнейшие учреждения, занятые правительственными войсками, без сопротивления со стороны последних стали переходить к восставшим. Правительственным войскам было отдано приказание отходить на левый берег Сены, в район военной школы, который перед тем предназначался для сбора трофеев. Но это мероприятие оказалось запоздавшим, так как частей как организованных единиц уже не существовало, их солдаты перемешались с населением Парижа.

В министерстве иностранных дел, где непрерывно происходило заседание министров, еще оставалось около полубатальона войск, но и на них министры уже не надеялись. Тьер лично наблюдал, как мимо здания прошло несколько батальонов гвардии, которые по какой-то счастливой для него случайности не заглянули в это здание. Вопреки советам своих министров Тьер решил бежать из Парижа, спасти все, что можно, из остатков своей регулярной армии и в Версале организовать новые силы для борьбы с революцией.

Около 17 часов Винуа вывел Тьера через задние двери министерства, усадил его в свой экипаж и под надежной охраной направил беглеца в Версаль, а сам пока остался в Париже, с тем чтобы увести отсюда остатки армии и нужные реакции учреждения, жандармов и чиновников.

К вечеру Париж оказался без власти. Ратуша была занята Национальной гвардией. Массы, собравшиеся перед ратушей, несколько часов ожидали провозглашения нового правительства. Наконец, ночью члены ЦК решились объявить себя временной властью. ЦК заявил, что он рассматривает себя как временную власть и что его главная обязанность будет состоять в том, чтобы как можно скорее организовать выборы в Парижскую коммуну, которая должна его заменить. И только на следующий день на ратуше был поднят красный флаг. С этого момента единственной фактической властью в столице сделался ЦК. По своему социальному положению почти половина его состава были рабочие. Другая половина состояла из мелких служащих и интеллигентов. 16 членов ЦК были членами Интернационала, но в партийном отношении их состав был очень пестрый (прудонисты, бланкисты и т. д.). Члены ЦК не имели определенной политической и экономической программы, они не могли вести за собой массы, а были принуждены сами идти за ними.

Обстановка была весьма благоприятной для дальнейшего развития революции: правительственные войска были деморализованы и не способны ни на какое сопротивление, Тьер трусливо сбежал, его министры оставались пока в Париже, но не знали, что делать.

К концу дня 19 и началу 20 марта Винуа при содействии 5 000 жандармов собрал в окрестностях Версаля около 20 000 разложившихся солдат. Но его войска были дезорганизованы настолько, что без всякого давления со стороны восставших очистили форты Мон-Валериан, Исси, Ванв, Монруж, Бисетр, Иври и Венсен. Первый форт имел наиболее важное значение в оперативном и тактическом отношениях. В остальных фортах хранились огнеприпасы, большие запасы амуниции и около 400 пушек. Так как Мон-Валериан оставался не занятым Национальной гвардией, то 20 марта по приказу Винуа его вновь занял 119-й линейный полк, не принимавший участия в событиях 18 марта и находившийся в то время в Версале. Винуа принял все необходимые меры по прикрытию трех основных дорог, ведущих из Парижа в Версаль, и расположил остатки своих частей на удобных для этой цели позициях. Но он сам несколько не верил в то, что эти позиции будут удержаны. Действительно, вер-

сальское правительство и Национальное собрание, по крайней мере до 26—27 марта, были совершенно беспомощны.

Однако ЦК, оказавшись у власти, придерживался оборонительной тактики, не мешал свободному выводу в Версаль остатков армии, жандармерии, штабов, правительственных органов и т. д. Являясь органом, выдвинутым революцией и обязанным углубить ее, ЦК не понял своей задачи, сведя ее лишь к выборам в Коммуну. Отсюда вытекали допущенные им роковые ошибки: свободный выпуск версальского правительства и его аппарата из Парижа, либеральное отношение к своим классовым врагам и нежелание расправиться с жандармерией и бонапартистскими генералами и т. д. Вместо этого «надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть самой парижской национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости»³.

ЦК Национальной гвардии прежде всего принял меры к тому, чтобы не давать никакого повода прусским войскам для вмешательства в ход восстания. 19 марта он уведомил прусское командование о своем намерении соблюдать все условия мира, подписанного Тьером. Затем было приступлено к проведению выборов в Коммуну, которые удалось провести лишь 26 марта. Через два дня ЦК Национальной гвардии передал совету Коммуны свои полномочия. Но ЦК не был распущен, и это вызывало в дальнейшем сильные трения между ним и советом Коммуны.

Тьер все время держал тесную связь с Бисмарком и вместе с ним готовился к расправе с непокорным Парижем. 28 марта была подписана особая конвенция, по которой формально допускалось увеличение версальской армии до 80 000 человек; соглашение от 5 апреля разрешило довести армию до 100 000 человек, а еще позднее Бисмарком было санкционировано увеличение численности вооруженных сил Версаля до 120 000 человек.

Легко был разрешен вопрос и с офицерскими кадрами. В Пруссии находилось около 12 000 пленных офицеров, среди которых нетрудно было подобрать нужное Тьеру количество орлеанистов и бонапартистов и им сочувствующих. Что же касается рядового состава, то в первую очередь должны были быть возвращены из плена наиболее «благонадежные» элементы, прошедшие соответствующую политическую обработку. Для такого рода возвращающихся пленных были созданы два специальных лагеря — у Шербурга и в окрестностях Камбрэ. К 20 апреля через эти лагеря прошло около 40 000 возвращенных из плена, из которых в воинские части поступило не более 25 000, остальные были отсеяны.

Версальская армия к 6 апреля была доведена до 70 000 человек. Следовательно, время, которое могло быть использовано для разгрома версальцев Коммуной, было безвозвратно потеряно.

6 апреля Тьер назначил главнокомандующим всеми вооруженными силами «героя» Седана — Мак-Магона. В том же приказе объявлялось о реорганизации армии. Были созданы две армии «Версальская» и «резервная» (последняя под командованием Винуа). В состав Версальской армии вошли 1-й и 2-й армейские и 3-й кавалерийский корпуса. Каждый армейский корпус, как и резервная армия, состоял из трех пехотных дивизий, одной легкой кавбригады и артиллерийского резерва, включавшего две батареи митральез и две батареи тяжелых орудий. В состав пехотной дивизии входили две батареи и одна саперная рота. Кавкорпус имел три кавдивизии, каждая из которых располагала одной конной батареей. Был создан армейский резерв из десяти батарей и двух саперных рот. 23 апреля, с прибытием новых партий пленных, в состав Версальской армии вошли еще два корпуса. В конце апреля общая численность версальских войск превышала 150 000 человек. Следовательно,

³ Маркс и Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 106.

против плохо вооруженных и в большинстве своем совершенно не обученных военному делу рабочих должна была выступить 150-тысячная армия реакции, которая по тогдашнему времени была хорошо обучена и отлично снабжена.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

В момент провозглашения Коммуны в Национальной гвардии состояло не более 4 000 офицеров. Унтер-офицерского состава почти не было. Рядовой состав был плохо обучен: он имел лишь незначительную строевую подготовку и знал порядок несения внутренней караульной службы. Офицеры также не имели нужной подготовки и попали в Национальную гвардию, как не удовлетворявшие условиям службы в полевых частях. Национальная гвардия располагала первоклассной крепостью, 1 700 орудиями, большим запасом пороха и снарядов. Этих средств было достаточно для ведения активной обороны. В ее распоряжении имелась речная флотилия в составе нескольких судов, вооруженных пушками, и несколько импровизированных бронепоездов. Национальная гвардия не располагала конским составом: кавалерия числилась лишь в списках; лошадей не хватало даже для артиллерии, обоза, офицеров, ординарцев и разведчиков. Для перевозки артиллерии и повозок имелось лишь около 500 лошадей.

В первые дни после свержения правительства Тьера в должности главнокомандующего Национальной гвардией оказался Эрнест Шарль Люлье (французский публицист и политический деятель). Он выпустил из Парижа части армии Винуа и не занял важнейший стратегический пункт — форт Мон-Валериан. 25 марта он был арестован, но бежал из тюрьмы. Имеются основания полагать, что Люлье был в тайной связи с версальцами.

Коммуна, отменив рекрутские наборы и уничтожив постоянную казарменную армию, объявила, что отныне единственной ее вооруженной силой является Национальная гвардия. ЦК последней обосновался в военном министерстве и считал Национальную гвардию совершенно автономной организацией, обязанной лишь выполнять приказы Коммуны об обороне. Он издал приказ о проведении выборов командного состава в тех ротах, где они еще не были проведены, напомнил национал-гвардейцам о их праве отзывать начальников, переставших пользоваться доверием, и 3 апреля выдвинул своей властью военным делегатом (руководителем военной комиссии Коммуны) Густава Поля Ключере.

К этому времени Национальная гвардия еще не была единым сплоченным организмом, способным подобно полевым армиям выполнять оперативные задачи и маневры по заданию единого командования. Она не имела крупных оперативных и даже общетактических соединений. Двадцать легионов (по числу округов), из которых она состояла, являлись административными единицами. К тому же число батальонов в каждом легионе было неодинаковое и колебалось от двух до двадцати пяти. В свою очередь и численность батальонов была различной. В общем Национальная гвардия представляла собой совокупность отдельных дружин-батальонов, организовавшихся по принципу совместного жительства.

Социальный и возрастной состав батальонов был очень пестрый. В одних преобладали рабочие, в других — мелкая буржуазия. В первые дни Коммуны находились еще и такие батальоны, в которых руководство оставалось в руках крупной буржуазии. При отсутствии единой революционной рабочей партии не было твердого руководства мелкобуржуазным составом батальонов.

Дисциплина в Национальной гвардии поддерживалась только силой революционного подъема и боязнью товарищеского осуждения. Здесь решающая роль должна была бы принадлежать командному составу, способному заражать бойцов своим примером и поддерживать их револю-

ционный подъем. Но такого командного состава у Парижской коммуны не было. С одной стороны, среди начальников Национальной гвардии были прямые изменники, которые в решительный момент переходили на сторону версальцев, с другой — многие военные специалисты, честно связавшие свою судьбу с судьбами пролетарской революции, не понимали ее задач, не могли разобраться в окружающей их новой обстановке и не способны были создать новые взаимоотношения с бойцами. Командующий гвардией Ключере был одним из таких специалистов, оказавшимся по содержанию и методам своего руководства глубоко чуждым революционной армии. Оставаясь в течение месяца начальником Национальной гвардии, несмотря на то, что он отличался большим личным мужеством и хладнокровием и не был изменником, Ключере тем не менее в условиях революционной действительности оказался совершенно бездарным человеком.

Декретом от 5 апреля служба в Национальной гвардии была объявлена обязательной для всех граждан в возрасте от 19 до 40 лет. Таким образом, в состав ее должны были быть зачислены бывшие линейные солдаты и мобили и их офицеры. При комплектовании без определенного социального ограничения Национальная гвардия неизбежно должна была стать более пестрой по своему классовому составу и менее революционной. Надо иметь в виду, что к этому моменту все наиболее активные революционные элементы рабочего класса и мелкой буржуазии уже добровольно вошли в ряды Национальной гвардии, а с началом боевых действий ее батальоны все решительнее отсеивали из своего состава ненадежные элементы. Поголовная же мобилизация привела к тому, что многие батальоны, подпав целиком под влияние мелкой буржуазии, становились недостаточно устойчивыми. Появилось много дезертиров, борьба с которыми явилась постоянной заботой Коммуны.

Следующим мероприятием Ключере было разделение Национальной гвардии на две части. Первую часть составляли маршевые батальоны, в состав которых вошли гвардейцы в возрасте от 19 до 35 лет. Эти батальоны должны были нести службу на внешних укреплениях. Из лиц же старше 35 лет комплектовались резервные батальоны для несения службы внутри города. Это разделение дезорганизовало территориальную спайку, один из важнейших факторов, обеспечивающих дисциплину, исключало большое количество наиболее подготовленных бойцов старшего возраста из передовых линий и обрекало их на тыловую службу. В результате этой реформы прежняя сплоченность рот и батальонов была разрушена. Приходилось вновь сколачивать части. Численность многих батальонов упала до 250 и даже до 100 человек.

Воинская дисциплина в Национальной гвардии была очень слабой, и это по наследству перенеслось во вновь реорганизуемые части Коммуны. Прежде всего сами офицеры не были примером для своих подчиненных. Так, например, Ключере на заседании Коммуны 23 апреля говорил: «...когда солдаты отступали, сигнал всегда давали офицеры... Не солдаты бегут, а офицеры, которые ими командуют»⁴.

Некоторые (как, например, начальник штаба военного делегата Россель) подходили к вопросам дисциплины в духе прежней кадровой французской армии, нисколько не считались с изменившимися условиями и новыми бойцами, совершенно непохожими на солдат полевой армии Наполеона III. Свои мероприятия по поднятию дисциплины они не обеспечивали соответствующей политической и общественной работой и в результате не встречали сочувствия среди массы бойцов Национальной гвардии. Они механически передавали все проступки на рассмотрение судов, даже когда дело касалось целых батальонов (105-й батальон).

⁴ Протокол Парижской коммуны от 28 марта — 30 апреля 1871 г. Изд. 1933 г., стр. 205.

В ряде случаев на открытых собраниях Коммуны резко критиковали приговоры судов, подымали вопрос о смягчении и даже об отмене их.

Изданный Коммуной декрет предоставлял право каждому офицеру накладывать взыскания на своего подчиненного за совершенные им проступки в размере от 1 до 5 дней заключения в карцере. В каждом батальоне был создан дисциплинарный суд с количеством членов, равным количеству рот, без различия чинов. Дисциплинарный суд мог приговаривать к тюремному заключению сроком от 1 до 30 дней. В каждом легионе был учрежден военный суд в составе 7 членов под председательством штаб-офицера. Кроме офицеров, членами суда были 2 унтер-офицера и 2 рядовых национал-гвардейца. Военный суд имел право налагать все практиковавшиеся в то время наказания вплоть до смертного приговора, который должен был утверждаться исполнительной комиссией.

Таким образом, для укрепления дисциплины военному командованию предоставлялись широкие карательные права. Но у Кюзере и его начальника штаба не оказалось ни умения, ни гибкости, ни чуткости для использования этих прав. Применение карательных мер начало проводиться формально и огульно без одновременной политико-воспитательной работы.

Сведения о численности вооруженной организации, которой располагала Коммуна во время боевых действий, очень разноречивы. По источникам врагов Коммуны, ее силы оцениваются: в маршевых батальонах — 96 000 гвардейцев и 4 000 офицеров и в резервных батальонах — 100 000 гвардейцев при 3 500 офицерах, а всего около 200 000⁵. По данным военной комиссии в начале мая значилось в маршевых батальонах около 85 000 солдат и 3 413 офицеров и в резервных батальонах — 77 000 рядовых и 3 094 офицера, а всего около 162 000 рядовых и 6 500 офицеров. Эти данные также далеко не соответствуют действительности и преувеличены. Повидимому, это был списочный состав, из которого не были исключены уклонившиеся от обязательной военной службы и вышедшие из батальонов по различным причинам. Надо полагать, что в маршевых батальонах фактически было не свыше 60 000, из которых на внешних линиях укреплений находилось не более 10 000—15 000 человек. Следует считать, что более или менее устойчивое число национал-гвардейцев, регулярно и точно выполнявших приказы, в апреле и мае фактически достигало не более 20 000 — 25 000 человек. По этому поводу Ленин писал: «Только рабочие остались до конца верны Коммуне... Только французские пролетарии без страха и усталости поддерживали свое правительство, только они сражались и умирали за него, то-есть за дело освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся»⁶.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1 апреля главная масса версальских войск была сосредоточена в районе Версаля: в лагерях на плато Жарди, в 2,5 км севернее Версаля, и в лагерях в 1,5 км юго-восточнее Версаля. Это сосредоточение прикрывали три дивизии: одна занимала Сен-Клу и Севр, другая — Бельвю, Медон и Кламар, третья оставалась в Версале как резерв. Кавбригада Галифе располагалась на Безонской равнине, выдвинув свои эскадроны до площади Корбвуа. У Тьера был план: выиграть время и накапливать силы и средства для решительного удара. Этот план осуществлялся путем искусного затягивания переговоров с Парижем, провокационных и диверсионных действий внутри восставшей столицы и подкупа чиновников Коммуны.

⁵ Lt-Colonel Rousset 1871. La commune à Paris et en province, 1912, p. 137—138.

⁶ Ленин. Соч., т. XV, стр. 158.

Коммуна же не имела ясного плана действий. Она все еще надеялась на мирный исход событий. В то же самое время в происходивших перед ратушей демонстрациях требования похода на Версаль становились все решительнее. Это нашло свое отражение в решениях командования Национальной гвардии⁷.

Во второй половине дня 31 марта и в течение 1 апреля из Парижа выводились свежие части для усиления южных фортов и караулов. Утром 2 апреля четыре батальона Пантеонского квартала заняли селения Корбвуа и Пюто, где до того находились лишь усиленные караулы, и начали укреплять их. 30 и 31 марта между передовыми постами обеих сторон уже завязалась перестрелка.

В целях активного обеспечения подступов к Версалью с северо-востока, со стороны Корбвуа, и для выяснения истинных намерений Коммуны Винуа 2 апреля предпринял частную наступательную операцию, создав для этого отряд войск в составе: 1-й бригады из дивизии Брюа (74-й маршевый полк, 1-й полк морских стрелков) — всего около 4 500 бойцов; бригады Доделя из дивизии Фарона (113-й и 114-й линейные полки) — всего 3 200 бойцов; два эскадрона южной республиканской гвардии — около 100 сабель. Всего в этом отряде было около 8 000 пеших и, включая конницу бригады Галифе, 900—1 000 конных бойцов. Кроме того, сюда входили конная и полевая артиллерия, саперы и жандармы; последние, как правило, всегда шли в голове, в хвосте и на флангах колонн.

В 6 часов отряд Винуа выступил из Версаля двумя колоннами. К этому времени кавбригада Галифе имела у Корбвуа соприкосновение с караулами Национальной гвардии и занимала дорогу от Корбвуа на Бекон. Правая колонна — бригада из дивизии Брюа — во главе с командиром дивизии, имея в авангарде 74-й п., следовала через Вокресон и Монтрету на Корбвуа. Справа ее прикрывали два эскадрона конной гвардии. Левая колонна — бригада Доделя — направлялась через Буживаль, Рюейль и Нантер.

Около 11 часов голова авангарда правой колонны достигла перекрестка дорог, что в 1,5 км юго-восточнее круглой площади Корбвуа. Одновременно сюда же от Нантера подходил 113-й полк левой колонны. Винуа остановил колонны и отсюда организовал наступление по овладению селениями Пюто и Корбвуа и мостом Нейи. Полк морской пехоты направлялся правее большой дороги, имея задачей очистить селение Пюто; 74-й полк действовал вдоль дороги через круглую площадь, а левее, в обход круглой площади, наступал 113-й полк. На левом фланге конная батарея Галифе первая открыла огонь. Затем начала действовать артиллерия обеих колонн. После этого полки версальцев бросились в атаку, которая была отбита коммунарами. 74-й полк разбежался. Винуа лично собирал этот полк и принужден был заново организовать атаку, введя в дело все силы отряда.

Национал-гвардейцы, оборонявшие селения и насчитывавшие до 1 500 человек, разумеется, не могли долго держаться против девятитысячного отряда, имевшего превосходство в артиллерии. Они принуждены были отойти к предмостному укреплению на противоположный берег реки, где некоторое время задерживались, а затем отошли. В 14 часов версальцы прекратили дальнейшее наступление и начали отводить части отряда в места их расквартирования. Больше всех пострадал 118-й батальон Национальной гвардии, командир которого был убит. Версальцы еще не окончили боя, как их жандармы в селении Пюто уже расстреляли часть попавших к ним в плен рабочих.

⁷ Еще 24 марта военное руководство было возложено на Дюваля, Эда и Бержера со званием генералов. 1 апреля Эд был назначен делегатом военного министерства. Дюваль — военным комендантом префектуры полиции, а Бержер — начальником штаба Национальной гвардии.

Таким образом, началом боевых действий следует считать 2 апреля. Первые бои, бесспорно, доказали высокую боеспособность Национальной гвардии в оборонительном бою. Они показали беспредельные потенциальные возможности (энтузиазм, готовность к самопожертвованию, волю к победе и т. п.) нового типа солдата, стремившегося уничтожить своего классового врага. Но вместе с тем эти боевые действия обнару-

Схема 1. Положение сторон к 25 апреля 1871 г.

жили полную беспечность Коммуны в отношении обороны столицы, отсутствие у нее какого бы то ни было плана действий на случай наступления версальцев. Она все еще надеялась на мирный исход событий, не верила в возможность наступательных действий со стороны Версаля и решительно отказывалась от проявления своей инициативы в военных действиях. В этом крылась причина и других недочетов, обнаруженных в том же бою: небеспеченность подступов к Парижу, отсутствие агентурной и войсковой разведки, подготовленных резервов и даже надеж-

ного охранения, отказ от усиления внешних укреплений и местных предметов на подступах к Парижу и др.

Члены Коммуны, узнав вечером того же дня о событиях у Нейи, растерялись, так как наступление версальцев оказалось для них неожиданным. Находясь под впечатлением этих событий, Коммуна назначила своим военным делегатом генерала Кюзере, которого считали крупным военным специалистом.

По мере того как по кварталам столицы, начиная с северо-западной ее части, распространялась весть о нападении версальцев, Париж все больше и больше приходил в движение. Все площади переполнялись возбужденным народом. Каждый, у кого было оружие, брал его с собой, не ожидая никакого указания. Наконец, вооруженные и невооруженные парижане начали направляться к ближайшим к Версалию воротам крепости и потребовали от правительства Коммуны немедленного похода на Версаль. Совет Коммуны сначала призывал к успокоению, но затем вынужден был дать свое согласие на наступление.

Командование Национальной гвардии, все время ранее настаивавшее на этом походе, имело уже разработанный план наступления. Кюзере, только что ставший начальником всех вооруженных сил Коммуны, формально согласился с этим планом, подписал его, но сам лично ничего не предпринял для его выполнения. В течение 3 и 4 апреля он оставался простым наблюдателем.

Этот план предусматривал создание трех отрядов: Северного — под командой Бержере, Центрального — под командой Эда и Южного — под командой Дюваля. Северный отряд в свою очередь делился на две самостоятельные колонны: правую — под командой Флуранса и левую — под командой начальника отряда (Бержере). Идея плана состояла в том, чтобы ночью вывести главные силы отрядов, под и по четырем различным направлениям к окрестностям Версаля и на рассвете неожиданно для противника начать штурм города.

С этой целью колонна Флуранса должна была выступить из района селений Аньер и Корбвуа и следовать, обходя Нантер с северо-запада, через Буживаль на Версаль. Колонна Бержере имела следующий маршрут движения: Корбвуа, Гарш, Вокресон, Версаль. Она должна была обойти Нантер с юга и форт Мон-Валериан с северо-запада. Южнее Рюейль обе колонны должны были войти в связь и в дальнейшем ее не терять. Отряд из района южных фортов направлялся для ночной атаки в направлении Медон, Вирофле, Версаль. Отряд Дюваля должен был следовать от Шатийонских ворот через Плесси Пике, Велизи, с тем чтобы на рассвете штурмовать Версаль с юга. Ночное движение, таким образом, обеспечивало скрытый обход форта Мон-Валериан. На случай неудач каждому отряду намечались промежуточные оборонительные рубежи.

Этот план был задуман еще в конце марта и в обстановке того периода мог быть вполне осуществлен. Парижские рабочие, составлявшие основу реорганизованных полевых батальонов Национальной гвардии, были крепко сплочены и отлично знали местность, на которой придется сражаться. Это вполне обеспечивало успех первого этапа операции — внезапный ночной подход к Версалию. Все зависело лишь от соответствующей подготовки и организации, предусматриваемой планом операции. Но этого уже нельзя было сделать вечером 2 апреля, когда возникло стихийное движение масс. Руководители Коммуны и командующий вооруженными силами Кюзере ходом событий были отброшены в сторону. Дюваль, Эд и Бержере ввиду отсутствия крепкой, сплоченной революционной организации, на которую они могли бы опереться, естественно, не сумели в тот момент овладеть этим стихийным движением. Массы внесли изменения в план, которые оказались роковыми для успеха операции. Наступление началось не одновременным

давлением на противника по всему фронту и не ночью, как предусматривал план, а на рассвете. По Парижу разнесся слух о том, что форт Мон-Валериан якобы останется нейтральным и огня не откроет и что тьеровские линейные солдаты сражаться с рабочими не станут. Массы поверили этому, за что и поплатились очень дорого.

Колонна Флуранса в составе пяти бельвильских батальонов численностью около 2500 человек выступила в 3 часа утра. Ее авангард отбросил охранение кавбригады Галифе и принудил главные ее силы отойти на Буживаль, а затем на берег Сены к северо-западу от этого пункта. На колокольне этого селения было поднято красное знамя коммунаров.

Левая колонна численностью в 4 000—5 000 человек около 5 часов утра начала переходить через мост у Нейи. Впереди колонны в коляске ехал Бержере (вследствие болезни он не мог держаться в седле). Все были уверены в том, что со стороны форта Мон-Валериан стрельбы не будет, а потому никаких мер предосторожности не предпринимали. Колонна двигалась с песнями и криками «на Версаль!». Выйдя из Корбвуа на дорогу, ведущую в Нантер, колонна все же перестроилась в походный порядок, но попрежнему не обращала никакого внимания на форт.

Когда голова колонны следовала по дороге в Нантер и находилась между последним и перекрестком дорог, форт внезапно ожил и с дистанции 1—1,5 км открыл огонь. Первым же выстрелом были убиты офицер генерального штаба, сидевший в коляске рядом с Бержере, и обе лошади упряжки. От неожиданности в колонне произошло замешательство. Головная часть ее рассыпалась по окраинам селений Нантер и Рюейль, связалась с батальонами Флуранса и приступила к постройке баррикад. Большая же часть колонны, чтобы уклониться от огня с форта, принуждена была отхлынуть через Корбвуа к Аньеру. Здесь Бержере и штабные офицеры начали приводить батальоны в порядок с целью направить их снова на присоединение к колонне Флуранса.

Одновременно с этим в Версале, где были получены сведения о том, что Национальная гвардия подошла уже к Буживалю (в 6 км от Версаля), началась паника. В особенности растерялись депутаты Национального собрания. Паникой были охвачены и версальские войска, находившиеся в лагерях, несмотря на их полнейшую изолированность от всего населения.

Винуа своевременно и точно был информирован обо всем том, что делалось в Северном отряде Национальной гвардии. Он был связан телеграфом с фортом Мон-Валериан, откуда можно было наблюдать за всем происходившим в отряде. Кроме того, к Винуа беспрерывно поступали сведения от хорошо организованной войсковой разведки и агентуры.

Направление от Нантера к Версалию было самым уязвимым для версальцев, и за него Винуа больше всего опасался. Но ему понадобилось более пяти часов только для того, чтобы вывести нужные ему силы из лагеря. В 10 часов утра из лагеря (в 2,5 км севернее Версаля) выступили части во главе с Винуа для противодействия Северному отряду. Для этой цели были выделены дивизия Гренье в составе бригад Патюреля и Гранье, бригада Доделя и кавдивизия Прейля. К ним должна была присоединиться кавбригада Галифе. Всего было выделено около 8 000—9 000 пехотинцев и 2 200 человек конницы.

Бригада Гранье направилась на Гарш и далее, под прикрытием форта Мон-Валериан, по дороге на Корбвуа с целью отрезать всякую возможность связи между крепостью и частями Северного отряда. Бригады Доделя и Патюреля и кавдивизия Прейля последовали на Сель Сен Клу. Там бригада Патюреля получила задачу следовать через лес на Рюейль. Бригада Доделя совместно с кавбригадой Галифе должна была

действовать от Буживаля вдоль берега Сены. Кавдивизия Прейля получила задачу, направляясь через лес и действуя из-за правого фланга бригады Патюреля, выйти в долину р. Сены с востока между селениями Нантер и Рюейль.

Около 11 часов бригада Доделя, войдя в связь с кавбригадой Галифе, развернулась против авангарда Флуранса, но продвинуться дальше не могла. В это время в районе Буживаль, Нантер вместе с частью колонны Бержере находилось всего около 4 000 солдат Национальной гвардии.

Попытка Бержере противопоставить форту Мон-Валериан три имевшиеся у него пушки не увенчалась успехом. Батальоны все время вынуждены были держаться вне досягаемости огня фортовых орудий. Около 14 часов, заметив, что крупные части пехоты противника (это была бригада Гранье) начинают распространяться по скатам Мон-Валериан и направляться к дороге, идущей из Корбвуа в Нантер, Бержере послал Флурансу приказание срочно отойти. Это приказание было получено в тот момент, когда бригада Патюреля, связав своим огнем защитников баррикад Рюейля, дала возможность кавдивизии Прейля с жандармами ворваться в долину, в тыл Флурансу. Находившиеся там солдаты Национальной гвардии начали отходить, прикрываясь со стороны форта насыпью полотна железной дороги, идущей через Шату и Аньер, и отбиваясь огнем от кавалерии. Остальные же части Флуранса, оказавшиеся в окружении, вели неравный бой с противником, превосходившим их численно в 5—6 раз.

Флуранс в этом бою дрался впереди других. Но после того, как кавалерия Галифе с юга и кавалерия Прейля с севера уничтожили большую часть бойцов его отряда, а остальных рассеял, самому Флурансу удалось спастись вместе с одним из своих боевых товарищей, переправившись в лодке на противоположный берег реки южнее Шату. Но здесь его выследили жандармы, которые захватили Флуранса спящим и зарубили. По приказу Галифе все пленные коммунары расстреливались без суда.

Так закончилось наступление Северного отряда под командой Бержере. Недооценка роли и значения форта Мон-Валериан со стороны коммунаров, их неорганизованное наступление по местности, в центре которой находился этот форт, и наличие конницы у противника были основными причинами столь тяжелого поражения.

Несколько более удачными были действия Центрального отряда под командой Эда. Этот отряд выступил из форта Исси около 6 часов утра в составе не более 5 000 человек при 8 орудиях (с запасом в 100 снарядов). Против него авангардная позиция противника занималась жандармами и пешим полком республиканской гвардии. Основная позиция противника на высотах у опушки лесов у Медона и южнее Бельвю была занята бригадой Мариуза (дивизия Фарона) численностью около 4 000 человек. Всего перед фронтом отряда Эда находилось не менее 5 500 человек пехоты с четырьмя-пятью батареями, причем две из них занимали позиции на Медонских высотах. Винуа особенно не беспокоился за свои позиции здесь, так как они были укреплены еще пруссками и имели достаточно мощные убежища.

Отряд Эда, развернувшись перед фронтом Мулино и Ба-Медон, при поддержке форта Исси оттеснил жандармов и роты республиканской гвардии, затем в результате жестокого боя овладел южной частью Бельвю и селением Валь де Флери. 101-й батальон ворвался на главную позицию бригады Мариуза. 93-й и 121-й батальоны по занятии Ба-Медон втянулись в Клармарский лес, где понесли потери. 93-й батальон попал там в засаду и с трудом пробился из леса, оставив пленных в руках противника. В это время бригада Мариуза перешла в наступление. Части

Центрального отряда в порядке, под прикрытием фортов Исси и Ванв, к полудню отошли в исходное положение.

Южный отряд в составе около 2 000 человек, без артиллерии выступил ночью, отбросил охранение противника и достиг его главного оборонительного рубежа у Валь Кублэ (в 7 км от Версаля). Но этот отряд оказался совершенно оторванным от остальных войск коммунаров и фортов крепости. У него завязался бой сначала с бригадой Деррожа (дивизии Фарона), затем к ней присоединилась целая дивизия Пелле. Всего на стороне версальцев здесь участвовало около 12 000 человек пехоты с соответствующей артиллерией и приданными эскадронами и жандармами. Дюваль сумел вывести свой отряд из боя в полном порядке, без существенных потерь. Его отход прикрывал форт Ванв. В ночь с 3 на 4 апреля части отряда (около 1 500 человек) занимали Шатийонский редут южнее селения Шатийон, которое после снятия осады пруссаками никем до того не занималось. Остальные солдаты Дюваля (около 500 человек) расположились в названном селении. Выставленное впереди редута охранение было очень слабым, и фланги позиции совершенно не были прикрыты боковыми отрядами (заставами). Этим обстоятельством воспользовались версальцы, и на рассвете 4 апреля бригада Деррожа обошла справа отряд Дюваля и атаковала его во фланг и тыл со стороны селения Фонтенэ-О-Роз. Одновременно с этим, предварительно сняв без выстрела охранение, дивизия Пелле атаковала отряд с фронта. В результате этой внезапной атаки все находившиеся в редуте солдаты Национальной гвардии во главе с Дювалем оказались полностью окруженными противником, численно превосходившим их в 6—7 раз. Генерал Пелле предложил отряду Дюваля сдаться, заверив его, что жизнь всех сложивших оружие будет сохранена. Отряд поверил этому обещанию и сдался. Пленные немедленно были выведены из редута и направлены в Версаль. В пути их встретил Винуа, по приказанию которого было расстреляно несколько человек. Затем тут же были расстреляны Дюваль и начальник его штаба.

Когда на фортах и на левом фланге Центрального отряда стало известно о событиях у Шатийонского редута, дивизия Пелле и бригада Деррожа немедленно были взяты под перекрестный огонь: артиллерийский — с фортов Исси и Ванв и ружейный — со стороны селений Клармар и Шатийон. Версальцы начали нести большие потери. Начальник дивизии Пелле был тяжело ранен. Поднялась паника. Наличие здесь прусских окопов не спасло положения. Винуа вызвал на помощь из южного лагеря свежую дивизию Пешо и подтянул бригаду Мариуза. Весь день шел бой за захваченную версальцами позицию и селения Клармар и Шатийон. И лишь к вечеру Национальная гвардия оставила их и в порядке отошла, нанеся большой урон версальцам.

Этим эпизодом закончилась попытка части руководителей Национальной гвардии исправить допущенную ими 19 марта ошибку и вернуть инициативу действий Коммуне. В результате коммунары понесли чувствительные потери в личном составе и проиграли сражение. Но было бы неправильно делать из этого вывод (как это сделали генерал Кюзере и руководители Коммуны), что не надо было наступать. Причины неудачи кроются в том, что руководители Коммуны не хотели наступать и не хотели готовиться к этому. В частности, ответственность за гибель Дюваля и его отряда всецело ложится на тех, кто боялся наступательных действий, в первую очередь на генерала Кюзере. Он как командующий всеми вооруженными силами Коммуны ничего не предпринимал для организации взаимодействия отрядов, для обеспечения их резервами и для предохранения их от внезапной атаки противника. Вместо этого Кюзере был даже доволен понесенным поражением и доказывал, что «не надо было наступать».

Но как бы ни были неудачны результаты этой операции, последняя

имела гораздо больше положительных последствий, чем отрицательных. Она дала Национальной гвардии опыт наступательных действий. Казалось, что из этих событий надо было сделать следующий вывод: как можно скорее организовать новое наступление на Версаль, учтя имевшиеся раньше недочеты. Но руководители Национальной гвардии и Коммуны решили избегать наступательных действий и отстаивать свою свободу при помощи фортов, крепостного вала, новых укреплений и баррикад. 7 апреля на заседании Коммуны представитель от 10-го округа Растуль внес предложение о возведении гигантской баррикады, опоясывающей весь Париж между бульварами и крепостной стеной, с тем чтобы в этом баррикадном поясе были размещены продовольственные и иные запасы: на случай одновременной борьбы с версальцами — с внешней стороны и реакционерами — в самом Париже. Такая идея — создание баррикады — была и у Трошю, с той лишь разницей, что последний собирался формально иметь внешний форт против пруссаков, а главное внимание сосредотачивал на внутренней борьбе против вооруженных рабочих.

8 апреля, по настоянию Кюзере, Коммуна назначила баррикадную комиссию в составе двух членов Коммуны, по одному выборному члену от каждого округа и инженерных капитанов. Этим самым еще более прочно закреплялась оборонительная тенденция, которая неизбежно должна была привести Коммуну к гибели.

Поражение 3 и 4 апреля не понизило боевого настроения парижских рабочих. Наоборот, расстрел версальцами захваченных в плен коммунаров еще больше воспламенил их ненависть к врагам. Но руководство Коммуны не сумело этого использовать. Считая проведенное наступление на Версаль ошибкой, оно решило теперь отказаться от всякой инициативы в ведении военных действий. Тьер, лично возглавлявший военный совет версальцев, наоборот, умело использовал каждую ошибку Коммуны и в особенности пассивность ее руководства. 12 апреля он приступил к систематической осаде Парижа, с каждым днем расширяя саперные работы, проводя их планомерно и переходя с одной параллели окопов к другой, стремясь подвести их вплотную к фортам. Командование Национальной гвардии на эти работы не обращало внимания и не отгадало истинного намерения Тьера: овладеть южными фортами и тем самым обеспечить овладение юго-западным выступом Парижа — Пуан де Журом. Лишь артиллеристы фортов, несмотря на указание Кюзере экономить снаряды, наносили поражения версальцам и заставляли их вести работы ночью.

Резкой противоположностью Кюзере в отношении методов борьбы с версальцами был Ярослав Домбровский, один из выдающихся офицеров Коммуны⁸. 6 апреля он был назначен комендантом Парижской крепости. Тьер, узнав об этом, старался всяческими мерами подорвать влияние и авторитет Домбровского в рабочих массах. 8 апреля Домбровский, оставаясь комендантом, вступает в командование отрядом Бержере. К этому времени отряд уже носил наименование Западной армии, в состав которой входило около десяти батальонов (из них на боевой линии обычно было не более пяти батальонов).

Вступив в командование Западной армией, Домбровский организовал контрнаступление против переправившихся в районе Нейи версальцев и в ночь на 9 апреля переправился с 70-м батальоном по перекидным мостам через вал и ворвался в расположение неприятеля. Произошла руко-

⁸ Домбровский — русский эмигрант, уроженец Житомира, получил военное образование в Петербургской академии Генерального штаба. Он имел большой опыт революционной деятельности в Петербурге, Польше, Москве, играл видную роль в организации польского восстания 1836 г. Был приговорен к 15 годам каторги, но бежал и в 1865 г. эмигрировал в Париж. Он еще 18 марта предложил ЦК Национальной гвардии организовать наступление на Версаль.

пашная схватка. На помощь Домбровскому подошли остальные батальоны, и значительная часть Нейи была очищена от версальцев. 9 апреля с наступлением темноты он с двумя батальонами ворвался в Аньер, занял селение Женвилье. В то же время его брат с другими батальонами с боем овладел замком Бекон, господствовавшим над районом Аньер, Корбвуа. Контратаки противника успеха не имели.

С этого времени на участке Аньер, Нейи в течение месяца шли упорные бои, инициатива в которых принадлежала Домбровскому. Войска последнего на этом участке уступали противнику по численности в 10—15 раз. Хотя Домбровскому ввиду отсутствия пополнений в середине апреля пришлось очистить левый берег реки, тем не менее к этому участку было привлечено особое внимание Тьера. Последний сразу оценил Домбровского как опасного противника и старался подкупить его, одновременно поручив своей агентуре скомпрометировать Домбровского распространением слухов о его измене. Но первое средство оказалось бессильным, второе же до самого момента гибели Домбровского на баррикаде оказывало некоторое действие и мешало последнему работать в интересах обороны Коммуны. Деятельность Домбровского, его личная храбрость, хладнокровие завоевали ему авторитет среди солдат Национальной гвардии и коммунаров. После героических боев за удержание Аньер 14—17 апреля и отхода коммунаров ЦК Национальной гвардии под влиянием общественности предлагал арестовать Ключере и вместо него назначить Домбровского. Но Ключере до конца апреля оставался во главе вооруженной организации Коммуны и попрежнему продолжал придерживаться пассивно-оборонительной тактики.

Тьер все сильнее затягивал петлю вокруг восставшего Парижа, не встречая попыток помешать этому со стороны коммунаров. Ключере и его штаб не могли не знать намерений версальцев о направлении их главного удара против выступа крепостной стены у Пуан де Жур. Создававшаяся к 25 апреля обстановка слишком убедительно это подтверждала. Система укреплений обеспечивала эту часть крепости фортами: справа — Мон-Валериан, а слева — Исси. Добровольная уступка первого версальцам в основном уже нарушила эту систему и тем самым сделала наиболее уязвимым участком Пуан де Жур. Воздвигавшаяся на глазах Ключере на высотах Монтрету гигантская насыпь, на которой затем версальцы установили 70 орудий крупного калибра, их продвижение к фортам ясно указывали на намерение противника овладеть фортом Исси и тем самым окончательно разрушить систему артиллерийской обороны подступов к Пуан де Жур.

Обстановка настойчиво требовала от командования коммунаров активных действий для срыва намерений противника и удержания в своих руках фортов Исси и Ванв. Но Ключере не думал о завтрашнем дне, а члены Коммуны, раздираемые политическими разногласиями, были заняты больше дискуссиями, чем обороной, и, сами того не замечая, оказывали тем самым неоценимую услугу Тьеру. Можно считать, что в этот период уже окончательно была предрешена участь осажденных. Вопрос заключался лишь во времени.

Закончив подготовительные работы, версальцы 25 апреля приступили к выполнению первой части своего плана — овладению фортом Исси. К этому времени Версальская армия располагалась следующим образом (схема 1): 1-й корпус (три дивизии) — в районе Женвилье, Аньер, Корбвуа, Путо, Рюейль, Нантер, имея постоянные стычки с коммунарами из-за железнодорожного моста у Аньер и предмостной баррикады на правом берегу реки у Нейи; дивизии резервной армии (Винуа) располагались: 3-я — в районе Сен Клу и Севр; 1-я, временно поступившая в подчинение 2-го корпуса, — в районе Бельвю, Ба-Медон, Кламар; 2-я — в Версале; 2-й корпус занимал район Шатийон, Банье, Плесси-Пике и Валь Кублэ. Здесь в течение 22, 23, 24 и 25 апреля коммунары

предпринимали атаки на селение Банье, которое ими было занято 25 апреля. Сформированные из военнопленных 4-й и 5-й корпуса находились в лагерях в районе Версаля и пока использовались только для инженерных работ. Кавкорпус сосредоточился в районе Веррьер, Жювизи, Палезо, имея охранение по дороге из Версаля в Шуази. Он отрезал Париж от сообщений с югом.

В секторе фортов Исси и Ванв действовала Центральная армия коммунаров под командованием итальянца Сесилья, заменившего Эда, отозванного в тыл после событий 3—4 апреля. Другой бригадой командовал Бержере. Левее, в секторе фортов Монруж и Иври, действовала Южная армия под командованием Валерия Врублевского⁹, назначенного вместо расстрелянного версальцами Дювала.

Южные форты не были в подчинении командующих армиями. Ими командовал Ветцель, подчинявшийся коменданту крепости. Форты были хорошо вооружены и имели достаточные гарнизоны. Но служба на фортах не была организована как следует, смены происходили нерегулярно. Не было порядка и в снабжении фортов.

25 апреля 2-й корпус приступил к непосредственному выполнению поставленной ему задачи — овладеть фортом Исси и ворваться в город через Пуан де Жур. Корпус с приданной дивизией из резервной армии уже насчитывал до 40 000 бойцов при восьми батареях 4-см пушек и четырех батареях 12-см орудий. Вся масса этой артиллерии сосредоточила огонь по форту Исси, и лишь одна батарея открыла огонь по форту Ванв.

Войска Национальной гвардии под командой Сесилья, занимавшие Мулин и окопы впереди фортов и в промежутках между ними, поддерживаемые со стороны последних 70—80 орудиями, имели на боевой линии не более пяти-восьми батальонов малочисленного состава. Коммунары героически удерживали свои позиции, но под давлением превосходства сил противника в ночь с 26 на 27 апреля оставили Мулин, что дало версальцам возможность подвести окопы со стороны на южного пункта на расстояние всего 300 м от форта Исси. Три дня спустя 1-я дивизия резервной армии совместно с частями 2-й дивизии 2-го корпуса принудила коммунаров очистить кладбище и парк у Исси. Части 3-й дивизии 2-го корпуса заняли ферму в 500 м правее перед фортом Ванв. Таким образом, оба форта оказались в полуокружении. Утром 29 апреля защитники форта Исси, поддавшись влиянию перетрусившего коменданта, заклинили свои орудия и отправились в Париж. Весь день форт оставался без гарнизона. Лишь в 18 часов он вновь был занят батальоном Национальной гвардии, который привели из Парижа Кюзере и Сесилья. За допущение оставления форта Исси Кюзере был арестован, вместо него был назначен Россель. 5 мая Домбровский был назначен главнокомандующим Национальной гвардией по совместительству с должностью командующего Западной армией, что внесло полную неразбериху в отношении организации и ответственности за оборону. Уже до этого между военным делегатом Коммуны и ЦК Национальной гвардии, каждый из которых претендовал на роль главкома, имелись крупные разногласия, принесшие много вреда для обороны. С назначением же особого главнокомандующего функции делегата Коммуны, ЦК и главкома стали еще более неясными.

⁹ Врублевский — уроженец Виленской губернии, выдающийся участник польского восстания 1863 г., эмигрировавший сначала в Лондон, а затем в Париж. Он имел боевой опыт, полученный им в польском восстании в качестве сначала начальника штаба партизан Гродненщины, а затем главнокомандующего военными силами Гродненщины, Подляхи и Люблинщины. Впоследствии, когда Сесилья был назначен комендантом крепости вместо Домбровского, Врублевский объединил в своих руках командование двумя армиями и во время вторжения версальцев в Париж оборонял кварталы Парижа по левому берегу Сены.

Неизбежность падения фортов Исси и Ванв стала очевидной для руководителей Коммуны, а вместе с тем сознавалась и близость вторжения версальцев в столицу. Единственным выходом из критического положения должна была явиться попытка захвата Версаля, на которой упорно настаивал Домбровский; последнего в этом отношении поддерживал Россель. С этой целью подготавливалась мобилизация всех солдат

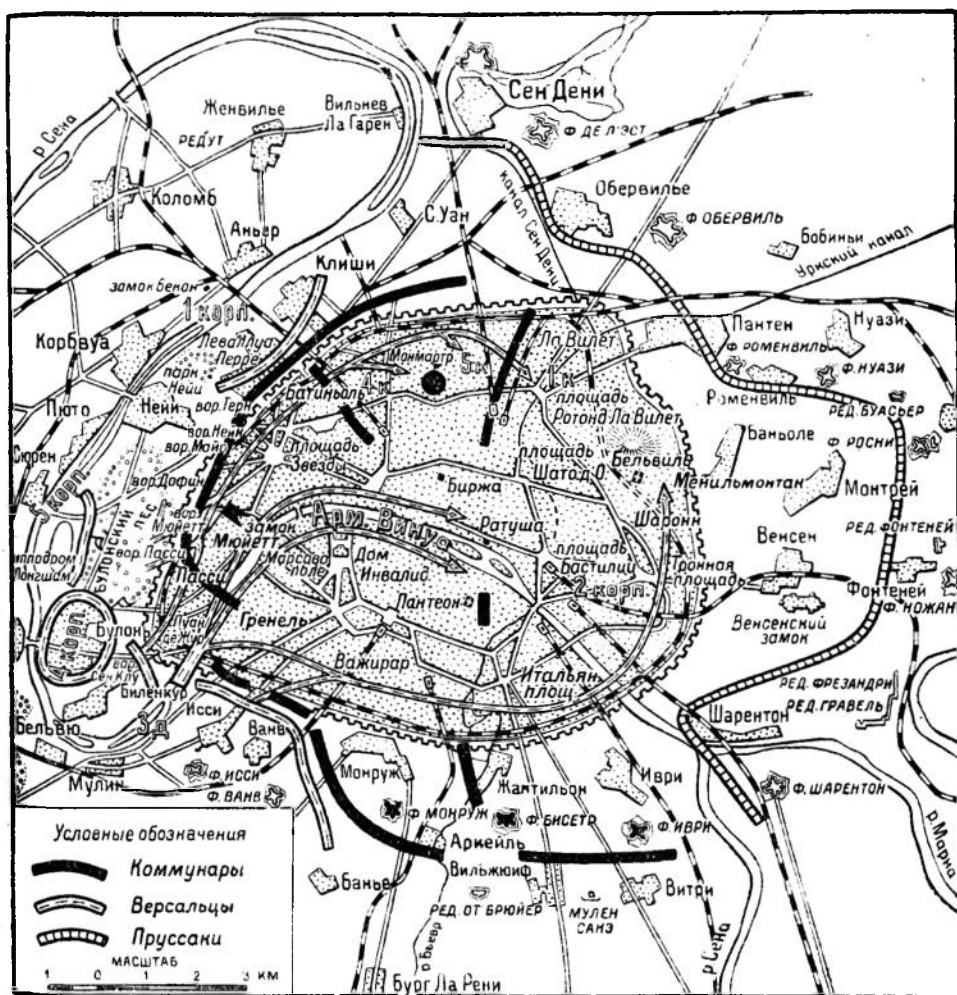

Схема 2. Положение сторон 22 мая и план Тюри.

Национальной гвардии, способных принять участие в полевых действиях. Принимались меры к укреплению дисциплины и упорядочению несения службы на боевой линии. Но все эти меры уже запоздали, так как версальцы перешли в генеральное наступление и окончательно вырвали инициативу из рук коммунаров.

5 мая 2-й корпус версальцев был усилен 5-м корпусом. В тот же день версальцам удалось выбить коммунаров со станции Клармар. 8 мая ими были заняты церковь селения Исси и другие объекты у этого селения. Форт Исси оказался почти окруженным. Он уже представлял собой грудку развалин. Сообщение форта с Парижем поддерживалось только через селение и находилось под ружейным обстрелом противника. В полной исправности в форту оставалось всего три орудия. 8 мая Монтрету по форту открыли огонь 67 вновь установленных там мор-

ских орудий. Остатки гарнизона покинули форт. 4-й корпус вместе с 3-й дивизией резервной армии в ночь с 8 на 9 мая начал форсирование р. Сены. 13 мая версальцы овладели отчаянно защищавшимся фортом Ванв. Через два дня пало селение Исси, которое героически защищал Брюнель с пятью батальонами. Взятием фортов Исси и Ванв была выполнена основная часть плана Тьера по осаде Парижа — окончательное нарушение всякой системы артиллерийской обороны крепостной стены у Пуан де Жур. Названные форты были быстро перевооружены, и тем самым версальцы завершили подготовку системы артиллерийского огня к штурму Парижа на этом участке.

С падением фортов Исси и Ванв 5-й корпус был направлен для занятия исходного положения к штурму Парижа на позиции перед воротами Мюйетт и Пасси. Части 5-го корпуса, форсировав р. Сену в районе Сюрен, в ночь на 14 мая заняли плацдарм в Булонском лесу у ипподрома Лонгшам. Отсюда они начали методическое продвижение к крепостному рву. 1-й корпус к этому времени уже находился на правом берегу Сены и занимал западные окраины селений Клиши, Леваллуа и Нейи.

20 мая батареи версальцев открыли сильный огонь по участку крепостной стены у Отей и Пуан де Жур. Орудия крупного калибра с одной лишь высоты Монтрету за 24 часа выпустили 2 800 снарядов. Ворота Отей и Сен Клу были разрушены. Орудия коммунаров на этом участке смолкли. В крепостной стене образовалось несколько брешей. Части версальцев к 21 часу подкопались к воротам Сен Клу на расстояние 15 м. Коммунары, оставшиеся здесь без офицеров, среди которых, как потом было установлено, оказались и предатели, начали укрываться от огня в ближайших к стене строениях, но долго они здесь не могли оставаться.

К этому времени Тьером был уже окончательно уточнен план штурма предместий Отей и Пуан де Жур и развития операций внутри Парижа. Идея этого плана заключалась в том, чтобы отбросить коммунаров на высоты Бельвиля и Менильмонтана, здесь их окружить и принудить сложить оружие. Каждый шаг своих действий против Парижа Тьер согласовывал с прусским командованием. Настоящий план был согласован со штабом 3-й германской армии в местечке Суази (возле Сен-Дени) 11 мая. Тогда же Мак-Магон получил разрешение провести в день штурма часть версальских войск в составе 10 000—20 000 человек через немецкие линии в районе Сен-Дени, Обервилье. 18 мая вновь состоялось совещание начальников штабов 3-й германской армии и Версальской армии по вопросу совместных действий против коммунаров. В соответствии с принятыми на этом совещании решениями Бисмарк усилил к моменту атаки восточные форты и линию расположения прусских войск впереди фортов и между ними и отдал распоряжение о том, чтобы прусская артиллерия была готова открыть огонь, если это окажется необходимым для содействия операциям Мак-Магона.

Одновременно с подготовкой штурма Тьер продолжал использовать свои обычные и излюбленные средства для ослабления сил коммунаров: подкуп, шпионаж и диверсии. Еще 4 мая ряд лиц, подкупленных им, при содействии командира 16-го легиона Национальной гвардии подготовили открытие ворот Дофин для пропуска версальцев. Но бдительность гвардейцев предупредила осуществление этого гнусного плана. Позднее, 17 мая, агенты Тьера взорвали пороховую фабрику на улице Рапп и одновременно произвели пожар на авеню Нейи. Через четыре дня после этого им удалось при помощи предательства ввести части 4-го корпуса в предместье Пуан де Жур через ворота Сен Клу.

К вечеру 21 мая весь 4-й корпус и одна дивизия 5-го корпуса успели войти в ворота Мюйетт, через которые затем должны были войти 2-я дивизия 5-го корпуса и одна дивизия 1-го корпуса (схема 2).

Вопреки ожиданиям версальцев на главном направлении им никто

не оказал сопротивления. Лишь у ворот Отей произошла короткая схватка, в которой был контужен и временно выведен из строя Домбровский. Никаких резервов у коммунаров здесь не оказалось. Мысль о превращении Парижа в гигантскую сплошную баррикаду, несмотря на специально созданную для этого комиссию, не была осуществлена. Даже на самом ответственном участке почти никаких оборонительных сооружений построено не было. Это способствовало быстрому и беспрепятственному накоплению в этом районе версальских войск.

К 3 часам 22 мая в Париж вошло уже около 100 000 версальцев, занявших предместья Пуан де Жур, Пасси и Отей и укрепившихся на обоих берегах Сены на участке, примыкавшем к названным предместьям. Не встречая контратак, версальцы в эту ночь могли бы быстро распространиться и занять половину столицы, но этого Тьер допустить не мог. Он отлично понимал, что такое продвижение неизбежно вылилось бы в огульное наступление и могло бы привести к печальным для него результатам. Поэтому он ограничился занятием выгодного исходного положения, созданием такой группировки сил, которая позволила бы осуществить принятый план.

О вторжении версальцев Коммуна узнала только в 19 часов из дознания Домбровского, в котором последний просил подкреплений для проведения контратаки. Население Парижа узнало о совершившемся факте только на следующий день. В Коммуне не торопились с мобилизацией сил и средств для ликвидации прорыва, а главное не хотели ставить массы в известность об угрожающей опасности.

22 мая в 6 часов утра дивизии версальцев выступили по маршрутам, намеченным в плане Тьера: 2-й корпус, вошедший через Севрские ворота, следовал вдоль южной крепостной стены; армия Винуа направилась по обоим берегам Сены; левее следовали 4-й, 5-й и 1-й корпуса. 1-й корпус к исходу дня занял предместье Батиньоль. Бригада 3-й дивизии направилась от Аньера к Сен-Дени, где в ночь на 23 мая прусские гвардейские части наводили для нее мост через Сену, чтобы пропустить ее через прусскую заставу у Сен-Дени для обхода с севера Монмартрских высот. Об этой возможности в свое время предупреждал коммунаров Карл Маркс.

В этот день, когда Домбровский в здании Коммуны протестовал против беспорядков в организации обороны, а пролетариат Парижа спешил занимать свои места на баррикадах, Делеклюз (якобинец, военный делегат Коммуны вместо Росселя) издал прокламацию, окончательно дезорганизовавшую оборону Парижа.

«Довольно милитаризма! Долой главные штабы с их мундирами, расшитыми галунами и мишурой! Дорогу народу, борцам с обнаженными руками! Пробыл час революционной борьбы. Народ ничего не смыслит в ученых маневрах. Но когда у него в руках ружье и камни мостовой под ногами, он не боится стратегов монархической школы», — говорилось в этой прокламации.

Прокламация воздействовала на мелкобуржуазную психологию многих национал-гвардейцев. Они спешили разойтись по своим кварталам и там занять места на баррикадах. Все члены Коммуны, за исключением нескольких оставшихся на своих местах, для ускорения постройки баррикад и обороны своих кварталов тоже разошлись по округам. С этого момента перестала существовать как единое целое вооруженная организация Парижской коммуны. Это обстоятельство позволило версальцам, несмотря на их крайнюю осторожность, к концу дня 22 мая распространиться по столице до линии, проходившей через Аньерские ворота, вокзал Сен-Лазар, Дворец промышленности, Законодательный корпус, дом Инвалидов, вокзал Монпарнас и Ванвские ворота. Этот фронт представлял собой ломаную линию и в оперативном отношении был очень выгоден для контратак со стороны коммунаров. Но у коммунаров не

оказалось ни резервов, ни централизованного управления. 23 мая версальцы продолжали свое продвижение, но делали это попрежнему осторожно и методически. Одновременно их агентура в тылу коммунаров распространяла ложные сведения и вызывала панику. Версальцам предстояло овладеть самой грозной твердыней коммунаров — высотами Монмартра. 1-й корпус обходил высоты с севера, а 5-й корпус — с юга.

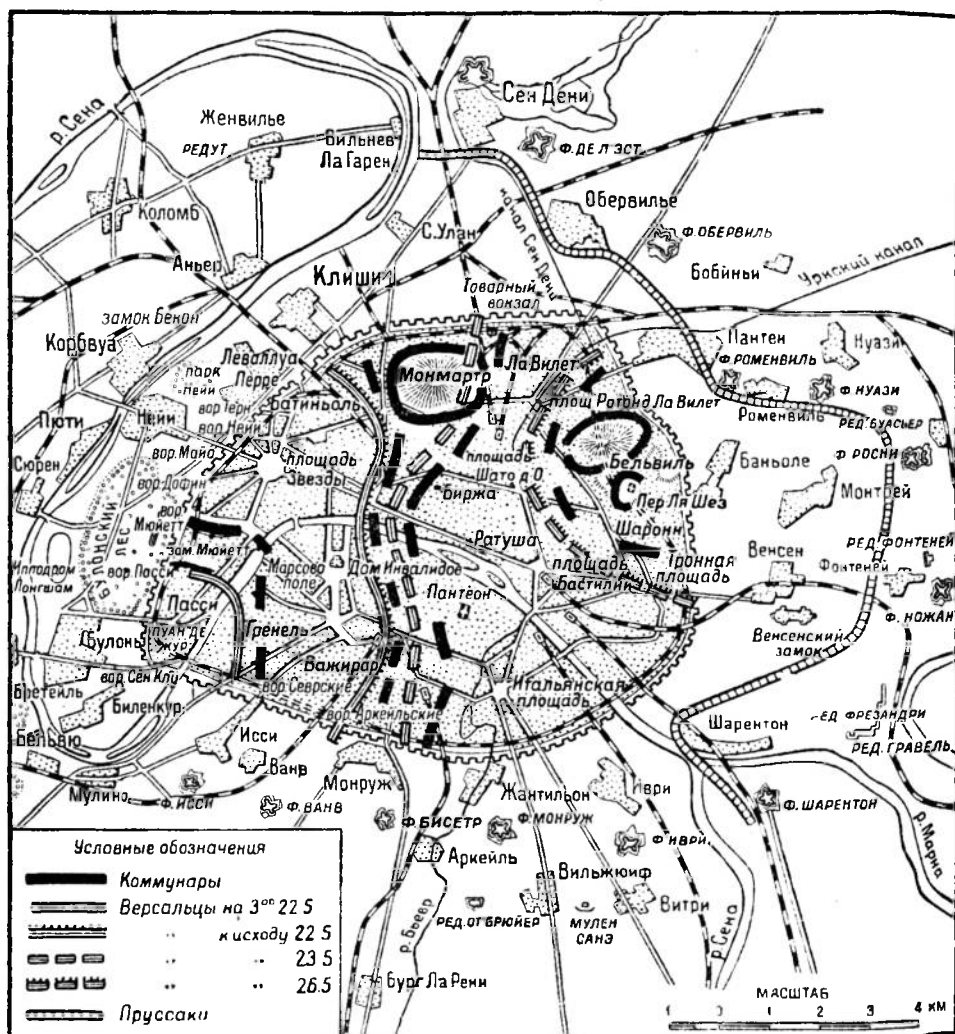

Схема 3. Баррикадные бои внутри Парижа.

Коммунары героически сражались на баррикадах. Здесь были и женщины и дети. 5-й корпус сначала на площади Бланш, а затем на площади Пигаль встретил упорное сопротивление женского батальона численностью около 120 человек под командой героини Луизы Мишель и русской революционерки Дмитриевой.

Попытки версальцев брать баррикады в лоб не имели успеха и приносили тяжелые потери. Но пассивные и необъединенные действия коммунаров на разбросанных по всему Парижу баррикадах давали версальцам возможность обходить их с тыла.

В ночь на 23 мая в командование Национальной гвардией вступил Сесилья, неудачно пытавшийся объединить оборону города и взять в свои руки управление батальонами, чтобы организовать активные дей-

ствия. Лишь Домбровский сумел собрать разрозненные на улицах и на баррикадах группы коммунаров и с ними задерживать версальцев, нанося последним большие потери. В борьбе за Монмартрские высоты он попал в окружение, из которого с остатками своих батальонов пробился к бульвару Орнано. Это произошло как раз в тот момент, когда сюда вышла бригада версальцев из дивизии Монтодона, пропущенная немцами с севера и вошедшая утром в Париж через ворота Сент-Уан. Завязалась жестокая схватка, в которой Домбровский был смертельно ранен.

К исходу дня 23 мая версальцы заняли линию, проходившую через площадь Мадлена, улица Руаяль, площадь Согласия и упиравшуюся флангами: левый — Северный товарный вокзал, правый — Аркейльские ворота. Продвижение в центре было задержано пожаром центральных зданий.

В течение 24, 25 и 26 мая версальцы упорно продолжали выполнение плана Тьера — охват коммунаров с обоих флангов и вытеснение их в район предместий Бельвиль и Менильмонтан. К вечеру 26 мая эта задача в основном была выполнена: плотная стена версальцев окружила коммунаров по линии Венсенские ворота — улица Фабург — Сен-Антония — бульвар Ришар — Лануар — канал Сен-Мартен — бассейн Ла-Вилет и ворота Уркского канала. На следующий день версальцы превосходными силами осадили коммунаров, главным образом, на высотах Пер Ла Шез и Менильмонтан. У защитников Парижа уже не было патронов. Версальцев же поддерживала сильная артиллерия. В 16 часов они штурмовали кладбище Пер Ла Шез, на котором оборонялось не более 200 коммунаров. Тем не менее они защищались до 14 часов 28 мая. Оставался еще форт Венсен, который сдался версальцам 29 мая. Начался разгул белого террора.

Пролетариат Парижа показал незабываемый пример героической борьбы, ведя в течение 72 дней вооруженную борьбу против регулярной французской армии, опиравшейся на всю силу буржуазного государства и имевшей своим союзником прусскую армию. Эта борьба дала пролетариату опыт строительства нового типа вооруженных сил и практику их боевого применения.

Парижская коммуна отказалась от старого шаблона в строительстве армии и не в пример французской буржуазной революции, допустившей «камальгаму» новой вооруженной силы со старой королевской армией, уничтожила, разбила аппарат старой армии, распустила последнюю, заменив ее «вооруженным народом». Новая армия не была учреждением, противопоставленным народу, а явилась его неотъемлемой частью. Несмотря на свое столь короткое существование, Коммуна наметила некоторые черты вооруженной организации будущего пролетарского государства, в которой уже выявились ее типичные особенности: неразрывная связь с трудящимися массами, пролетариат как основное ядро, а главное — армия парижских коммунаров становилась вооруженной опорой диктатуры пролетариата.

Коммуна ошущью искала пути и формы организации армии нового типа. Отсюда неизбежны были ошибки. Обстановка ожесточенной гражданской войны требовала немедленного разрешения важнейших и решающих военных проблем: установление в армии воинской дисциплины, разрешение вопросов строго централизованного военного управления, боевой подготовки не обученных военному делу национальных гвардейцев, создание своих офицерских кадров и др. Но ни одну из этих проблем Коммуна разрешить не успела.

Вместе с тем коммунары допустили ряд серьезнейших ошибок, которые повлекли за собой поражение: отказ от инициативы, отказ от активных действий, в частности, от наступления на Версаль; веде-

ние пассивной обороны; отсутствие непримиримости к своим врагам и должной бдительности. Коммуна не сумела сохранить в руках командования достаточного войскового резерва для решительной схватки, и в момент вторжения версальцев в Париж, через ворота Сен Клу, сил для контрудара под руками ни у командующего Домбровского, ни у военного делегата Делеклюза не оказалось. Методы действий Национальной гвардии определялись оперативно-тактическими идеями и планами ее командования, которые не выходили за пределы пассивной обороны.

В оборонительном бою на внешних укреплениях и на баррикадах внутри Парижа гвардейцы отличались удивительным умением удерживать за собой местные предметы и своей героической стойкостью ошеломляли врагов. Они проявили широкую инициативу в приспособлении к обороне местных предметов. В частности, использование пожаров в центре города явилось одним из целесообразных средств для задержания наступательных действий версальцев. Но пассивная оборона, предоставление противнику возможности собрать и организовать свои силы, полный отказ руководящих органов Коммуны от наступательных действий, их нерешительность не могли не привести к поражению в борьбе с превосходящими по силам и вооружению войсками версальцев.

Военные ошибки Коммуны явились производными от тех основных причин политического и экономического порядка, которые обрекли на поражение первую пролетарскую республику. Эти причины сводились к следующим основным положениям: отсутствие в стране высокоразвитых производительных сил и подготовленного пролетариата; отсутствие единой революционной пролетарской партии и организационная слабость рабочего класса; господство мелкобуржуазных теорий среди французского пролетариата: крестьянство в массе своей оказалось на стороне буржуазии, чему способствовала и оторванность Парижа от остальных районов страны; недостаток времени у коммунаров для того, чтобы осознать создавшуюся обстановку, разработать четкую программу действий и по-настоящему взяться за ее осуществление; непонимание руководителями восставшего пролетариата такой простой для революционеров истины, что «оборона есть смерть вооруженного восстания»¹⁰.

Парижская коммуна была новым типом государства. Это была диктатура пролетариата, но, по определению товарища Сталина, — «представляла диктатуру не полную и не прочную»¹¹.

Французскому рабочему классу небывало дорогою ценою пришлось заплатить за первый опыт построения нового общества, где власть принадлежала бы трудящимся. Этот опыт «есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века». И «как ни велики жертвы Коммуны, — писал Ленин, — они искупаются значением ее для общепролетарской борьбы...»¹².

¹⁰ Ленин. Соч., т. XXI, стр. 320.

¹¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 123.

¹² Ленин. Соч., т. XII, стр. 163.

Старший батальонный комиссар Б. ТЕЛЬПУХОВСКИЙ

СРАЖЕНИЕ У МЫСА ГАНГУТ

(1714 г.).

Гангутское сражение — первая победа молодого русского флота над сильнейшим в то время шведским флотом, который до Гангута не знал поражений. Эта победа являлась следствием длительной и упорной работы Петра I и его сподвижников над созданием русского флота, без которого невозможно было решить задачи обороны страны, возвратить исконные русские земли, добиться выхода к берегам Балтики, войти в семью западноевропейских государств и занять видное место в международных отношениях Европы.

Разгромом шведской армии под Полтавой закончился первый период Северной войны, в ходе которой была разбита считавшаяся до тех пор непобедимой первоклассная европейская армия Карла XII. После Полтавской битвы Петр I был непрочь заключить мир со Швецией при условии возвращения ему исконных русских территорий, причем он настаивал на присоединении к России Эстляндии и Лифляндии. Но Карл XII об этом не хотел и слышать. Для продолжения войны он располагал еще достаточными силами. Его могучий флот господствовал в Балтийском море, а экономическая сила страны еще не была подорвана, так как военные действия до сих пор происходили не на территории Швеции. Кроме того, эти воинственные настроения Карла XII подогревались французской и английской дипломатией, которая добивалась внешнеполитической изоляции России и содействовала Швеции.

Для того чтобы заставить шведов уважать неприкосновенность границ русского государства, Петр I решил снова перенести театр войны на Балтийское море и на его побережье — территорию Финляндии.

Для обеспечения безопасности Невы и Петербурга русское командование ставило своей ближайшей оперативной задачей отбросить шведов с Карельского перешейка и занять по меньшей мере оборонительную линию Выборг — Вуокса — Кексгольм; выбить шведов из Балтийского побережья от Нарвы до Риги.

Этот замысел Петра являлся частью его общего плана борьбы за выход в Европу и полностью отвечал интересам развивающегося русского государства. Обладание рядом прибалтийских городов и Финским заливом еще не решало вопроса свободного выхода в Балтийское море. Шведы, владея Карельским перешейком и рядом островов в заливе, в любое время могли закрыть путь русскому флоту. Кроме того, они держали под угрозой Петербург. Все это заставляло Петра I продолжать войну со Швецией.

С этой целью 21 февраля 1710 г. Петр I отдал указ графу Ф. М. Апраксину, «чтобы он собрался, шел на Выборг». Сосредоточив войска, 12 марта Апраксин «с корпусом пехоты и кавалерии через лед, морем с Котлина острова марш свой воспринял... мимо Березовых островов» для осады г. Выборга. Это был бесподобный в военной истории героический ледовый поход, совершенный молодой петровской регулярной армией. Датский посланник Юст-Юль в своих записках отметил, что войска выступили «...в самый ужасный мороз, какой только бывает

в России, перешли они прямо через лед с орудиями и со всем обозом. Всякая другая европейская армия, наверное, погибла бы при подобном переходе». Но русские войска, успешно совершив этот переход, обложили Выборг и приступили к осаде.

23 марта Апраксин доложил Петру, что «за Выборг с финского берега, 21 числа в седьмом часу пополудни, с кавалериею и пехотными полками пришел благополучно и посад при Выборге... овладели и пост заняли». Шведы, «не вытерпя от наших солдат жестокого наступления, вынуждены были бежать от Выборга на север», — сообщал Апраксин¹.

Но в Выборге остался сильный гарнизон, который продолжал обороняться. Осада приняла затяжной характер. У осаждающих иссякли боеприпасы и продовольствие. С наступлением весны и открытием навигации осажденный гарнизон ожидал своего флота, который должен был подойти и помочь осажденным. Вот здесь-то решающую роль и сыграл русский Балтийский флот.

30 апреля под командованием Петра и Боциса от Кроншлота к Выборгу на помощь осаждающему корпусу отошла флотилия в составе до 270 больших и малых судов с дополнительным подкреплением, боеприпасами и продовольствием. Этот морской переход был исключительно труден. Приходилось пробиваться среди льдов, которые грозили потопить суда. От Котлина до Выборга шли с 30 апреля по 5 мая. Поход в этих условиях для многих иностранцев казался невозможным. Однако он увенчался блестящим успехом. Датский посланник Юст-Юль, участник похода, вынужден был признать, что последний закончился «счастливым как для флота, так и для армии»².

Во время похода русские применили военную хитрость с целью захода в гавань: на ластовых судах подняли флаги и вымпелы, «подобные шведским флагам, а на людей обретающих на судах, надели мундир, подобный шведскому». При проходе мимо русских батарей у Транзунда открыли стрельбу, якобы по неприятелю. Комендант, который наблюдал за всем этим, «отворя ворота, вышел навстречу». Суда, пройдя опасное место, повернули к русскому лагерю. Лодки открыли огонь, но было уже поздно. Между тем под командованием адмирала Ватранга 16 мая у Выборгского залива появилась шведская эскадра из 18 линейных кораблей. Ватранг подошел к Транзунду. Но здесь он увидел батареи русских и вынужден был ограничиться наблюдением за русским флотом у Кроншлота. Ватранг не решился оказать помощь осажденному Выборгу. Любекер, возглавлявший сухопутную армию в Финляндии, держался пассивно на позиции у р. Кюмени.

Русские, получив подкрепление и боеприпасы, с усиленной энергией возобновили осаду. Выборгский комендант, не дожидаясь штурма, решил 13 июня «на акорд сдаться». На второй день после взятия Выборга Петр I писал Екатерине: «...Объявляю Вам, что вчерашнего дня город Выборг сдался и сею доброю ведомостью (что уже крепкая подушка Санкт-Петербургу устроена...) Вас поздравляю». Падение Выборга значительно укрепило позиции русских, и Петербург получил «конечное безопасение»³.

Вслед за Выборгом пали Вильманstrand (Ланненрат) и Кексгольм (бывшая новгородская крепость Карела). Датский посланник Юст-Юль, оценивая военные успехи русских, отметил в своих записках, что «...кампания нынешнего лета закончилась так счастливо, что о большем успехе нельзя было мечтать. В самом деле, в одно лето царь взял восемь сильнейших крепостей, а именно Эльбинг, Ригу, Динамунде, Пернов, Аренсбург, Ревель, Выборг и Кексгольм, и благодаря этому стал господином

¹ Сборник военно-исторических материалов, т. V, стр. 79.

² Русский архив, 1892, № 8. Москва, 1899 г.

³ Голицын, ч. XII, № 1163.

всей Лифляндии, Эстляндии и Кексгольмского округа. Ему больше ничего не осталось завоевывать. Успех был тем беспримернее, что при взятии названных крепостей было меньше расстреляно порохов чем в ознаменование радости по случаю всех этих побед и при чаших в их честь»⁴.

Взятие Выборга и обладание побережьем от Нарвы до Риги имели огромное стратегическое и политическое значение. Русский флот уже мог свободно курсировать по Финскому заливу, а при удобных обстоятельствах выйти в Балтийское море и Ботнический залив. Теперь можно было поставить вопрос об окончательном овладении Финляндией и создании угрозы для самой Швеции. За решение этой задачи и взялся Петр I. Первым шагом в этом направлении явилась кампания 1712 г.

Технические средства борьбы того времени позволяли двояким путем овладеть Финляндией: либо создать речной флот и через систему рек, озер вторгнуться внутрь страны и оттуда идти к прибрежным пунктам Ботнического залива, либо наступать от Выборга вдоль побережья, комбинируя боевые действия пехоты, сухопутных войск с операциями шхерной флотилии. После всестороннего обсуждения русским командованием был принят второй способ, так как он облегчал устройство тыла, снабжение и довольствие войск и т. д. Применение же первого способа затруднялось особенностями театра военных действий, было «зело тесно и каменисто, гористо, лесно и зело много вод, и телегам ехать с великим трудом и зело безкормно». Поэтому Петр I указал «чинить всякое приготовление к походу морем»⁵.

План кампании 1712 г. был разработан вместе с союзниками (король датский, курфюрст Саксонский и отчасти король прусский). По этому плану главный удар по Швеции должны были нанести союзники посредством высадки десанта, прикрываемого датским флотом. Русские войска должны были произвести диверсию в Финляндию, чтобы оттянуть значительную часть шведской армии на себя и этим обеспечить нанесение удара в главном направлении.

С исключительной энергией началась подготовка к походу. Голландский резидент в Петербурге Де-Би 26 апреля 1712 г. сообщал своему правительству, что «все здесь пришло в движение, корабли выведены из гавани, на них грузят провизию и военные снаряды; несколько полков, расположенных на острове Рычарт (Котлине) и в окрестностях, готовы отправиться на этих судах... к Выборгу, а оттуда далее... держась ближе к берегу, куда большие суда (неприятельские.— Б. Т.) идти не могут»⁶.

Характерная особенность финляндских операций — комбинированные совместные действия армии и флота и решительное наступление на противника. Политические цели — создать плацдарм для вторжения в Швецию, разгромить ее и заставить заключить мирный договор, по которому Швеция должна признать возвращенные «потом и кровью» территории «отчич и дедич».

Во главе вооруженных русских сил в Финляндии попрежнему стоял неслыханный в своих действиях адмирал Апраксин; ближайшим помощником у него был М. Голицын, обладавший большой решительностью и храбростью.

Кампания 1712 г. протекала очень вяло; дело ограничивалось главным образом стратегической разведкой. Наиболее успешно проходили боевые действия русского корпуса, выступившего вместе с «союзниками», под командованием Меншикова, в Северной Германии. Там же находился и Петр I, пытавшийся вместе с «союзниками» организовать войной удар по Швеции: первый — со стороны шведских владений

⁴ Русский архив, 1892, № 9.

⁵ Журнал Петра Великого, стр. 357.

⁶ Материалы для истории флота № 424.

в Северной Германии, путем переброски десанта на шведский берег в Сконию; второй — со стороны Финляндии, путем комбинированных действий сухопутной армии и Балтийского флота для овладения всей Финляндией, а затем перенесения боевых действий на шведские берега вплоть до Стокгольма.

Вследствие разногласий между «союзниками» этот план осуществить не удалось, и через некоторое время войска возвратились из Северной Германии. Пришлось главное внимание сосредоточить на подготовке удара по Швеции со стороны Финляндии своими силами посредством комбинированных действий армии и флота.

Петр I придавал большое политическое и стратегическое значение овладению Финляндией, что видно из его письма к Апраксину в октябре 1712 г.: «сие главное дело, чтобы, конечно, в будущую кампанию, как возможно сильные действия с помощью божиею показать и идти не для разорения, но чтоб овладеть, хотя она (Финляндия) нам не нужна вовсе — удерживать, но двух ради причин главнейших: первое, было бы что при мире уступить... другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь: не только мяса и прочее, но и дрова оттоль, и ежели бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет»¹.

Кампания 1713 г. проходила более успешно. Ею руководил Петр I. Она подготовила изгнание шведов из Финляндии. Летом был взят Гельсингфорс, 28 августа — Або, через месяц Апраксин занял Тавастгус. 6 октября у деревни Пелкиной произошло сражение, в котором русские разгромили превосходящий по своим силам шведский отряд Армфельда. Голицын со своим отрядом совершил легендарный переход на плотах по озеру и ударил по флангу противника. Шведы, потеряв много убитыми и ранеными, вынуждены были отступить. 19 февраля 1714 г. Голицын нанес второе крупное поражение отряду Армфельда у деревни Лаппола и отбросил остатки разбитых войск шведов на север Финляндии. Шведы в этом бою, по подсчетам Голицына, потеряли убитыми 5133 человека, много ранеными и 535 пленными. Голицын потерял убитыми 421 человек и ранеными 1047 человек. Шведские войска в Финляндии были окончательно деморализованы и больше не проявляли активности. Так подготовлялось окончательное изгнание шведов из Финляндии, которое завершилось знаменательной победой Балтийского флота при Гангуте.

На протяжении всей зимы 1713/14 г. велась тщательная подготовка к морскому походу: быстро строились суда и галеры, ремонтировались старые, в спешном порядке приводился в боевую готовность весь флот. Особенное внимание было обращено на личный состав галерного и корабельного флота и десантных войск. Руководство по подготовке корабельного флота было поручено начальнику Котлинского гарнизона флагману Шельтингу. Но общее руководство над корабельным флотом взял на себя Петр I — контр-адмирал флота, так как в русском «флоте нет хорошего адмирала и потому нельзя выйти в море или предпринять какую-нибудь необходимую экспедицию без командования царственного адмирала», — писал голландский резидент Де-Би.

Во главе галерного флота стоял генерал-адмирал Апраксин, один из ближайших сподвижников Петра I по строительству флота, успевший в короткий срок почти в совершенстве овладеть искусством морского дела. О нем в английской рукописи сказано: «Несмотря на невыгоды, происходящие от незнакомства его с чужими странами и незнания заграничной жизни и языков и несмотря на то, что ему уже в относительно преклонных летах пришлось знакомиться с основами морской службы и бывать в море, тем не менее, благодаря удивительным при-

¹ Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, стр. 311.

родным способностям и огромной памяти, он достиг достаточного искусства в морском деле и поразительно поддерживает авторитет свой, как адмирал»⁸. Ближайшим помощником по галерному флоту Апраксина был Змаевич.

Морские силы русских на Балтийском море состояли из галерного и корабельного флотов. Корабли могли идти только под парусами при наличии ветра. Галеры — небольшие суда, с мелкой осадкой, до 4 футов, способные ходить при помощи парусов, но основным двигателем у них были весла. Галеры были двух типов: большие и скампавей (полугалеры). Галеры имели по 52 весла и вмещали в себя до 300 человек каждая; на скампавее было 36 весел, осадка в воде менее 3 футов, вмещалось до 150 человек. Каждая галера была вооружена 24-фунтовой пушкой на носу и несколькими мелкими пушками по бортам. Дистанция стрельбы — 300—500 м. Тактическая форма боя — абсордаж. Апраксин учил моряков «пороху напрасно не тратить, а сойдясь борт о борт, дать залп всем лагом, закрыть нижние борты и свалиться без церемонии на абсордаж».

Петр I, учитывая особенность шхерного театра боевых действий, усиленное внимание обращал на строительство галерного флота, который был хорошим маневренным средством нападения и транспортирования войск для десантных действий в шхерах, затруднявших действия корабельного флота. Между тем шведы, располагая большим корабельным флотом, недооценивали значения галерного флота и за это жестоко поплатились.

Галерный флот сосредотачивался в Кронштадте. К походу было приготовлено 99 судов. На галеры посажено до 15 000, на транспортные суда — до 9 000 человек. Подготовка корабельного флота велась в Кронштадте, Ревеле и Архангельске. Кроме того, производились закупки судов в Англии и Голландии. Корабли, купленные за границей и построенные в Архангельске, несмотря на строгий контроль шведов, удалось привести в Финский залив. Иван Сенявин, обманув бдительность шведских крейсеров, привел из Англии два замечательных корабля, вполне снаряженных к бою. За время пути ему удалось завоевать огромную симпатию со стороны английского экипажа своих судов. Когда у Рогервика создалась опасность нападения шведов, английские матросы подняли русские флаги на судах и заявили Сенявину, что под его командой они готовы сражаться со шведами вместе с русскими.

Местом сосредоточения всего корабельного флота был назначен Ревель, куда должна была притти и Котлинская эскадра. Последняя состояла из 18 кораблей, фрегатов и шняв⁹, 9 скампавей и 9 бригантин для службы охранения и разведки. К весне все было готово. В одной английской рукописи говорится по этому поводу: «чувствовалось какое-то всеобщее напряжение, выжидание чего-то необычайного на текущее лето».

Разработанный оперативный план предусматривал комбинирование действий флота с сухопутными войсками. Главным операционным направлением намечались Аландские острова: туда должен был двигаться Апраксин с галерным флотом, с тем что если у Аланда будет обнаружено превосходство неприятельских сил, то он оставит там часть судов, а с остальными направится к Вазе. Корабельный флот у Ревеля обеспечивал левый фланг и упреждал возможность прорыва шведского флота в Финский залив. Справа сухопутный отряд Брюса прикрывал промежуточную базу Або; со своей стороны отряды пехоты и конницы

⁸ История русского флота. Английская рукопись, перевод графа Е. Путята. СПб, 1897, стр. 67.

⁹ Шнява — небольшое двухмачтовое судно, вооруженное 6—20 пушками.

у Тавастгуса, Гельсингфорса, Нейшлота и Выборга прикрывали коммуникации от возможного прорыва шведских войск с севера.

Открытие навигации в 1714 г. для русских произошло с опозданием. В то время как на Аландских островах уже таял снег, в Петербурге до начала апреля стояла суровая зима; Нева вскрылась только 21 апреля. Поэтому русский флот мог выступить из Петербурга только 9 мая.

Шведский флот выступил в море значительно раньше, и уже 4 мая он показался у Або, а 9 мая против залива Кирки-Поэ стояло уже 6 кораблей противника. Другие отряды курсировали против Ревеля, Наргена и у Рогервика, доходя до Котлина. Таким образом, русскому галерному флоту у мыса Гангута был прегражден путь в Або для оказания помощи сухопутной армии, снабжения ее боеприпасами и продовольствием.

При движении по Финскому заливу в операционном направлении русский корабельный и галерный флот на каждом шагу мог встретиться с неприятелем. Для того чтобы предотвратить такую внезапную встречу и выяснить группировку сил противника, были приняты строгие меры предосторожности, проведена тщательная разведка. По берегу залива от Кашпервика до Рогервика были расставлены конные часовые, которые условными сигналами посредством костров должны были сообщать о появлении противника. Впереди главных сил шли четыре крейсера (шнява, два фрегата и корабль), которые держались один за другим в пределах видимости. При появлении неприятеля сторожевые крейсера должны были условными знаками сообщать о группировке шведского флота, о количестве судов. В походе соблюдалась самая строжайшая дисциплина. Когда Петр I заметил, что командиры на ходу плохо соблюдают необходимую дистанцию между кораблями, он приказал за подобное упущение вычитать с виновных месячный оклад жалования. Каждая свободная минута при движении и вынужденных остановках использовалась для обучения галерного флота и десантных войск.

После остановки у Березовых островов 31 мая галерный флот пошел в шхеры и только 11 июня смог достигнуть Гельсингфорса — так как сильные ветры мешали движению флота. За галерами следовали провиантские суда. Корабельный флот под командованием Петра от Березовых островов отправился к Ревелю, куда и прибыл 11 июня. Здесь сосредоточился теперь весь корабельный флот, который представлял довольно внушительную силу: 16 кораблей (с 844 орудиями и 5 600 человеками), 8 фрегатов и шняв; при корабельном флоте находился галерный отряд из 9 скамповей и 10 бригантин. Общая сила флота составляла 1 016 орудий и 8 000 человек судовых команд¹⁹. «Теперь, — писал Петр I Меншикову, — дай боже милость свою. Пытаться можно».

На ревельском рейде велась работа по вооружению, снаряжению и сколачиванию собранного здесь корабельного флота для боевых операций. К сожалению, эта работа замедлялась из-за внезапно появившейся эпидемии, вследствие плохого питания матросов и грязного состояния судов. Пришлось значительную часть команд с кораблей переводить на берег.

Между тем 15 июня на виду у гавани показался вице-адмирал Лиллье с шестью кораблями. Надо было немедленно перевозить команды на суда. На море стоял штиль, скамповеями пришлось буксировать парусные суда. Пока шло приготовление к бою, наступила темнота, и вражеские суда скрылись. На другой день те же шесть неприятельских кораблей снова подошли к рейду. Петр приказал всему флоту немедленно сняться с якоря и выйти в море. Выполнение приказа задержалось

¹⁹ Сборник военно-исторических материалов, т. V, прилож. № 62 и 67; Материалы для истории флота, т. I, № 808, 813, 839 и 841.

из-за медленной перевозки людей с берега. Неприятель, видя количественное превосходство у русских, уклонился от боя и ушел в море. Русские пытались было организовать преследование, но, опасаясь за свой тыл и видя большую маневренность шведских кораблей, решили отойти в гавань. Оценивая этот эпизод, Де-Би доносил своему правительству, что со стороны русских было сделано все возможное, чтобы настичь неприятеля, и что царь был весьма опечален неудачей¹¹.

«Журнал военных действий» 1714 г. считает официальной причиной неудачи отсутствие части команд, оставшейся на берегу, и выгодное положение Лиллье, который имел «добрый авантаж для узкости места и добрых лоцманов». Фактически главной причиной неудачи надо считать слабую тактическую подготовку русского корабельного флота, меньшую быстроходность русских судов по сравнению со шведскими и слабое еще искусство вождения судов. Поэтому не случайно, что корабль «Арондель» наткнулся на мель и простоял на ней часа два; «другие корабли, при тихом северо-восточном ветре, гнались семь часов за шведами и, к большому огорчению царя, должны были возвратиться без успеха»¹².

Петр, извлекая уроки из этой неудачи, пришел к выводу, что в морских операциях со шведами решающую роль должен сыграть галерный флот, которым шведы пренебрегали. Корабельный флот, по мнению Петра, учитывая особенность шхерного театра войны, должен играть вспомогательную роль.

У Гельсингфорса галерный флот простоял до 19 июня. Здесь была произведена выгрузка на берег провианта для действующей в Финляндии сухопутной армии под командованием Голицына. Последний сам прибыл к этому времени сюда к Апраксину для согласования боевых действий сухопутных войск с флотом. 24 июня галерный флот пришел к Кирки-Поз. Здесь была выгружена часть провианта и оставлены суда и скампавеи для полков Голицына, которые направлялись сюда из Або. Весь остальной флот Апраксин передвинул 29 июня к деревне Твермине, расположенной у перешейка полуострова Гангут, где в 1713 г. стоял шведский флот. Полуостров Гангут расположен в юго-западной части Финляндии. Для стоянки флота он представлял очень удобное место, позволяющее запереть выход или вход в Финский залив.

Разведкой было установлено, что шведский флот состоит из 16 линейных кораблей, 5 фрегатов и 7 мелких судов при 832 орудиях, под командованием адмирала Ватранга, который занял удобные позиции у мыса Гангут и преградил путь русскому галерному флоту к Або. Прибывшие дезертиры также подтвердили, что «вне островов близ Гангута по остную сторону в дистанции пушечной» стоит шведский флот. Получив сведения о противнике, Апраксин наметил предварительный план боевых действий: немедленно занять Гангутский мыс, возвести на нем укрепления и вести пристальное наблюдение и разведку за противником, изучив окрестности Гангута.

После тщательной рекогносцировки Апраксин представил Петру 1 четыре возможных варианта боевых действий: 1) как наиболее современный — «призвать датчан, хотя бы не за малые деньги» на помощь; 2) менее совершенный способ — диверсия корабельного флота из Ревеля, дабы отвлечь шведов от галерного фарватера, «без того, бог весть, сможем ли пройти к Абову, понеже неприятель стоит на голом море, где нам миновать нельзя»; 3) обойти противника морем при палачин штиля (весьма рискованный способ, по мнению Апраксина); 4) «кампанию прекратить, скампавеям близ Гангута зимовать, магазины и крепость готовить, гавань управить»¹³. Наибольшее предпочтение Апраксин отда-

¹¹ Материалы для истории флота, т. I, № 856.

¹² Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории, ч. I, стр. 257. СПб. 1875.

¹³ ГАФКЭ. Кабинет Петра I. 1714 г., д. 20, л. 27.

вал последнему варианту и донесение заканчивал словами: «Мы сердечно желаем и просим ваше величество, чтоб изволили милостиво нас присетить и неприятельский флот осмотреть и, по усмотрению оного состояния, резолюцию учинить, не пропуская удобного времени. А ежели быть в. в. к нам не изволите, то рабски просим сие наше дерзновение изволь милостиво оставить, а что чинить, повели прислать милостивый указ без умедления»¹⁴.

В ожидании указа Петра I Апраксин вместе с Голицыным производили тщательную рекогносцировку; решили укрепить мыс Гангут, чтобы не допустить высадки шведов на полуостров. Тем временем из Або пришла пехота в Кирки-Поэ, здесь она была посажена на скампавей, и 10 июля отряд Голицына присоединился к силам галерного флота. Всего в галерном флоте было 33 батальона (до 13 500 человек).

Получив донесение о создавшейся обстановке, Петр отправился к галерному флоту и 20 июля прибыл уже на полуостров Гангут. 21—22 июля он лично произвел рекогносцировку окрестностей и усилил наблюдение за шведским флотом. За ближайший к мысу остров было послано 15 скампавей, которые строжайшим образом должны были наблюдать за противником. Работы по возведению укреплений у мыса Гангут Петр прекратил. При рекогносцировке полуострова командиром Змаевичем было найдено удобное место (севернее Тверминне — у мызы Лапвик) для переброски легких галер сухим путем. Здесь расстояние между обоими берегами составляло 1 170 сажений. 23 июля близ погоста Эквиес было приступлено к возведению моста, по которому предполагалось передвинуть галеры. По поводу этой оригинальной мысли — обойти противника «переволокой» — автор английской рукописи «История русского флота при Петре Великом» пишет, что со стороны русских это был только маневр, они, «Россияне сделали вид, что намереваются перетащить галеры свои через северную оконечность берега; этот маневр им так хорошо удался, что контр-адмирал Эреншельд получил приказание выдвинуться с 6-ю галерами, двумя десантными лодками и паромом, снабженным 14-ю пушками, стать так, чтобы помешать Россиянам спустить на воду свои галеры на другой стороне перешейка»¹⁵.

Как бы то ни было, но это замечательное предприятие создало новую обстановку для русского командования и породило новый план разгрома шведского флота, увенчавшийся блестящим успехом. Адмирал Ватранг, узнавши от шпионов о принимаемых русскими мерах, дал новую диспозицию своему флоту. Объектами нападения он избрал фланги «переволоки», чтобы на них разгромить русский флот. Для этой цели часть корабельной эскадры под командованием адмирала Лиллье он решил отправить на юго-восток в обход расположения у Тверминне русского галерного флота. Остальные галерные суда с одним фрегатом под командованием Эреншельда шведы отправили «разыскивать проход между шхерами и островами с противоположной стороны российских галер с тем, чтобы, заключив их таким образом между двумя эскадрами, при возможности приступить к их уничтожению». Оставшаяся часть флота под командованием адмирала Ватранга продолжала стоять на прежнем месте. Таким образом, Ватранг раздробил свои силы; этой оплошностью не замедлил воспользоваться Петр I.

25 июля, в полдень, в Тверминне услышали в море пушечные выстрелы. В русском стане сначала думали, что стрельба шведами производится по поводу каких-либо торжеств. Но осторожный флотоводец Петр I не удовлетворился этими догадками. Он попросил разрешения адмирала самому отправиться на один из ближайших островов к шведам, чтобы разведать, что делается в шведском флоте. Получив разре-

¹⁴ ГАФКЭ. Кабинет Петра I, 1714 г., д. 20, л. 27 об.

¹⁵ История русского флота. Английская рукопись, перевод графа Е. Путята, СПб., 1897.

шение, Петр выдвинулся вперед с 35 скампавеями на линию сторожевых судов. Приближаясь к противнику, Петр заметил, что вице-адмирал Лиллье с 12 судами направился в море к юго-востоку, на якорю остался Ватранг с 6 линейными кораблями и 3 фрегатами. Петру казалось, что Лиллье отправился к Ревелю. Но с наступлением утра 26 июля удалось установить, что Лиллье уже вышел из шхер и повернул к востоку, в обход к Тверминне, и там намеревался запретить выход флота в море.

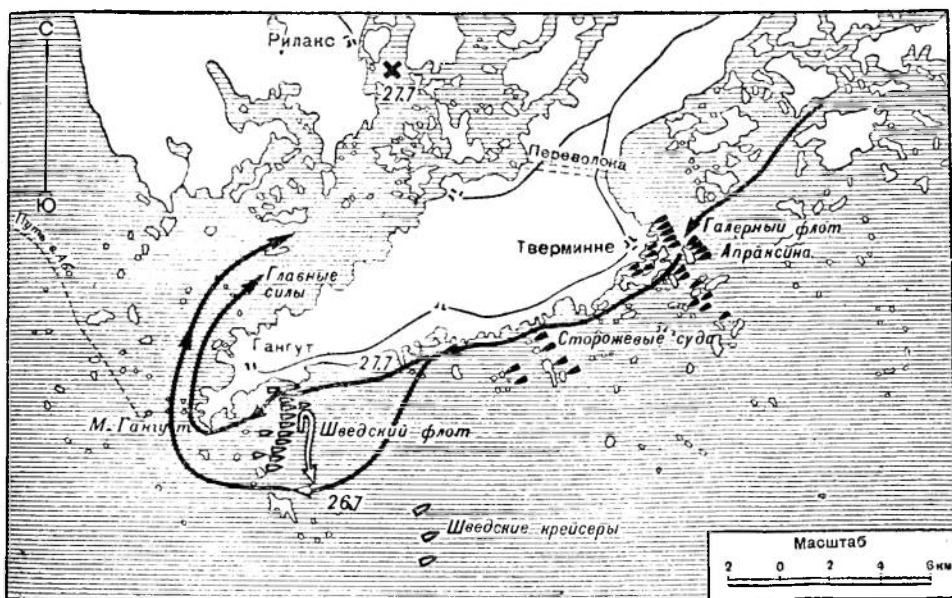

Схема 1. Прорыв русского флота у мыса Гангут в июле 1714 г.

Надо было принимать срочные меры для спасения галерного флота, стоявшего у Тверминне. Было послано приказание немедленно приготовиться к выходу из бухты.

Насулил штиль. Положение Ватранга стало исключительно тяжелым, он лишен был теперь возможности при необходимости присоединить к себе эскадру Лиллье и отряд Эреншельда. Пользуясь наступившим штилем, «по многих воинских советах», русские решили обойти Ватранга, стоявшего на якорю мористее (дальше от берега). В 9 часов 26 июля 20 скампавей под командой капитан-командира Змаевича, бригадира Волкова и капитана Бределя направились к шведским кораблям, готовые к отражению атаки. Русские галеры, не дойдя на расстояние пушечного выстрела, повернули мористее в обход. Шведы, заметив такое движение русских, тотчас же снялись с якоря и начали шлюпками буксировать суда к проходящим галерам. Они открыли с кораблей сильный огонь, который, однако, не достигал русских галер. Апраксин, видя, что обход совершается удачно, послал по тому же пути еще 15 галер под командой бригадира Лефортова и галерных капитанов Дежемина и Гриса. Эти галеры также прошли успешно.

Во время обхода Ватранга было получено известие, что на западной стороне, против места, где кончался помост для «переволоки», появился неприятельский фрегат в 6 галер и 3 шхербота¹⁰, очевидно, с целью помешать предполагаемой операции. Шведский отряд не мог знать об удачно совершенном маневре Змаевича и Лефортова и о том, что ему теперь грозит поражение. Змаевичу было приказано немедленно атаковать неприятельские суда, но наступившая ночь помешала ему выполнить за-

¹⁰ Шхербот — небольшое одномачтовое судно; оно могло ходить и под веслами.

дачу. Но он запер Эреншельда в районе Рилакс-фиорда. Всю ночь обе стороны тщательно готовились к решительному сражению. Ватранг решил во что бы то ни стало исправить допущенную им ошибку — рассредоточение сил. Он приказал Лиллье возвратиться обратно к Гангуту, а сам, руководствуясь тем, что русские галеры обошли его с моря, решил отойти в сторону от своего правого фланга, несколько дальше от берега, чтобы предотвратить обход сил с моря. При таком встречном соединении обоих отрядов действительно предотвращалась возможность обхода его сил русскими галерами по прежнему пути. Но тут Ватранг допустил вторую не менее крупную ошибку: отойдя от берега, он обнажил галерный фарватер вблизи мыса Гангут.

Русские флагманы, зорко следившие за действиями неприятельского флота, на рассвете сразу же заметили эту ошибку Ватранга. Ночью главные силы галерного флота были передвинуты ближе к Гангуту и оставлены на линии сторожевых судов. На совете у Апраксина в 3 часа ночи было решено воспользоваться новой ошибкой Ватранга (тем более, что снова настал штиль) и провести главнейшие силы галерного флота в промежуток между шведским флотом и берегом, придерживаясь к последнему так близко, как это позволит глубина.

С рассветом 27 июля в строгом порядке Апраксин повел свои галеры как бы на учение. В авангарде шел Вейде, за ним следовала «кордебаталия» адмирала Апраксина, в арьергарде — эскадра Голицына. Шведы, заметив новый маневр русских, открыли ураганный огонь. Но их выстрелы не приносили вреда, так как шведский флот стоял далеко от берега, а наступивший опять штиль на море не давал возможности подтянуть корабли к берегу. Только три шведских корабля, стоявшие ближе других к месту прорыва, были прибуксированы поближе к берегу и произвели до 250 выстрелов, нанеся незначительные повреждения русскому флоту. Из всех галер только одна, севшая на мель, была взята шведами без экипажа. Все остальные прошли благополучно. Смелый маневр русских моряков блестяще удался. Морская позиция шведов, казавшаяся неприступной, была искусным образом обойдена. Ватранг не выполнил своей задачи, несмотря на превосходство сил и выгодную позицию. Допущенную им первую ошибку он еще больше усугубил второй и этим предоставил возможность Змаевичу запереть отделившийся от него отряд Эреншельда в районе Рилакс-фиорда. После прорыва к Змаевичу присоединились главные силы галерного флота во главе с Апраксиным.

Теперь предстояла задача уничтожить заблокированный отряд Эреншельда. Передовым русским галерам было приказано не выпускать отряды шведов из Рилакс-фиорда. Эреншельд, пользуясь своей выгодной позицией, расположил суда вогнутой линией на интервалах поражаемых огнем судов, фланги примкнуть к суше, тыл — к острову Storön. В центре стоял 18-пушечный фрегат «Элефант». По сторонам его стояли по три галеры, а позади — три шхербота. На всех этих судах шведы имели 116 пушек и около 1000 человек экипажа.

Как только подошли главные силы галерного флота, они тотчас же по «диспозиции» адмирала Апраксина начали выстраиваться в боевой порядок. Впереди — «авангардия» под командованием Петра; отдельными частями командовали: в середине 11 скампавеями — бригадир Лефорт и капитан Дежимон; на правом фланге 9 скампавеями — Вейде и Змаевич; на левом фланге 9 скампавеями — бригадир Волков и капитан Дамиани. Своими загнутыми флангами «авангардия» полукругом почти обхватывала все неприятельские суда. «Кордебаталия» (вторая линия) и «арьергардия» (третья линия) с таким же количеством галер и в таком же порядке были расположены за «авангардией» (первой линией). У русских было около 3250 человек, не считая офицеров. При-

нимать бой приходилось в чрезвычайно неблагоприятных условиях, так как у шведов имелось преимущество в артиллерии.

Многое уже приходилось перенести «петровской пехоте» за годы войны. Она боролась с суровой финляндской природой, не раз проходила многочисленные пазы, исполняла «работу превеликую» на камнях Выборгского и гельсингфорского рейдов, переплывая на плотах, героически сражалась у р. Пелкиной, разгромила отряд Армфельда при деревне Лаппола, строила «переволоку», исполняла обязанности гребцов

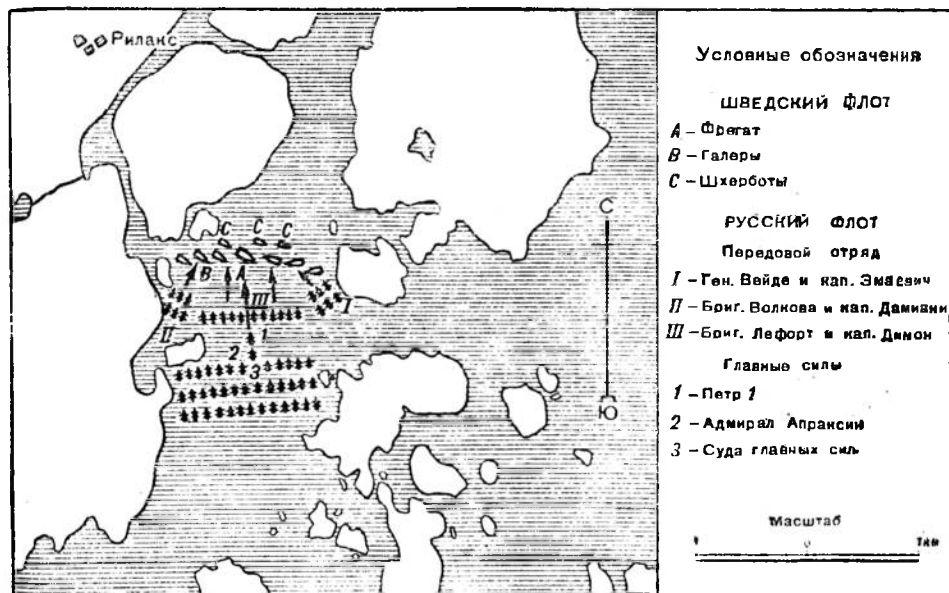

Схема 2. Сражение у мыса Гангут 27 июля 1714 г.

на галеры... Сейчас ей предстояло выполнить серьезнейшую задачу — выдержать морской бой при крайне трудных условиях. Русский флот, стесненный в узком пространстве, способен был противопоставить 80—90 шведским орудиям не более 22—24 пушек, причем приходилось абординировать фрегат и галеры с низких галер, взбираясь на высокий борт фрегата. Петр и Апраксин понимали, что бой потребует чрезвычайно большого напряжения сил и жертв с обеих сторон. К Эреншельду был послан с предложением о сдаче генерал-адъютант Ягужинский, который, не торопясь с переговорами, внимательно выматривал «диспозицию» противника к бою. Во время переговоров контр-адмирал заявил Ягужинскому: «Я всю жизнь служил неизменно верностью своему королю и отечеству и, как до сих пор жил, так и умирать собираюсь, отстаивая их интересы, царю как от меня, так и от подчиненных моих. Другого нечего ждать, кроме сильного отпора и, ежели он решился нас заполнить, мы еще с ним поспорим шаг за шагом до последнего издыхания»¹⁷.

После безуспешных переговоров в третьем часу на мачте скампавей русского адмирала взвился синий флаг и раздался пушечный выстрел. Это был сигнал «вступать в бой». Началась знаменитая «гангутская баталия», покрывшая неувыдаемой славой русских моряков. Горячий бой длился не более 3 часов. Шведы оказывали решительное сопротивление в надежде на главные силы, но из-за штиля последние ничем не могли помочь своему блокированному отряду. Шведы продолжали упорно сопротивляться, стреляя ядрами и картечью. Невзирая на сильный артил-

¹⁷ История русского флота. Английская рукопись, перевод Е. Путята, стр. 30.

лерийский огонь, русские передовые галеры два раза подходили к противнику, но были отбиты. Подпираемые другими судами с тыла, отчасти охватывая фланги противника, они, наконец, свалились на бордаж. Началась ожесточенная схватка. Штурмующей пехоте только в третий раз удалось сломить силу сопротивления шведов. Русские солдаты нападали с необычайной храбростью на самые пушки. «От неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым из пушки разорваны» были. Шведы, привыкшие пользоваться славой непобедимости, не хотели сдавать первенства русским и на море, считая их еще младенцами в морском деле. Но теперь они вынуждены были уступить героическому штурму русских солдат. Одно за другим суда начали спускать флаги, т. е. сдаваться в плен. Последним спустил свой флаг контр-адмирал Эреншельд. В суматохе боя он хотел уйти на небольшой лодке, но был замечен капитаном Ингерманландского полка Бакеевым и его гренадерами и, раненый, был взят в плен.

В результате гангутского сражения шведы потеряли 10 судов, вооруженных 116 пушками, 711 человек убитыми и ранеными, а оставшиеся были взяты в плен; русские потеряли 456 человек.

После боя русский флот, чтобы не оказаться запертым в бухте, вышел из нее и стал на шхерный фарватер, ведущий к Або. Адмирал Ватранг на другой же день оставил Гангут и ушел к Аландским островам.

30 и 31 июля состоялось торжественное празднование в русском флоте, а 9 сентября — в Петербурге. Все участники сражения были награждены медалями в честь гангутской битвы. Петр I был произведен в вице-адмиралы.

Значение гангутской битвы огромно. Петр I сравнивал ее с победой под Полтавой. И действительно, она нанесла значительный удар шведскому флоту; после Гангута могущество шведов на море начало блекнуть. Русское государство стало морской державой. «Объявляем вам, — писал Петр I к Меншикову на третий день после сражения, — коим образом всемогущий господь бог Россию прославить изволил, ибо по многодарованным победам на земле, ныне на море венчати благоволил... и тако сею, мною николи у нас бывшею викториею вас поздравляем»¹⁸.

Петр I правильно оценил шхерный театр войны и гениально использовал на нем галерный флот. Он блестяще организовал маневр прорыва, выполнение которого привело к рассредоточению сил противника и дало возможность заблокировать его и уничтожить часть шведского флота.

Шведы, наоборот, недооценили значение шхерного театра войны. Их операции на море базировались главным образом на корабельном флоте. Крупные ошибки адмирала Ватранга (расчленение флота) усугубили положение и привели к бездействию значительную часть флота. На глазах у шведов Петр I атаковал и уничтожил их сильный отряд. «Гангутская виктория» приковала внимание шведского флота к своему побережью, которое оказалось под угрозой нападения русских десантов. Она дала возможность русскому флоту широко использовать выход в Ботнический залив и Балтийское море. Эта победа завершила «отлучение» Финляндии от Швеции и открыла операционное направление к Стокгольму и другим важнейшим экономическим центрам Швеции. Она позволила перенести театр войны на территорию Швеции и предприняла успешное окончание Великой Северной войны в пользу России.

Гангутская битва показала уже достаточную зрелость, военно-морскую опытность, смелость и отвагу русских флотоводцев и солдат, бесстрашно сражавшихся за честь своей страны. Сам Петр I проявил в этом бою, как и во многих других, незаурядные способности круп-

¹⁸ Материалы для истории флота, т. I, № 886.

ного общевойскового начальника и флотоводца своей эпохи. С широким военным кругозором, полный энергии, с большим, оригинальным умом, он прекрасно изучил все отрасли военной науки и сам практически прошел их до самых мельчайших деталей. Он действительно является основателем русского военно-морского флота, основателем школы русских флотоводцев.

После «гангутской виктории» шведы продолжали вести борьбу за господство на Балтийском море на протяжении 7 лет. Это было время бурных дипломатических и военных столкновений. В 1720 г. у острова Гренгам был разбит шведский флот. Русские войска в 1719—1720 гг. угрожали столице Швеции Стокгольму. Сильно истощенная войной Швеция вынуждена была начать переговоры. 30 августа 1721 г. в городе Ништадте был заключен мир, по которому Лифляндия, Эстляндия, Ингрия и часть Финляндии (с городами Выборгом и Кексгольмом) отошли к России. Остальная часть Финляндии возвращалась шведам. Таким образом, к России была присоединена восточная оконечность Финского залива, весь южный берег Рижского залива с прилегающими к нему островами.

Северная война изменила соотношение сил в Европе; появилось новое могущественное государство — Россия, которая приобщилась к западноевропейской цивилизации и стала оказывать большое влияние на международную жизнь Европы. Могущество Швеции было сломлено. Она навсегда потеряла то значение, которое имела раньше как крупнейшее государство на северо-востоке Европы; падение Польши вследствие ряда причин было неизбежным.

К. Маркс, оценивая значение и результаты Великой Северной войны и завоевания балтийских провинций, писал: «Благодаря этому завоеванию России было обеспечено превосходство над соседними Северными государствами, благодаря ему же, она была втянута в непосредственный и постоянный контакт с любым пунктом Европы, и, наконец, благодаря ему были заложены основания для установления материальных связей с морскими державами, которые, получая из России необходимые для их кораблей материалы, оказались в зависимости от нее»¹⁹.

После Великой Северной войны решающее значение на северо-востоке Европы приобрела Россия, которая стала первоклассным европейским государством.

¹⁹ Маркс. Тайная дипломатия XVIII века

Проф. В. ФЕДОРОВ

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ РУССКОЙ 7,62-мм ВИНТОВКИ

(1891—1941 гг.)

В истории развития ручного огнестрельного оружия 80-е и 90-е годы прошлого столетия знаменовали собою наступление новой эпохи — введение на вооружение армий более скорострельного магазинного оружия.

В войнах второй половины XIX в. (североамериканская 1861—1865 гг., австро-прусская 1866 г. и в особенности франко-германская 1870—1871 гг. и русско-турецкая 1877—1878 гг.) выявилось громадное значение скорой стрельбы; новые тактические формы ведения боя указывали также на необходимость увеличения скорострельности. В 1872 г. появилась линемановская лопата. Самоокапывание, а также широкое применение укрепленных позиций стали характерными признаками боя. Чем больше стрелок зарывался в землю, скрывая себя от неприятеля, тем большие требования в отношении скорострельности предъявлялись к оружию.

Уровень развития техники того времени давал возможность выполнить эти новые требования тактики. Уже имелись первые образцы магазинных винтовок. Можно было предвидеть и новое направление, по которому пойдет дальнейшее усовершенствование ручного огнестрельного оружия. Швейцария раньше всех (1869 г.) приняла для своей армии магазинные винтовки системы Веттерли. В 1884 г. Германия приступила к переделке винтовок Маузера образца 1871 г. в магазинные. В следующем году во Франции была принята переделочная система Гра-Кропачека. Италия переделала однозарядные винтовки в магазинные по системе Веттерли-Витали. Магазинное оружие системы Ярмана было принято в Швеции и Норвегии. Таким образом, этот период характеризуется введением на вооружение армий некоторых государств переделочных и новых винтовок прежнего калибра, стрелявших имевшимся патроном с дымным порохом.

Вскоре наступает период разработки и повсеместного введения на вооружение магазинных винтовок малого калибра, стрелявших патроном с новым бездымным порохом и с пулей в оболочке. Этот период характерен быстрым перевооружением армий новым оружием: в 1886 г. во Франции была принята винтовка системы Лебеля; через два года Германия ввела новую систему Маузера; в 1889 г. Англия перевооружает свою армию винтовками Ли-Метфорда; в том же году Австро-Венгрия приняла систему Манлихера; в 1891 г. в Италии была принята винтовка Манлихера-Каркано, и одновременно с ней Россия начала перевооружение своей армии винтовкой образца 1891 г.

Крайняя поспешность, проявленная во всех странах при испытании и введении магазинного оружия, повлекла за собой ряд неблагоприятных последствий. Опыт использования новых винтовок во многих армиях вызвал необходимость второго, а в некоторых и третьего перево-

оружия малокалиберным магазинным оружием. Начался третий период, продолжающийся еще и сейчас,— период замены винтовок, введенных на вооружение в самом конце XIX в. Этот процесс происходил в различных странах по-разному. В то время как некоторые государства только что приступали к замене прежнего 4-линейного оружия, другие, уже вскоре после введения малокалиберных образцов, принуждены были предпринимать новое дорогостоящее перевооружение. Так, Австро-Венгрия уже в 1895 г. заменила винтовки образца 1889 г. новыми, более совершенными. И только русская магазинная винтовка калибра 7,62 мм, принятая на вооружение в 1891 г., сохранилась и до наших дней, претерпев лишь небольшую модернизацию в 1930 г.

ОБРАЗЦЫ ВИНТОВОК, ВВЕДЕННЫЕ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ЭПОХИ МАГАЗИННОГО ОРУЖИЯ

Государства	I период	II период	III период
Германия	Маузер 1871—1884 гг.	Маузер 1888 г.	Маузер 1898 г.
Франция	Гра-Кропачек 1874—1885 гг.	Лебель 1886—1893 гг.	Лебель 1907—1915 гг.
Австро-Венгрия	Манлихер 1886 г.	Манлихер 1889 г.	Лебель 1907—1916 гг.
Италия	Веттерли-Витали 1871—1887 гг.	Манлихер-Каркано 1891 г.	Манлихер 1895 г.
США	Спрингфильд 1879—1881 гг.	Кraig-Юнгерсон 1889 г.	—
Швейцария	Веттерли 1869—1881 гг.	Шмидт-Рубин 1889—1896 гг.	Спрингфильд 1903 г.
Норвегия	Ярман 1881—1887 гг.	Кraig-Юргенсон 1894 г.	Спрингфильд 1917 г.
Швеция	Ярман 1881—1887 гг.	Маузер 1896 г.	Шмидт-Рубин 1911 г.
Англия	—	Ли-Метфорд 1889 г.	—
Япония	—	Мурата 1888 г.	Ли-Энфильд 1895 г.
Россия	—	Образца 1891 г.	Энфильд-Маузер 1914 г.
			Арисака 1897 г.
			Арисака 1905 г.
			—

28 апреля 1941 г. исполняется пятьдесят лет с того дня, как наша 7,62-мм винтовка была принята на вооружение армии. Ко дню этого знаменательного юбилея небезынтересно вспомнить историю ее разработки и введения на вооружение армии.

Принятие на вооружение в 60-х годах прошлого столетия оружия, заряжаемого с казны, упростило конструирование магазинных образцов: манипуляции затвором — для открывания казны ствола, выбрасывания стреляной гильзы, заряжания новым патроном с закрыванием затвора — подали мысль воспользоваться этими действиями и для продвижения очередного патрона в патронник из особого помещения, предназначенного для содержания запаса патронов и называвшегося магазином.

Первоначальные образцы магазинных винтовок могут быть подразделены на три класса, различающихся местом расположения магазина: а) серединные, б) прикладные и в) подствольные.

Первые серединные магазины¹, наподобие принятых в современных винтовках, были очень несовершенного устройства и не получили вследствие этого особого распространения; они были приняты лишь в итальянской армии. В Италии в 1887 г. была введена винтовка системы Вет-

¹ Подробные сведения о различных образцах магазинного оружия приведены в труде В. Федорова «Эволюция стрелкового оружия», часть I.

терли-Витали с крайне несовершенной обоймой, изготовлявшейся частично из дерева. Примером прикладных магазинов может служить карабин системы Спенсера, применявшийся в войне между Северными и Южными штатами Америки. Примером подствольных магазинов могут служить французская винтовка системы Гра-Кропачека и германская система Маузера. Подобное же устройство имели и переделочные германские винтовки системы Маузера образца 1871—1884 гг.

Проблема ускорения стрельбы в царской России в этот период первоначально разрешалась посредством разработки ускорителей. Новое перевооружение, хотя бы и переделочным образом, при громадной численности русской армии, по сравнению с западноевропейскими, должно было потребовать значительных ассигнований. С другой стороны, приходилось считаться с тем, что при стрельбе из однозарядных винтовок много времени уходит на вынимание очередного патрона из патронной сумки. В связи с этим появилась мысль ускорить этот процесс, разработав особую пачку или коробку, наполненную патронами, которую стрелок мог держать в левой руке, охватывающей винтовку, или подвешивал ее на ложу. Сконструированный для этой цели ускоритель системы Кринка состоял из стальной пластинки в виде буквы «Т», изогнутой так, что с одной стороны образовалась скоба, при помощи которой ускоритель насаживался на ложу, а с другой — пара захватов, между которыми вдвигалась картонная пачка с патронами, вставленными пулями вниз.

Опыты, произведенные с ускорителями, показали, однако, что они не давали большого ускорения стрельбы. Тогда решено было обратиться к испытаниям магазинных винтовок. В мае 1883 г. по приказанию военного министра была образована особая комиссия для их испытания. Это мероприятие было проведено вполне своевременно еще до введения на вооружение других армий магазинных ружей переделочного образца. Председателем комиссии был назначен генерал Чагин. Его имя было неразрывно связано с предшествующими перевооружениями русской армии в период энергичной деятельности русских оружейников, последовавшей после Крымской войны. При его участии были введены винтовки Карле и Кринка, Бердана № 2. В июле того же года в состав комиссии был назначен начальник мастерской Тульского оружейного завода капитан Мосин², работы которого имели громадное влияние на всю деятельность комиссии.

В распоряжении комиссии, помимо иностранных образцов (Маузера, Гра-Кропачека, Гочкиса, Веттерли, Ли), имелись и отечественные системы переделывавшиеся из винтовок Бердана. Особое внимание было обращено на винтовки оружейного мастера Квашневского, разрабатывавшего систему с подствольным магазином. Этой винтовке придавалось большое значение; на основании предварительных испытаний считалось, что она будет принята на вооружение русской армии. Подствольный магазинный механизм системы Квашневского по сравнению с иностранными образцами Гра-Кропачека и Маузера представлял ту особенность, что опускание переднего конца ложки для принятия патрона из магазинной трубки производилось не при повороте затвора, а действием на спуск при отведении спускового крючка назад для выстрела.

² С. И. Мосин родился в 1849 г. в местечке Рамонь, Воронежской губернии. Отец его служил управляющим в имении. Мосин получил образование в Артиллерийском училище и Артиллерийской академии, курс которой окончил в 1875 г. По окончании академии он служил на Тульском оружейном заводе, а в 1894 г. был назначен начальником Сестрорецкого оружейного завода, где и работал до смерти. Первый образец мосинской винтовки с магазином в прикладе, переделанной из берданки, был им представлен в 1882 г. В 1887 г. капитан Мосин начал работы с малокалиберной винтовкой, вначале с магазином в прикладе, а затем с серединным. В архивных документах его фамилия значится «Моссин», мы даем транскрипцию, принятую в печати. — Авт.

Параллельно с этим велись испытания винтовок системы Гра-Кропачека и Маузера, также имевших магазины под стволом. После испытаний комиссия признала лучшей винтовку Квашневского; преимущество ее заключалось в том, что переделка винтовки Бердана по русской системе была проще, требовала меньше работы и расходов. Было решено немедленно заказать Сестрорецкому оружейному заводу 150 пехотных и 50 драгунских винтовок этой системы, чтобы произвести обширные войсковые испытания. Изготовление винтовок, однако, задержалось: они были сданы лишь в 1885 г. Произведенные испытания не подтвердили предварительно полученных результатов: были случаи воспламенения патронов вследствие удара пули о капсюль в подствольном магазине, повлекшие за собой ранение стрелка и повреждение винтовки. Ввиду этого комиссия решила отказаться от подобных систем винтовки и все внимание перенесла на работы оружейного мастера Игнатовича и капитана Мосина.

Мастер Игнатович оказался одним из наиболее плодovitых изобретателей. В 1884 г. им была представлена винтовка с двухъярусным магазином под цевьем — патроны располагались в двух трубках. Несмотря на крайнюю оригинальность конструкции и возможность помещать значительно большее число патронов, чем в образцах других изобретателей, система Игнатовича оказалась слишком сложной и была отставлена. Через некоторое время Игнатович представил новую систему, весьма простую в изготовлении, но содержащую всего четыре патрона в магазине. Эта винтовка также не была признана удовлетворительной. В 1886 г. им был представлен третий образец, обративший особое внимание членов комиссии. Но испытания вновь не подтвердили первоначальных выводов комиссии.

Из других изобретателей, подававших большие надежды, оставался один капитан Мосин. Еще при назначении его в состав комиссии им была представлена винтовка с магазином в прикладе реечной системы. Число патронов в магазине—8 и 12. Винтовка была подвергнута испытаниям после окончательной ее доработки в 1884 г. Результаты получились не вполне удовлетворительные. Новые испытания после переделки представленного образца производились в 1885 г. Комиссия отметила, что винтовка заслуживает самого серьезного внимания, но требует доработки некоторых деталей. Тем не менее в целях скорейшего окончания разработки винтовки комиссия решила немедленно заказать 1 000 экземпляров представленного образца Тульскому оружейному заводу.

О таком крупном заказе сразу стало известно и за границей, тем более что в царской России не принималось особых мер к сохранению секретности мероприятий по разработке винтовок. В том же 1885 г. частная французская фирма Рихтер обратилась к Мосину с предложением продать право эксплуатации его изобретения Франции. В то время во Франции интенсивно разрабатывался вопрос о переходе к малокалиберной винтовке системы Лебеля, стрелявшей патронами с бездымным порохом. Мосин сообщил об этом предложении Главному артиллерийскому управлению.

Первые экземпляры партии винтовок, заказанных Тульскому заводу, были доставлены в марте 1886 г. При первых испытаниях были случаи преждевременных выстрелов; причиной являлась плохая экстракция стреляных гильз. Несмотря на это, было решено продолжать испытания с выдачей винтовок в войска.

В следующем году капитан Мосин представил в комиссию три новых образца реечной системы, причем в эти винтовки он ввел весьма существенные изменения, устранявшие недостатки, замеченные в войсковых частях. Помимо внесенных улучшений лично Мосиным, в комиссии также выяснилась необходимость ввести в предложенную систему ряд новых усовершенствований. Поэтому винтовка Мосина в настоящем ее

виде уже не могла быть причислена к разряду переделываемых из винтовок Бердана № 2, а представляла совершенно новый образец. Ввиду этого комиссия решила, что новый образец предпочтительнее изготовлять под новый малокалиберный патрон. Интенсивные опыты, которые производились в этом направлении за границей, заставили комиссию прекратить дальнейшие работы с 4,2-линейным оружием и предложить Мосину переделать его систему для новых малокалиберных патронов, уже разработанных в то время комиссией.

Так закончился в России первый период работы по введению в армию переделочной магазинной винтовки для прежних 4,2-линейных патронов. Все эти работы оказались неудачными. Продолжать далее опыты в этом направлении не было никакого смысла. Системы магазинных переделочных образцов не отличались хорошими боевыми качествами; всюду от них вскоре отказались. Дело в том, что первоначальные магазинные образцы (до изобретения патронных пачек и обойм) имели магазины с запасом патронов для их расходования в наивыгоднейший момент боя. Между тем трудно было рассчитывать на то, что каждый солдат сохранит запас патронов в магазине до требуемого момента. После израсходования патронов наполнение магазина вновь требовало столько времени, что выгоднее было переходить на однозарядную стрельбу. Вес ружья после переделки увеличивался на 1—1,5 фунта. При частой стрельбе прежними патронами дым мешал прицеливанию. Сравнительные испытания стрельбой из магазинных и однозарядных винтовок в одинаковый промежуток времени не давали в отношении абсолютного числа попаданий почти никакого преимущества, несмотря на большее число выпущенных пуль из магазинного оружия.

При перевооружении армии новыми, более совершенными образцами обыкновенно обращают внимание не только на конструкцию механизма винтовок, доставляющую известные выгоды и преимущества по сравнению с прежними, но и добиваются улучшения их баллистических качеств: дальности, отлогости траектории, кучности боя и пробивной способности. Одновременно с разработкой магазинного оружия, естественно, возник вопрос и о новом уменьшении калибра.

В России этот вопрос был поставлен еще в 1883 г. Швейцарский профессор Хеблер в письме на имя русского военного министра сообщил о своих работах по конструированию малокалиберных ружей. Это письмо было передано в Оружейный отдел при следующей резолюции генерала Милютин: «Прошу передать вне очереди на рассмотрение Оружейного Отдела. Я еще недавно говорил с инспектором стрелковой части в войсках — председательствующим в Оружейном Отделе — о необходимости своевременно разработать вопрос о винтовках уменьшенного калибра, не ожидая, пока соседи уже вооружатся». Кроме Хеблера, было решено обратиться с соответствующим предложением и к майору швейцарской армии Рубину, также работавшему в этой области. В феврале 1885 г. командованием царской армии было приказано ускорить разработку малокалиберной винтовки.

В марте 1885 г. полковником Роговцовым из Оружейного отдела были составлены чертежи пули и гильзы для винтовок калибра 8 мм (3,15-линейных), причем тогда же был дан заказ на изготовление первой их партии. Гильзы были латунные, пули из твердого сплава свинца и олова (5%) с медной, а также железной оболочкой. Одновременно полковником Роговцовым была спроектирована первая русская малокалиберная винтовка с новым чертежом патронника и канала ствола — с длиной хода нарезов в 11 дм.; прицел также был изменен. С помощью этой винтовки и велись все опыты по разработке нового патрона. Работы Роговцова имели в этом отношении большое значение. При всех этих опытах первоначально пользовались несколько улучшенным прежним дымным порохом, в состав которого была введена аммиачная селитра

(до 30%). Начальная скорость получилась довольно значительной—около 550 м в секунду, но этот порох действовал разрушительно на канал ствола и портился при хранении. В 1887 г. были получены подробные сведения о французском малокалиберном магазинном ружье Лебеля и о новом патроне с бездымным порохом. Русский военный агент доносил, что «Осенью 1886 г. во Франции производились войсковые испытания нового ружья в 20 батальонах; результаты оказались превосходными. В октябре того же года ружье Лебеля было окончательно принято: калибр 8 мм, вес 4,18 кг, пуля из сплава свинца с антимонием, оболочка из мельхиора—из сплава меди с 20% никеля; патрон вмещал заряд 2,7 г бездымного пироксилинового пороха; начальная скорость 615 м в секунду. Магазин принят подствольный, причем во избежание воспламенения капсюля при ударе закругленной частью пули на шей была срезана площадка, что, однако, имело некоторое, хотя и очень незначительное, влияние на баллистические качества. Характерной особенностью конструкции являлась боевая личинка с боевыми выступами, переносящими всю силу отдачи на переднюю часть затвора, что, по французским опытам, имело большое влияние на улучшение меткости. Три завода (в Туле, Сен-Этьене и Шательро) уже с 1887 г. вырабатывали по 2 000 винтовок в день, причем была достигнута взаимная заменяемость деталей винтовок». Таким образом, Франция была первой страной, которая приняла на вооружение образец малокалиберной магазинной винтовки.

Громадным достижением являлся новый порох, разрешавший основные трудности, возникшие при разработке малокалиберной скорострельной винтовки. Принятие более сильного бездымного пороха, разработанного французским инженером Вьелем, значительно улучшало баллистические качества оружия. Бездымность нового пороха устранила и те затруднения при стрельбе, которые появлялись от клубов дыма, образовавшихся при скорой стрельбе с прежним порохом. Русским правительством были немедленно приняты меры к приобретению новой французской винтовки. Одновременно капитан Мосин приспособлял свой реечно-прикладной магазин к малокалиберной винтовке, пользуясь опытными патронами Роговцова.

Переооружение иностранных армий производилось с лихорадочной поспешностью. В 1888 г. новую систему приняла Германия, а также Япония, в 1889 г.—Англия, Австро-Венгрия, Швейцария, Дания и т. д. Русская армия еще не имела подходящего образца.

Если магазин французской винтовки Лебеля, а также японской Мурата и не представлял ничего нового, оригинального, так как в сущности эти системы имели прежнее устройство подствольного магазина Гра-Кропачека с тем же мешкотным заряданием магазина путем вкалывания патрона по одному, то германскую винтовку Маузера 1888 г. и австрийскую Манлихера 1889 г. можно было считать весьма значительным шагом вперед в деле усовершенствования магазинного оружия. В этих винтовках зарядание срединного магазина пятью патронами производилось почти с такой же легкостью, как и одним патроном. Следовательно, в 1888—1889 гг. последнее препятствие на пути к разработке магазинной винтовки, вполне удовлетворяющей всем современным требованиям, было, наконец, устранено.

До этого времени длительная задержка перевооружения русской армии до некоторой степени могла быть оправдана. Ведь до 1886 г. не было бездымного пороха, а до 1888—1889 гг. не было надлежащей системы магазина, все принимавшиеся ранее были несовершенны, и комиссия генерала Чагина была, безусловно, права, бракуя все испытывавшиеся ею образцы. Но с этого времени каждый день затяжки в деле перевооружения мог иметь самые неблагоприятные последствия. Сохранившаяся в архивах докладная записка генерала Чагина, имеющая громадное значение в истории перевооружения русской

армии, рисует весь ход опытов и изысканий, которые были произведены комиссией. В записке указывалось, что, несмотря на значительное количество рассмотренных и испытанных образцов, задача выбора магазинного ружья для русской армии к началу 1889 г. еще не была решена. Не был разрешен и вопрос о разработке малокалиберной винтовки и главным образом малокалиберного патрона; задержка вызывалась отсутствием образцов бездымного пироксилинового пороха. Комиссия уже имела подробные сведения о новом порохе, соответствующие опыты и изыскания производились на Охтинском пороховом заводе, но к началу 1889 г. опытное производство пороха еще не было налажено. В силу этого русское командование решило в первую очередь разрабатывать образец однозарядного малокалиберного ружья. В этом решении опять-таки сказалась отсталость России в деле конструирования новых систем огнестрельного оружия. Характерными являются и возражения многих высших военных авторитетов против введения магазинов.

В октябре 1889 г. был спроектирован первый экземпляр однозарядного ружья, окончательный же образец был представлен в январе 1890 г. Комиссия указывала, что за основание при этой работе была принята считавшаяся в то время лучшей винтовка Лебеля. Ее калибр с 8 мм был изменен на 7,62 мм (3-линейный) с целью уменьшения веса патрона. Ствол был несколько изменен. В русской армии было признано необходимым производить стрельбу с примкнутым штыком: отклонения пуль от штыка получались влево, деривация же от нарезов во французском ружье была также влево; ввиду этого было невыгодно иметь нарезы с оборотом справа налево. Мушка была принята по бердановскому образцу, так как солдаты привыкли к ней; мушка и прорезь прицела были треугольными взамен прямоугольной формы лебелевского ружья. Сцепление затвора со ствольной коробкой устраивалось наподобие ружья Лебеля. Затвор был несколько изменен Мосиным; ствольная коробка была представлена в двух вариантах: по образцу комиссии и спроектированная Мосиным. Вес винтовки без штыка—9 фунт. 24 зол., со штыком—10 фунт. 13 зол.; штык был также изменен и разработан Сестрорецким оружейным заводом.

Почти одновременно было получено 8 экземпляров магазинных винтовок, принятых на вооружение в австро-венгерской армии и заряжаемых пачкой. Комиссия после испытания их отдала им решительное предпочтение перед всеми другими образцами, известными до того времени. В это же время, весной 1889 г., были получены сведения от военного агента в Брюсселе и Гааге о магазинной винтовке льежского фабриканта и изобретателя Леона Нагана. Военный агент указывал на хорошие результаты, полученные при испытании винтовки, и на особую оригинальность наполнения магазина патронами с помощью обоймы.

11 октября 1889 г. первый экземпляр винтовки системы Нагана калибра 8 мм, с 500 бельгийскими патронами был представлен в комиссию. Это был первый образец винтовки, заряжаемой из обоймы.

Винтовка Нагана, помимо крайней легкости и удобства заряжания, отличалась простотой устройства магазина, а также легкостью его осмотра и чистки. Одновременно с испытаниями винтовок системы Нагана комиссия решила попытаться приспособить метод заряжания, разработанный Наганом, к однозарядной винтовке, несколько видоизменив ее конструкцию. Эта задача была поручена капитанам Мосину и Захарову. Нагану было предложено приспособить его систему заряжания для ствола и патрона калибра 7,62 мм, разработанных комиссией, устранив вместе с тем различные недостатки, замеченные при опытах; переработать затвор, с тем чтобы его сцепление со ствольной коробкой выполнялось с помощью отдельной боевой личинки с двумя выступами наподобие французской винтовки.

Капитаны Мосин и Захаров в первую очередь решили видоизменить

образец обоймы, т. е. главную сущность предложения Нагана. Первый предложил заслуживавшую особого внимания обойму с пластинчатой пружиной (такие обоймы приняты в подавляющей части современных иностранных винтовок и в нашей модернизированной винтовке 1891 г.). Как выяснилось впоследствии, патент на обойму с пластинчатой пружиной был уже взят Маузером, но Мосин, конечно, не знал об этом изобретении. Что касается магазина, то Мосин обратил особое внимание на усовершенствование подающего механизма. В системе Нагана не было разработано приспособления, отсекающего очередной патрон от остальных, находящихся в магазине; заклинения патронов устранялись особым срезом на передней части затвора. Мосиным была разработана отсечка-отражатель, впервые отлично разрешавшая вопрос о правильной подаче патронов в однорядном магазине, заряжаемом из обоймы.

В феврале 1890 г. Мосин представил в комиссию свою винтовку. Произведенные испытания дали хорошие результаты, но потребовалась доработка некоторых деталей. При этих испытаниях применялись обоймы Захарова (дугобразные), так как мосинские обоймы оказались неудовлетворительными — они не были им доработаны.

Наган в это время спешно выполнял задание комиссии. В январе им были доставлены первые экземпляры заказанных ему винтовок калибра 7,62 мм (3-линейных). Опыты дали хорошие результаты. Однако патроны в его винтовке проскакивали передним концом мимо боковой пружинки, назначенной для их удержания; отсутствовало надежное отсекающее приспособление. Тогда Нагану было решено заказать еще 5 экземпляров винтовок, в которых был бы устранен этот недостаток.

Делая заказ Нагану, комиссия тем не менее всячески стремилась принять на вооружение русскую винтовку, хотя бы и с некоторыми позаимствованиями от иностранных систем. Поэтому одновременно была заказана и опытная партия винтовок системы Мосина, которому комиссия оказывала самую деятельную помощь. Мосин был освобожден от службы на Тульском оружейном заводе, для того чтобы он мог всецело заняться разработкой винтовки. Это было редким явлением в царской России. Винтовка Мосина с прикладным магазином в недоработанном еще виде была заказана в количестве 1 000 экземпляров. Случай исключительный. Мало того, военный министр генерал Ванновский сам выехал на завод, с тем чтобы ускорить изготовление этих винтовок. Будучи на заводе, он обратил внимание Мосина на недостаточную надежность работы подающего механизма. В связи с этим была заказана еще одна партия опытных винтовок, в которых Мосин произвел некоторые доработки.

14 сентября 1890 г. Мосин принял первые 12 экземпляров новых винтовок. Наган задерживал сдачу заказа. В Льеж выехал генерал Чагин. При осмотре нескольких образцов летом 1890 г. его винтовки оказались более совершенными, чем представленные раньше. В них была введена пружинка и пластинка с двумя ребрами, отсекающая патроны и предохраняющая возможность их заклинения. Однако подобное изменение конструкции было произведено Мосиным еще пять месяцев назад.

Первая группа винтовок Нагана была им доставлена в сентябре 1890 г. Состоялись предварительные параллельные испытания обеих систем винтовок, а также и однозарядных. При стрельбе хорошо обученными стрелками винтовки Нагана давали 21 выстрел в минуту, винтовки же Мосина — $20\frac{3}{4}$; при стрельбах менее обученными стрелками из винтовок Нагана получилось $18\frac{1}{4}$ выстрелов в минуту, из мосинских же — 19 и $17\frac{1}{2}$, однозарядные дали скорость стрельбы от $16\frac{1}{2}$ до $17\frac{1}{4}$ в минуту; число залпов из винтовок Мосина и Нагана оказалось от 16 до 18 в минуту, из однозарядных — от 14 до 15. Для войсковых испытаний в декабре было доставлено 300 винтовок Мосина, 100 — Нагана и 150 — однозарядных с затвором и ствольной коробкой Мосина.

Испытания производились с декабря 1890 г. до 9 марта 1891 г. Они дали почти одинаковые результаты с несколько меньшим числом задержек и поломок в винтовках Нагана. Все войсковые части, производившие испытания, высказались за введение магазинной винтовки, считая наилучшей систему Нагана. 13 марта начались дополнительные испытания винтовок Мосина, которые предусмотрительно были заказаны генералом Чагиным, а также винтовок Нагана последней его доставки. Опыты продолжались с 13 по 18 марта.

По окончании этих испытаний состоялось заседание комиссии, которая должна была решить вопрос о том, какой системе магазинного ружья отдать предпочтение. При голосовании за систему Нагана высказалось 14 человек, в том числе председатель комиссии генерал Чагин и начальник стрелковой школы А. Ридигер, непосредственно руководивший всеми войсковыми опытами. За систему Мосина высказалось 10 человек. После голосования Чагин и Ридигер заявили, что их мнение было основано на результатах войсковых опытов и личных наблюдений, технической же стороны вопроса они не касались, полагая, что она будет детально рассмотрена совместно с представителями оружейных заводов; при большей дешевизне и удобстве выделки винтовки Мосина ей может быть отдано предпочтение, если только в винтовке будут произведены те изменения, необходимость которых теперь уже выяснилась.

20 марта по приказанию военного министра состоялось экстренное заседание Оружейного отдела. Был подробно рассмотрен перечень недостатков, обнаруженных в системе Мосина и Нагана, и заслушано заключение инспектора оружейных и патронных заводов генерала Бестужева-Рюмина, который доложил, что «в случае принятия образца С. Мосина изготовление этих ружей будет дешевле и наши заводы могут приступить к валовому изготовлению их на 3—4 месяца раньше, чем по нагановскому образцу, с которым заводы вовсе незнакомы; кроме того, запирающий механизм Мосина может быть изготовлен с большими допусками, что облегчит работы».

Оружейный отдел после окончания дебатов вынес следующее постановление: «Оба ружья действовали вообще удовлетворительно, и в этом отношении трудно было бы отдать предпочтение одной системе перед другой. Но, как это обнаружилось, в обоих образцах ружей замечались такие недостатки, которые не могут быть терпимы в военном оружии, и они должны быть устранены... Оружейный Отдел считает необходимым присовокупить, что, как это выяснилось из рассмотрения самих образцов и разъяснения лиц, знакомых с заводским производством, ружья иностранца Нагана сравнительно с таковыми же Мосина представляют собою механизм более сложный для выделки, а это, конечно, поведет за собою некоторое замедление в изготовлении необходимых приспособлений для фабрикации оружия на заводах, причем и самая стоимость каждого экземпляра, несомненно, увеличится». Устранение всех замеченных недостатков было поручено особой комиссии при участии Мосина.

Следует иметь в виду, что хотя все мероприятия комиссии и сводились к необходимости введения в русской армии винтовки русского изобретателя, опыты же показали несколько иные результаты, чем все ожидали. Войсковые части высказались за винтовку Нагана. При испытании улучшенных винтовок Мосина выявились некоторые недостатки, которых не было раньше. Представители войсковых частей, конечно, не могли, да и не должны были входить в рассмотрение вопроса о стоимости или легкости изготовления испытываемых винтовок; они должны были решать вопрос с точки зрения боевых требований. Число всяких задержек и поломок в винтовках Нагана было меньше, чем у Мосина.

Причиной была исключительная спешка, с которой изготовлялось это оружие на Тульском оружейном заводе. Наган избрал более продуманный и осторожный путь. Он представил к началу опытов всего 100 экземпляров вместо 300 ему заказанных, зато эти 100 были лучше отлажены, чем 300 мосинских. Не учла комиссия и «детских болезней», которые всегда должны иметь свое место при введении нового образца и при выпуске с завода первых партий нового оружия. Не одним числом задержек и поломок надо было руководствоваться при выборе образца, а анализом его конструкции. Этот анализ указывал на следующие преимущества мосинских винтовок: затвор благодаря разработанной Мосиным оригинальной детали — соединительной планке — разбирался без отвертки, затвор же Нагана имел два винта; разработанная Мосиным оригинальная деталь — отсечка-отражатель — выполняла два назначения, тогда как у Нагана была отдельная отсечка, безусловно, более сложного устройства, и отдельный отражатель. Необходимо попутно отметить, что Мосин первый разработал отсечку-отражатель, устранявшую в однозарядном магазине возможность продвижения двух патронов, Наган же достиг этого лишь в последнее время — при заказе ему 300 винтовок. Поэтому решение Оружейного отдела следует считать правильным. Требуемые изменения были произведены в 3 экземплярах винтовок, причем существенно изменилось устройство спускового механизма, которому Мосин придал тот вид, который существует в настоящее время в 7,62-мм винтовке; для хвоста отсечки был сделан паз с левой стороны коробки и, кроме того, изменились пазы для вставки обоймы. После указанных переделок производилась стрельба на скорость, причем среднее число выстрелов в минуту оказалось 25; магазинный и запирающий механизмы действовали исправно. 6 апреля роты, вооруженные винтовками Мосина и Нагана, были вытребованы в Гатчину, где производил смотр Александр III. Результаты получились почти одинаковые, но с некоторым перевесом в сторону винтовки Нагана. Через три дня Оружейный отдел одобрил все вновь введенные изменения и выбрал образец винтовки, который мог бы служить для руководства при изготовлении на заводах справочных ружей в случае, если винтовка Мосина будет принята для перевооружения армии.

16 апреля 1891 г. образец пехотной винтовки был утвержден, причем ей не было присвоено имя С. И. Мосина; она получила название «3-линейная винтовка образца 1891 г.».

Так закончился в России второй период введения магазинного оружия. Необходимо кратко остановиться на характерных особенностях этого периода. С разработкой и утверждением нового образца Россия запоздала на пять лет по сравнению с введением первой малокалиберной винтовки французской системы Лебеля и на два-три года по отношению к такой же винтовке, введенной в германской армии в 1888 г. и австро-венгерской в 1889 г. Но магазин французской винтовки был настолько несовершенным, что комиссия генерала Чагина сделала бы безусловную ошибку, если бы подобный образец был принят на вооружение русской армии.

Работы выдающегося русского конструктора С. И. Мосина первоначально были направлены к проектированию прикладных, подствольных и срединных магазинов, заряжаемых мешкотным образом, без обоймы, т. е. тех типов, которые уже были известны за границей. В этом сказывалась техническая отсталость царской России, неналаженность конструкторской работы в области вооружений и отсутствие достаточного количества отечественных изобретателей. При сложившейся в то время международной обстановке затяжка в два-три года в выборе образца для перевооружения армии могла иметь крайне неблагоприятные последствия. Поэтому царское правительство вынуждено было принимать меры к спешному перевооружению армии.

Подробные сведения о конструкции срединных магазинов, заряжаемых из пачки (Маузер, Манлихер) и из обоймы (Наган) появились в 1889 г. Таким образом, решение уже было найдено, но техническая отсталость России была причиной того, что на разработку образцов потребовалось два года. Интересно отметить, что и Леону Нагану, имевшему в Льеже свой завод, мастерские для изготовления опытных образцов, также понадобилось два года для окончательной разработки своей системы. Со времени получения сведений о новом бездымном порохе и до организации опытного производства пороха также прошло два с половиной года, несмотря на участие в этих работах виднейших деятелей науки. Но дело было не в людях, а в самой системе военно-феодалного режима, которая препятствовала широкому развешиванию их энергии и знаний.

К моменту утверждения винтовки образца 1891 г. она была лучшей из всех известных и принятых на вооружение. Винтовка Мосина имела лучший срединный магазин, заряжаемый из обоймы, обладавшей безусловными преимуществами по сравнению с заряданием пачкой; система была снабжена совершенно оригинальной конструкцией отсечки-отражателя, устраняющей возможность заклинивания и продвижения двух патронов.

Сведения о принятии такой винтовки на вооружение русской армии быстро распространились за границей. В архивных делах того времени сохранились документы о попытках агентов иностранных государств приобрести образцы русской винтовки, а также письмо русского военного агента в Лондоне о том, что английской разведке удалось достать винтовку 1891 г. тайным путем. Представляет интерес и обращение военного министерства США с просьбой уступить экземпляр русской винтовки с надлежащим количеством патронов для ее испытания с целью выяснения вопроса о возможности принятия ее на вооружение армии США. Интересно отметить, что, передавая русскую винтовку образца 1891 г. американскому военному агенту, военное министерство опасалось за сохранение в тайне не конструкции самой винтовки, а главным образом образчика русского бездымного пороха. Сербское военное министерство также обратилось к русскому правительству с подобным же ходатайством³.

Обнаружившиеся при использовании в войсках недочеты в винтовках, спешно принятых на вооружение различных армий в период 80—90-х годов прошлого столетия, заставили многие государства предпринять новое перевооружение своих армий. Но, несмотря на то, что в 1897—1898 гг. и появились несколько лучшие магазины с двухрядным расположением патронов, не требовавшие применения отсечки (Япония, Германия), русскую винтовку образца 1891 г. можно было считать и после этого усовершенствования вполне удовлетворяющей своему назначению.

В 1910 г., при введении остроконечных патронов, в русской винтовке был изменен прицел, укорочен зуб отсечки и вставлен в ложу металлический нагель. Даже в 1930 г., когда усилиями большевистской партии и советского правительства были созданы все условия для всемерного поднятия боевой и технической мощи Красной Армии, винтовка образца 1891 г. подверглась лишь сравнительно небольшой модернизации, поставившей ее, однако, наряду с лучшими иностранными образцами.

Винтовка образца 1891—1930 гг. безупречно выслужила свой пятидесятилетний стаж, так редко выпадающий на долю образцов ручного огнестрельного оружия.

³ Как известно, все эти ходатайства ограничились одними запросами; американская армия сохранила на вооружении свою винтовку Краг-Юргенсона до 1903 г., когда была принята система Спрингфилда; сербская же армия до 1899 г. имела в армии прежние 4-линейное оружие.

В наше время, время небывалого размаха в деле разработки разнообразных образцов автоматического оружия, создаваемых советскими оружейниками во главе с Героями Социалистического Труда В. А. Дегтяревым, Ф. В. Токаревым и Б. Г. Шпитальным, мы должны помнить, что почин в развитии отечественного конструирования ручного оружия был дан талантливым конструктором Сергеем Ивановичем Мосиным.

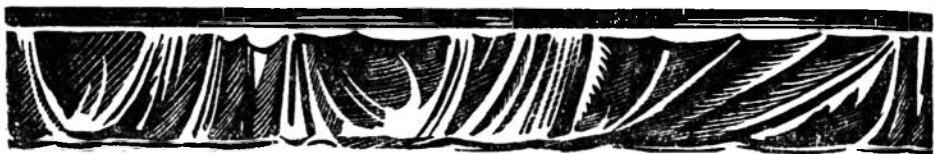
* * *

В процессе всей работы С. И. Мосина (с 1882 г. по апрель 1891 г., т. е. до дня утверждения винтовки) все представленные им образцы назывались его именем. Из просмотра архивных дел того времени видно, что его именем назывались винтовки и с прикладным магазином и с сесрединным, заряжаемые обоймой по принципу Нагана. Исключение составляет однозарядное ружье образца 1889 г. Последовавшее изменение названия винтовки было полной неожиданностью для Мосина. Вокруг этого вопроса было много споров, в особенности в момент принятия его винтовки на вооружение.

Винтовка образца 1891 г. заключала в себе три новых элемента: механизм самой винтовки, способ заряжания с новой обоймой, новый патрон с новой баллистикой. Комиссия склонялась в то время к присвоению винтовке наименования «системы Мосина—Нагана». Такое название встречается в различных иностранных курсах и справочниках о русской винтовке образца 1891 г. В архивных делах сохранился черновик приказа по военному ведомству об утверждении нового образца винтовки, в котором объявляется об утверждении образца «винтовки капитана Мосина», патрона, разработанного комиссией, и образца пачки Нагана. Но черновик был исправлен на основании последовавшего решения, и приказ объявлял об утверждении винтовки и патрона образца 1891 г. без какого бы то ни было упоминания имен конструкторов.

В заключительном журнале Оружейного отдела от 9 (22) апреля 1891 г. указывается, что «ружье кап. Мосина, приспособленное к обойме иностранца Нагана, может служить руководством для изготовления на Тульском оружейном заводе справочных ружей, если это ружье удостоится высочайшего утверждения». Конечно, в руководящих сферах тогда учитывалось то обстоятельство, что в течение слишком долгого времени на вооружение русских войск принимались образцы оружия с именами иностранцев (Терри-Нормана, Карле, Кринка, Бердана, Смитта и Вессона). Этот факт слишком наглядно свидетельствовал о технической отсталости России. Хотя справедливость и обязывала сохранить в названии винтовки имя Нагана параллельно с Мосиным, но это иностранное имя было неприемлемо. В этом и заключалась причина споров по вопросу о названии винтовки. Тогда военный министр генерал Ванновский приказал Главному артиллерийскому управлению представить доклад об утверждении винтовки с наименованием ее «русская 3-линейная винтовка образца 1891 г.». Он исходил при этом, повидимому, из следующего соображения: поскольку нецелесообразно упоминать имя Нагана, а присвоить винтовке имя одного С. Мосина было бы несправедливым, то пусть этот образец будет без имени, но во всяком случае русской винтовкой. Александр III, однако, не утвердил и этого названия: слово «русская» было выброшено.

Винтовка Мосина осталась безымянной. Но такова была судьба и многих других изобретателей, заслуги которых перед страной царское правительство не стремилось увековечить тем или иным путем. Советский народ, Красная Армия не забудут талантливого русского оружейника, впервые создавшего отечественную винтовку, которая и до сих пор состоит на вооружении нашей армии.

И. ПОРТНОЙ

ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ

(К 35-летию со дня казни)

После кровавой расправы царизма с петербургским пролетариатом в январе 1905 г. революционное движение охватывало все большие массы пролетариата в различных частях Российской империи. К осени оно охватило всю страну. Нараставшее массовое политическое движение пролетариата подняло за собой отдельные части флота и армии, являвшихся опорой царизма. Героическое восстание матросов броненосца «Князь Потемкин-Таврический» в июне 1905 г. «сделало для рабочих, крестьянских и особенно самих солдатских и матросских масс более понятной и близкой мысль о присоединении армии и флота к рабочему классу, к народу»¹. Одно за другим вспыхивают вооруженные выступления военных частей и экипажей армии и флота, самым крупным из которых было Севастопольское восстание 11—15 ноября 1905 г.², возглавляемое лейтенантом Шмидтом.

В ноябрьские дни 1905 г. Владимир Ильич писал о Севастопольском восстании в большевистской газете «Новая жизнь»: «Эскадра отказалась уйти в море и грозит городу, если попробуют усмирять восставших. Командование «Очаковым» принял лейтенант в отставке Шмидт, отставленный за «дерзкую» речь о защите с оружием в руках свобод, обещанных в манифесте 30 (17) октября»³.

* * *

Петр Петрович Шмидт родился 5 февраля 1867 г. в Одессе, в семье морского офицера, дослужившегося впоследствии до чина контр-адмирала. Позднее он переехал в Бердянск, где его отец служил градоначальником, и там поступил в гимназию. Еще с детских лет Шмидт проявляет большие способности в различных науках, музыке, рисовании. Но более всего он любил морское дело. Дальнейшее образование Шмидт получил в Петербурге, в Морском училище. Здесь в 80-х годах он знакомится с революционными кружками. Он с увлечением читал произведения Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

В эти годы Шмидт научился страстно ненавидеть царское самодержавие. Но лишенный теоретической марксистской подготовки, он не представлял ясно того пути, который должен был привести трудящихся к полному освобождению от буржуазно-помещичьего гнета, и допускал поэтому ошибки и колебания в своей революционной деятельности.

Завершив Морское училище, Шмидт осенью 1886 г. приехал в отпуск к отцу в Бердянск, где поступил рабочим на завод сельскохозяйственных орудий. Там он впервые познакомился с тяжелым трудом и

¹ История ВКП(б), краткий курс, стр. 58—59.

² Все даты приводятся по старому стилю.

³ Ленин. Соч., т. VIII, стр. 395.

жизнью рабочих. Но отпуск окончился, и Шмидт вернулся обратно в Петербург.

Личная жизнь Шмидта сложилась весьма трагично. Большое горе доставила Шмидту неудачная женитьба на абсолютно чуждой ему по взглядам женщине, которая писала на него доносы в охранку и грязные пасквилы в черносотенную прессу.

Любовь к морю привела к тому, что Шмидт 18 лет непрерывно плавал на разных кораблях, почти целиком отрываясь от близкого соприкосновения с событиями, развертывавшимися в стране. Под командой известного мореплавателя С. О. Макарова¹ Шмидт участвовал в экспедиции к Северному полюсу на ледоколе «Ермак», где показал себя бесстрашным и способным моряком. Вернувшись из полярной экспедиции, Шмидт по собственному желанию переводится в Черноморский флот.

Невыносимый казарменно-полицейский режим в военно-морском флоте и гнилая атмосфера кастовости и тупой муштры матросов, заполнявшие жизнь морского офицерства, заставили Шмидта оставить военную службу и перейти в торговый флот. Об этом периоде его жизни мы знаем немного. Известно, что он плавал капитаном на пароходах «Кострома» и «Диана» и уже тогда пользовался огромной популярностью и любовью среди матросов. Шмидт активно выступал против неслыханной системы издевательств, муштры и кулачной расправы с матросами, которая пасаждалась во флоте. Любителей «мордобития» он немедленно списывал на берег в первом же попавшемся порту и при этом неизменно повторял: «Мордошлепам» у меня места нет! Я от них ушел с военной службы. Здесь только свободный матрос — гражданин, строго подчиняющийся своим обязанностям во время службы»².

Лейтенант Шмидт был очень чуток к матросским нуждам и поддерживал тесную дружбу с командой. Особенное внимание уделял он учебе матросов и их культурному воспитанию. По его приказу штурманы занимались с малограмотными матросами в специально назначенное для этого время, причем учебники и учебные принадлежности приобретались за счет парохода. Сам Шмидт читал команде произведения Некрасова, проводил беседы о восстании декабристов и т. д. Наряду с этим он требовал исправного и четкого выполнения морского устава. Особенно требовательно он относился к команде во время плавания, при исполнении обязанностей на вахте.

Шмидт был великолепным знатоком морского дела и одним из самых культурных капитанов русского флота, умело пользовался новейшими приемами в навигации и астрономии. Он отличался исключительным личным мужеством, бесстрашием и отвагой. Один из его сослуживцев рассказывает, что только в результате решительности и мужества Шмидта удалось однажды спасти пароход «Диана», потерпевший аварию. «Диана», на которой Шмидт был капитаном, шла поздней осенью из Риги в Одессу. Условия плавания были чрезвычайно тяжелыми, и Шмидт в течение двух суток не сходил с капитанского мостика. Когда погода улучшилась, его сменил помощник. Шмидт лег спать, попросив разбудить его в случае опасности. Неожиданно «Диана» попала в полосу тумана, а помощник, переоценив свои способности и знания, не разбудил капитана. Пароход налетел на подводный камень у острова Мен. Началась паника. Однако Шмидт успокоил команду, и все начали делать то, что надлежало, ибо все почувствовали, что на пароходе есть опытный капитан. На третий день после катастрофы положение «Диа-

¹ Погиб на броненосце «Петропавловск» в русско-японскую войну в чине вице-адмирала.

² Б. И. Карнаухов-Краухов. Красный лейтенант. Москва, 1926 г., стр. 17.

ны» стало все же настолько опасным, что Шмидт приказал команде и помощникам грузиться в шлюпки и выбрасываться на берег. Сам он категорически отказался покинуть корабль. В конце концов пароход был спасен. В своем донесении об аварии Шмидт всячески оправдывал помощника и принимал вину на себя.

С началом русско-японской войны (1904—1905 гг.) Шмидт был призван из запаса в военно-морской флот и назначен старшим офицером на угольный транспорт «Иртыш», который должен был отойти из Либавы на Дальний Восток вслед за эскадрой Рождественского. Перед выходом эскадры в море предполагался императорский смотр в Ревеле. Туда направился и транспорт «Иртыш». Из одного канала в другой «Иртыш» выводили два буксирных катера. Нужно было сделать крутой поворот. Во время разворачивания буксир лопнул, и транспорт полным ходом пошел к берегу, подвергаясь опасности разбиться. Катастрофу предупредил лейтенант Шмидт. Он взял в свои руки управление кораблем и буксирами и спас корабль⁶. Этот случай еще раз свидетельствует о большом мужестве, решительности и способностях лейтенанта Шмидта.

Направляясь затем на Дальний Восток, Шмидт тяжело заболел, был списан с корабля в Порт-Саиде и возвращен в Россию. Матросы «Иртыша» с горечью расставались с ним. После выздоровления Шмидт был назначен командиром миноносца № 253, стоявшего постоянно в Измаиле, на Дунае.

В это время в стране бурно нарастали революционные события. Шмидт был оторван от этих событий. Он не мог принять в них участия, а следовательно, не мог иметь ясного представления о сущности развернувшегося в стране движения, его целях, путях и движущих силах. Но он не мог оставаться пассивным. Шмидт писал статьи в радикальные газеты, связался письмами и лично со многими моряками-черноморцами, создал «Союз офицеров — друзей народа», внимательно прислушивался к тем сведениям, которые доходили до него о событиях в Севастополе и во всей России.

В августе 1905 г. Шмидт со своим миноносцем переводится в Севастополь. Его быстро захватывает небывалый революционный подъем, которым были охвачены массы моряков, рабочих и солдат Севастопольского гарнизона. В октябрьские дни 1905 г. Шмидт был единственным офицером, который появлялся на митингах, собраниях и даже выступал на них. Во время всеобщей политической стачки в России (октябрь 1905 г.), показавшей силу и мощь пролетарского движения, Шмидт организовал первый в Севастополе легальный митинг, на котором разъяснял огромное значение всеобщей стачки. Утром 18 октября в Севастополе был получен текст царского манифеста о «даровании свободы». Шмидт выступил на многотысячном митинге с речью, в которой говорил о том, «кто и как завоевал свободу и кто и как может ею воспользоваться, если мы, рабочие, не доведем своих требований до конца»⁷. Вечером массовая, но безоружная демонстрация трудящихся Севастополя направилась к городской тюрьме. От имени собравшихся Шмидт вступил в переговоры с тюремным начальством о немедленном освобождении политических заключенных. Тюремщики обещали через полчаса выпустить заключенных. Но внезапно ворота тюрьмы распахнулись, и демонстрация была обстреляна солдатами. Несколько человек было убито, многие ранены.

Под давлением массовых протестов со всех концов России царский министр С. Витте вынужден был дать согласие на похороны жертв пре-

⁶ «Современник», кн. 9 за 1913 г., стр. 119—120.

⁷ «Красный архив», т. I за 1922 г., стр. 347.

дательского расстрела. Похороны состоялись 20 октября и превратились в грозную демонстрацию. На кладбище перед братской могилой выступил лейтенант Шмидт. Показывая на трупы убитых, он говорил:

«Клянемся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за сохранение свободы нашей.

Клянемся им в том, что свою свободную общественную работу — мы всю отдадим на благо рабочего, неимущего люда.

Клянемся им в том, что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а что мы все отныне будем равными, свободными братьями великой, свободной России.

...Клянемся им в том, что, если нам не будет дано всеобщее избирательное право, мы снова провозгласим великую Всероссийскую забастовку».

Повторяемое всей массой демонстрантов «Клянусь!» грозным эхом раскатывалось по окрестностям⁸.

Эта историческая клятва трудящихся и матросов Севастополя быстро облетела тогда всю Россию и сделала широко известным имя лейтенанта Шмидта. Сам он в тот же вечер был арестован по приказу вице-адмирала Черноморского флота Чухнина и заключен под стражу на броненосце «Три Святителя».

В ответ на арест Шмидта севастопольские рабочие избрали его своим «пожизненным депутатом». Вдохновленный этим свидетельством доверия и популярности среди рабочих, Шмидт написал следующие строки:

«Я — пожизненный депутат севастопольских рабочих. Понимаете ли, сколько счастливой гордости у меня от этого звания. «Пожизненный». Этим, они хотели, значит, меня выделить из своих депутатов, подчеркнуть мне свое доверие на всю мою жизнь. Показать мне, что они знают, что я всю жизнь положу за интересы рабочих и никогда им не изменю до гроба... Я должен это ценить вдвое, потому что, что может быть более чуждым, как офицер для рабочих? А они сумели своими чуткими душами снять с меня ненавистную мне офицерскую оболочку и признать во мне их товарища, друга и носителя их нужд на всю жизнь. Не знаю, есть ли еще кто нибудь с таким званием, но мне кажется, что выше этого звания нет на свете. Меня преступное правительство может лишить всего, всех их глупых ярлыков: дворянства, чинов, прав, состояния, но не во власти правительства лишить меня моего единственного звания отныне: пожизненного депутата рабочих»⁹.

Царским властям пришлось вскоре освободить Шмидта из-под ареста, но при этом он был уволен со службы.

К этому времени революционное движение среди рабочих, матросов и солдат Севастополя достигло наивысшего напряжения. В массах зрела большевистская идея вооруженного восстания. Матросы и солдаты стали появляться на рабочих митингах сперва как слушатели, жадно ловившие каждое слово выступавших, а потом и в качестве ораторов. Военные власти решили принять энергичные меры к пресечению общения матросов и солдат с рабочими и запретили им участвовать на митингах.

11 ноября должен был состояться очередной митинг. Вице-адмирал Чухнин приказал сводной роте из матросов и солдат не допускать воен-

⁸ «Правовая жизнь» № 1 за 1906 г., стр. 4

⁹ «Красный архив», т. I за 1922 г., стр. 348.

нослужащих на митинг и разогнать его. Об этом событии В. И. Ленин следующим образом рассказывал в своем «Докладе о революции 1905 года»:

«Утром 24 ноября¹⁰ 1905 года у ворот флотских казарм была выставлена боевая рота в полном боевом снаряжении. Контр-адмирал Писаревский отдал во всеуслышание приказ: «Не выпускать никого из казарм! В случае неподчинения стрелять». Из роты, которой был отдан этот приказ, вышел матрос Петров, зарядил на глазах у всех свою винтовку, одним выстрелом убил подполковника Штейна из Брест-Литовского полка, а вторым выстрелом ранил контр-адмирала Писаревского. Раздалась команда офицера: «Арестуйте его!» Никто не двинулся с места. Петров бросил свое ружье на землю. «Чего стоите? Берите меня!». Он был арестован. Стекавшиеся со всех сторон матросы бурно требовали его освобождения, заявляя, что они за него ручаются. Возбуждение достигло апогея.

— Петров, не правда ли, выстрел произошел случайно? — спросил офицер, чтобы пайти выход из создавшегося положения.

— С какой стати случайно! Я вышел вперед, зарядил и прицелился, разве это случайно?»¹¹.

Петров был освобожден. Матросы арестовали и обезоружили всех дежурных офицеров. К революционным матросам присоединились солдаты Брестского полка. Обещали поддержку и артиллеристы. Одними из первых выступили матросы крейсера «Очаков». Многие из них являлись квалифицированными рабочими, и естественно, они были особенно восприимчивы к большевистской агитации. Всех офицеров крейсера восставшие матросы спустили на берег или заперли на крейсере в качестве заложников. В Севастополе был создан Совет матросских, рабочих и солдатских депутатов.

Вспыхнувшее восстание уже нельзя было остановить никакими средствами. Однако руководить восстанием было некому, ибо в Севастополе не было тогда крепких большевистских организаторов. Руководство севастопольской социал-демократической организацией захватили в этот период меньшевики. Меньшевики пытались удержать массы от восстания, настаивая на «мирном», «бескровном» выступлении. Тогдашние руководители севастопольской социал-демократической организации Вороницын, Смидович, Карпинская занимались бесконечными дискуссиями, ожидали директив «сверху» тогда, когда революционные массы требовали решительных действий. Они позволили Чухнину разоружить флот и стянуть в Севастополь войска из Одессы, Симферополя и Ека-теринослава.

Товарищ Сталин в своем заключительном слове на VII Пленуме ИККИ подверг беспощадной критике эту тактику меньшевистских руководителей севастопольской социал-демократической организации в 1905 г. «Дело происходит в Крыму, — говорил товарищ Сталин, — во время восстания флота и пехоты. Приходят представители флота и пехоты и говорят социал-демократам: вы нас звали за последние годы к восстанию против царизма, мы убедились, что ваш призыв правилен. мы, матросы и пехота, сговорились восстать и теперь обращаемся к вам за советом. Социал-демократы исполнились и ответили, что они не могут решить вопроса о восстании без специальной конференции. Матросы дали понять, что медлить нельзя, что дело уже готово, и если они не получают прямого ответа от социал-демократов, а социал-демократы не

¹⁰ Дата здесь дана по новому стилю.

¹¹ Ленин. Соч., т. XIX, стр. 350.

возьмутся за руководство восстанием, то дело может провалиться. Матросы и солдаты ушли в ожидании директив, а социал-демократы созвали конференцию для обсуждения вопроса. Взяли первый том «Капитала», взяли второй том «Капитала», взяли, наконец, третий том «Капитала». Ищут указаний — насчет Крыма, Севастополя, насчет восстания в Крыму. Но ни одного, буквально ни одного указания не находят в трех томах «Капитала» ни о Севастополе, ни о Крыме, ни о восстании матросов и солдат. Перелистывают другие сочинения Маркса и Энгельса, ищут указаний, — все равно никаких указаний не оказалось. Как же тут быть? А матросы уже пришли, ждут ответа. И что же? Социал-демократам пришлось признать, что при таком положении вещей они не в силах дать какого бы то ни было указания матросам и солдатам»¹².

Тогда восставшие решили обратиться к самому популярному в то время человеку в Севастополе — лейтенанту морской службы Шмидту — с просьбой возглавить восстание. Он долгое время отказывался от этой ответственной роли, доказывая, что вооруженное восстание без активной поддержки в других местах России обречено на гибель. Оставаясь противником вооруженного восстания в этот момент, он, убедившись, что развитие событий зашло так далеко, что не может быть и речи о прекращении восстания, а восставшим необходим опытный военный руководитель, согласился принять командование восставшими экипажами.

«Когда я вступил на палубу «Очакова», — говорил Шмидт уже в дни суда, — то, конечно, с полной ясностью понимал всю беспомощность этого крейсера, безбронного, с машиной, которая едва могла дать 8 узлов ходу, и без артиллерии, там имелось всего две рукоятки от 6 дм. орудий, остальные орудия действовать не могли»¹³. Я понимал всю беспомощность крейсера, неспособного даже к самообороне, а не только к наступательным действиям, неспособного даже уйти от опасности»¹⁴.

Ближайшими сподвижниками Шмидта были три матроса, выбранные в качестве командиров: Сергей Частник — командиром «Очакова», Александр Гладков — старшим механиком и Никита Антоненко — старшим артиллеристом. Это были храбрые люди, с которыми Шмидт прошел весь свой боевой путь от начала восстания до казни на острове Березани.

В ночь с 14 на 15 ноября восставшие захватили минный крейсер «Гридень», контр-миноносец «Свирепый», миноносцы за номерами 265, 268 и 270. Все они были выведены на рейд и отведены к «Очакову», а находившиеся на них офицеры арестованы.

Утром 15 ноября десятки тысяч людей, столпившиеся на приморском бульваре, Графской пристани и других возвышенных пунктах Севастополя, увидели, как на грот-мачте крейсера «Очаков» гордо взвился красный флаг, а за ним взметнулись сигнальные флажки: «Командую флотом. Шмидт». После торжественного подъема флага Шмидт в сопровождении оркестра и группы матросов спустился на контр-миноносец «Свирепый» и медленно проследовал мимо броненосцев. Он стоял на командирском мостике миноносца и выступал с речью перед экипажами каждого корабля, призывая матросов к вооруженному восстанию. Но команды броненосцев, запуганные и сбитые с толку офице-

¹² Сталин. Об оппозиции, стр. 505—506.

¹³ 14 ноября Чухнин успел разоружить эскадру, приказав снять с орудий замки и ударники. Лишь на «Очакове» оказалось несколько исправных орудий.

¹⁴ См. «Речь П. П. Шмидта на суде». Сб. «Лейтенант П. П. Шмидт, письма, воспоминания, документы» под ред. и с предисл. Вл. Максакова. «Новая Москва», 1922, стр. 244.

рами, колебались. Над некоторыми кораблями появлялись красные флаги, но офицеры немедленно их заменяли андреевскими. Только броненосец «Потемкин», переименованный царским командованием в «Святого Пантелеймона», открыто присоединился к революционной эскадре и поднял красный флаг. Однако никакой реальной помощи восставшим «Потемкин» не смог оказать, ибо ударники, замки орудий и даже винтовки с броненосца были предварительно отобраны Чухниным и свезены на берег.

Обойдя эскадру, Шмидт направил миноносец к пловучей тюрьме «Прут», арестовал офицеров и освободил арестованных потемкинцев, лично расковыная им кандалы.

В это время на улицах города расклеивалось следующее объявление: «В случае каких-либо насильственных действий со стороны казаков по отношению к гражданам, я буду вынужден принять решительные меры. Командующий Черноморским флотом Шмидт». Другое объявление гласило: «Если мои люди, арестованные властями, не будут освобождены или с ними учинено будет какое-либо насилие, то я также поступлю с офицерами, находящимися у меня на борту крейсера, начну по старшинству. Командующий Черноморским флотом Шмидт».

Кроме этого, Шмидт обратился со следующей ультимативной телеграммой к Николаю II: «Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и перестает повиноваться вашим министрам. Командующий флотом гражданин Шмидт».

После этого лейтенант Шмидт приказал прекратить всякое движение морем в районе Севастополя и на требования Чухнина сдаться поднял сигнал: «Я не сдамся», и навел орудие «Очакова» на флагманский корабль «Ростислав». Заметив, что на берегу готовятся к наступлению, Шмидт поднял сигнал: «Имею много пленных офицеров», и выставил офицеров на палубе корабля. Он наивно думал, что царские войска не откроют огонь по «Очакову», чтобы не убить своих офицеров. Однако Чухнин и Меллер-Закомельский не посчитались с этим. Они стянули в объявленный на военном положении Севастополь многочисленные войска. Для борьбы с восставшими царские сатрапы применили свой излюбленный метод — провокацию. По их указанию был открыт огонь по мирно настроенным солдатам крепостной артиллерии, а офицеры уверили их, что это стреляет «Очаков». Солдаты поверили офицерам и согласились начать обстрел революционной эскадры.

Военные действия начались с того, что правительственная канонерка «Терец» под командой старшего офицера Михаила Ставраки (товарища Шмидта по морскому училищу)¹⁵ открыла огонь по катеру, посланному очаковцами для того, чтобы буксировать к «Очакову» транспорт «Буг», имевший большой запас взрывчатых веществ. Предательский выстрел «Терца» послужил сигналом к долгому и ожесточенному обстрелу восставших кораблей и флотских казарм мощной артиллерией крепости и броненосцев. Безоружный «Потемкин» после первых же выстрелов опустил свой флаг, и тогда огонь был сосредоточен главным образом по «Очакову».

Заняв боевую рубку и расставив команду по своим боевым местам, Шмидт принял бой, и орудия «Очакова» стали обстреливать крепость и броненосец «Ростислав». Однако «Очаков» стоял на якоре на виду всей эскадры, со всех сторон окруженный батареями крепости. Еще

¹⁵ Шкурник и карьерист Михаил Ставраки через 4 месяца после этого командовал расстрелом Шмидта, Чащинка, Антоненко и Гладкова на острове Березани. В апреле 1923 г. он был расстрелян по приговору Выездной Сессии Военной Коллегии Верховного Суда РСФСР (см. В. Воробьев «Два лейтенанта». Москва, 1926 г.).

не совсем законченный постройкой, без броневого обшивки, без всех орудий, он слабо отвечал на ураганный огонь со всех сторон. Несмотря на это, очаковцы свыше трех часов мужественно обороняли революционный крейсер. Но затем «Очаков» был охвачен огнем от попавших в него снарядов и вынужден был прекратить стрельбу. Команда начала бросаться в море. Матросов, пытавшихся спастись вплавь, безжалостно расстреливали, а добравшихся к берегу — закалывали штыками. Одним из последних покинул «Очаков» Шмидт. Он бросился в воду и вскоре был подобран офицерами с «Ростислава». Его привели в кают-компанию. Босой, окровавленный, в солдатской шинели, он стоял перед пьяными офицерами, выдерживая бесчисленные издевательства озверевших врагов.

Севастопольское восстание потерпело неудачу, но оно вызвало могучий отклик среди рабочих различных городов и в армии. Рабочие решительно требовали от правительства полной амнистии для севастьянских матросов. Они пытались не допускать подвоза войск в Севастополь, пытались помешать зверской расправе с восставшими. Под влиянием севастьянских событий харьковские рабочие объявили 15 ноября всеобщую политическую стачку. Среди трудящихся города распространялось воззвание Харьковского комитета РСДРП со следующими словами: «Восстание матросов — сначала кронштадтских, потом севастьянских — направлено против того же гнусного самодержавия, против которого боремся мы; дело матросов — наше дело; восставшие матросы — наши товарищи. Мы не можем позволить царскому правительству расстреливать борцов за свободу, мы требуем полной амнистии кронштадтских и севастьянских матросов, употребим все усилия, чтобы не дать царскому правительству учинить над ними кровавую расправу. Мы требуем полной амнистии, долой смертную казнь!»¹⁶. В специальной прокламации для солдат Харьковского гарнизона большевики разъясняли им необходимость борьбы с самодержавием для того, чтобы спасти «севастьянских матросов, которые восстали против правительства и которым угрожает расстрел»¹⁷.

Большевики и рабочие Полтавы, Луганска, Киева и других городов также присоединили свои голоса в защиту арестованных моряков и солдат Севастополя. Большевистская агитация среди солдат, возбужденных севастьянскими событиями, не замедлила дать свои результаты. 18 ноября вспыхнуло вооруженное выступление солдат 3-й саперной бригады в Киеве, а за этим последовали волнения в Богодуховском и Старобельском пехотных полках (в Харькове), волнения в Лебединском пехотном полку (Чугуев) и др. Мощный подъем революционной борьбы российского пролетариата привел к декабрьскому вооруженному восстанию в Москве, в Новороссийске, Горловке, Луганске и в других городах. Но эти разрозненные восстания потерпели неудачу.

Царское правительство поспешило воспользоваться поражением декабрьского восстания, для того чтобы подыскать безопасное место для суда и расправы над участниками севастьянского восстания. Ни Севастополь, ни Одесса для этой цели не годились. Эти города были очагами забастовок и вооруженных выступлений против самодержавия. Царские сапаны решили судить очаковцев в заброшенном крепостном городке Очакове, который во время процесса был наводнен отрядами жандармов, патрулями казаков и специально переодетыми в морскую форму шпиками одесской охранки.

¹⁶ Архив Киевского областного Музея Революции, инв. № 1830.

¹⁷ Центральный Архив Революции СССР, фонд канцелярии Харьковского ген.-губернатора, секретный стол, 1905 г., д. № 1—396, л. 5.

Лейтенант Шмидт 19 ноября 1905 г. был доставлен в Очаковскую крепость и помещен в каземат морской батареи. «С прибытием Шмидта,— записал в летопись Очаковского собора его настоятель,— в Очакове началась между нижними чинами пропаганда революционных идей и распространение прокламаций такого же содержания»¹⁸. Действительно, ноябрьское восстание в Севастополе вслед за потемкинским восстанием в июне того же года оказало огромное революционизирующее влияние на части армии и флота. О той популярности и любви, какой пользовался Шмидт среди матросских и солдатских масс, свидетельствует то, что несколько раз группы солдат, охранявших его, предлагали ему бежать и принимали на себя всю ответственность за последствия. Но Шмидт отклонял предложения о побеге, желая полностью разделить участь своих боевых товарищей — матросов. Солдаты-артиллеристы очаковской крепости составили подробный план освобождения Шмидта и пытались для этого связаться с моряками Севастополя. Однако начавшаяся 19 ноября Всероссийская почтово-телеграфная забастовка лишила их возможности непосредственно снестись с Севастополем. Тогда они попытались осуществить эту связь через Николаев. Но телеграфная переписка между Очаковым и Николаевым была обнаружена агентом охраны и попала в руки жандармерии.

Находясь в каземате, Шмидту все же удалось отправить телеграмму Черноморскому флоту в день традиционного праздника Андреевского флага. Телеграмма была доставлена по назначению. Несколько работников телеграфа Очакова, Севастополя и Одессы в связи с этим были преданы суду и сосланы в Сибирь.

По приказанию Николая II, требовавшего немедленной расправы с «опасными бунтовщиками», дело Шмидта, Частника, Гладкова, Антоненко и группы активных очаковцев было выделено из общего дела восставших матросов и солдат.

7 февраля 1906 г. в крепости Очаков перед военно-морским судом предстали: лейтенант П. П. Шмидт, кондуктор (старший баталер) С. П. Частник, машинист А. И. Гладков, комендор Н. Г. Антоненко и с ними еще 37 подсудимых. В состав суда были специально введены командиры тех военных кораблей, которые расстреливали восставший крейсер «Очаков» и примкнувшие к нему суда. Засида настаивала на отводе судей, но суд отклонил это ходатайство. Точно также было отказано Шмидту в вызове дополнительных свидетелей.

Лицемерная комедия царского «правосудия» тянулась двенадцать дней, хотя с самого начала приговор был предreshен. На суде Шмидт и матросы держались с большим мужеством. В своем последнем слове Шмидт ярко обличал царское самодержавие и его произвол и с исключительной смелостью говорил о той грозной силе, которая стоит за восставшими очаковцами и продолжит их дело. «Да, с нами русский народ, — говорил он на суде, — да, с нами русский народ весь своею стомиллионной громадою. Он, истощенный и изнемогающий, голодный, изрубцованный казацкими нагайками. Он, этот народ, с засеченными стариками и детскими трупами, как страшный призрак печеловеческих страданий, простирал ко мне руки и звал... Не горсть матросов, нарушивших дисциплину, и не гражданин Шмидт перед вами. Перед вами здесь на скамье подсудимых вся 100-миллионная Россия, ей вы вынесете свой приговор, она ждет вашего решения»¹⁹.

¹⁸ Одесский Обл. Исторический Архив, ф. 1461. «Летопись Очаковского Святителя Николая собора», л. 26.

¹⁹ Лейтенант П. П. Шмидт. Письма, воспоминания, документы под редакцией и с предисловием В. Л. Макакова. Москва, 1922 г., стр. 245—248.

Речь Шмидта была так сильна и убедительна, что солдаты, охранявшие подсудимых, забыли о своих обязанностях и, отставив в сторону винтовки, плакали, за что потом также были преданы суду. Сергей Частник в своем последнем слове сказал о том, что он от царских судей не ждет пощады и не желает ее. Многие матросы от последнего слова отказались.

По прямому указанию Николая II военно-морской суд присудил Шмидта к повешению, Частника, Гладкова и Антоненко — к расстрелу, а остальные матросы были осуждены на разные сроки каторги.

Однако, как оказалось, приговор не так легко было привести в исполнение. Комендант Очаковской крепости генерал-майор Григорьев через командующего Одесским военным округом Каульбарса донес Чухнину о том, что среди населения Очакова не нашлось желающих казнить лейтенанта Шмидта, несмотря на крупное денежное вознаграждение. Вице-адмирал Чухнин был вынужден заменить повешение расстрелом. Расстрелять Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко было приказано матросам канонерской лодки «Терец», которой командовал уже упомянутый выше лейтенант Ставраки. Команде матросов в затылок поставили строй солдат, которые в случае отказа матросов стрелять по приговоренным должны были стрелять по матросской команде. Кроме того, если и матросы и солдаты откажутся приводить приговор в исполнение, то по ним должны были открыть огонь артиллерия «Терца» и береговое орудие, направленное на остров Березань.

Ранним утром 6 марта 1906 г. на острове Березани, вблизи Очакова, состоялась казнь. «Мужество не покинуло осужденных на месте казни, — свидетельствует даже такой очевидец расстрела, как протоиерей Бартенев. — К столбам стали сами не только без принуждения, стали без приказа. Шмидт распростер руки и умер после первого залпа: то же было и с Частником, Антоненко и Гладков были в агонии и после третьего залпа. Добивали отдельными выстрелами в упор. У столбов просили стрелять в сердце: «Не мучьте, товарищи, бейте в сердце», — говорили матросы. Стреляли 48 матросов с «Терца». Солдаты и офицеры были взволнованы, матросы плакали, некоторые всхлипывали. Один мионер свалился. Вообще кончилось тихо и мирно. А у начальства морского были большие опасения»²⁰.

Эти опасения были не напрасны. В тот же день произошли новые революционные выступления на кораблях и в воинских частях.

* * *

Ноябрьское восстание 1905 г. в Севастополе, возглавляемое лейтенантом Шмидтом, потерпело поражение. Царскому правительству удалось организовать победу «... бессознательного и скованного дисциплиной войска над армией свободы в Севастополе...»²¹.

Став на путь вооруженного восстания, матросы и солдаты Севастополя не пошли этим путем с необходимой решительностью и последовательностью, они проявляли много колебаний, мягкотело относились к своим врагам-офицерам, допустили гибельное для восстания промедление. «Восставшие матросы и солдаты были еще слишком мирно, благодушно настроены, нередко они делали ошибку, освобождая арестованных в начале восстания офицеров, и давали себя успокоить обещаниями и уговорами начальства»²².

²⁰ Одесский Обл. Исторический Архив, ф. 1461. «Летопись Очаковского Святителя Николая собора», л. 27.

²¹ Ленин. Соч., т. VIII, стр. 398.

²² История ВКП(б), краткий курс, стр. 77.

У восставших масс не оказалось подлинного руководителя — крепкой большевистской организации. Это позволило меньшевикам, окопавшимся в севастопольской социал-демократической организации, творить свое подлое дело. Направляя события по «мирному пути», они тем самым помогали контрреволюции разгромить восстание.

Владимир Ильич Ленин, анализируя севастопольские события в статье «Чашки весов колеблются», писал: «Эти события говорят о том, что революционный народ неуклонно расширяет свои завоевания, поднимая новых борцов, упражняет свои силы, улучшает организацию и идет вперед к победе, идет вперед неухватимо, как лавина... Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем. Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо»²³.

Лейтенант Шмидт, этот пламенный патриот своей родины и мужественный борец за дело народа, не смог стать подлинным руководителем восставших матросов и солдат. Из-за незрелости своего политического мировоззрения, оставаясь революционером-демократом, он полагал, что к социализму можно перейти мирным путем, без социалистической революции и диктатуры пролетариата. Но он горячо откликнулся на призыв революционных масс и бесстрашно возглавил вспыхнувшее восстание. Чувство безграничной любви к своему народу, глубокая вера в победу народных масс не покидали его до последней минуты жизни.

²³ Ленин. Соч., т. VIII, стр. 398—399.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Первая военно-медицинская школа на Руси

(Середина XVII в.)

В 1653 г., когда Земский собор в Москве решил готовиться к войне с Польшей, в числе вопросов, связанных с предстоящей войной, был поставлен и вопрос о массовой медицинской помощи во время военных действий. До этого времени народные массы Московского государства обходились своими лекарями и знахарями, и только двор и верхи общества пользовались услугами европейских специалистов, которых правительство выписывало, не жалея средств. Военные врачи появились в Москве в иноземных наемных полках, да кое-кто из врачей посылался в армию во время войны.

Очень характерен ответ архангельского воеводы в 1641 г. приехавшему без вызова московского правительства «дохтуру Антонину Андрыкосу», испанцу по происхождению и просившему на границе пропуск в Москву. Из Москвы велено было ему в пропуске отказать и объяснить отказ следующими словами: «Мы великий государь с окрестными государствами мирны, а ему (т. е. Андрыкосу) в нашем государстве без службы быть не для чего»¹.

Однако в 1653 г. в связи с войной понадобились и врачи. Врачи-иноземцы были и дороги и неудобны для массового обслуживания по незнанию русского языка. Пришлось подумать о подготовке своих, «русских лекарей», для чего надо было открыть первую в Московском государстве медицинскую школу. В конце 1653 г. или самом начале 1654 г. правительством был издан указ, которым предписывалось «в Аптекарский приказ брать в ученье лекарского дела стрельцов и стрелецких детей и иных всяких чинов, не из служилых людей»². Так как врачи были нужны для армии, для «лечбы» «ратных» людей, то правительство и призвало в свою школу прежде всего военных. Вслед за указом общего характера в Стрелецкий приказ была послана специальная «память» — отношение, которым предписывалось приказу выделить 30 человек для отправки в открываемую медицинскую школу. Официальная выписка сообщает, что «В прошлом в 162-м году (т. е. 1653—1654 гг.) взято в Аптекарской приказ для ученья лекарского дела из стрельцов и стрелецких детей 30 человек»³.

Так было положено начало медицинскому образованию в России около триста лет назад.

В советской исторической литературе эта первая военно-медицинская школа почти еще не изучена и упоминалась лишь мельком⁴. Настоящая статья имеет целью дать несколько документальных данных о ней и тем самым привлечь внимание к военно-медицинской службе

¹ Лахтин Ю. М. Медицина и врачи в Московском государстве (в допетровской Руси). М. 1906 г., стр. 55.

² Новомбергский Н. Материалы по истории медицины в России, т. I. СПб, 1905 г. № 49, стр. 36, 37.

³ Материалы для истории медицины в России, вып. 3. СПб, 1884 г., № 896, стр. 728.

⁴ Змеев Л. Ф., Герман, Загоскин Н. П., Цветаев Д. и др.

в Московском государстве, занявшей очень видное место во второй половине XVII в.

Школа помещалась в Кремле, в здании Аптекарского приказа, но имела ли отдельное помещение и специальное оборудование — сказать пока нельзя. Возглавлял школу начальник Аптекарского приказа боярин Илья Данилович Милославский, административно-хозяйственной частью ведал дьяк Иван Десятов, а учебной руководил кто-то из иностранных медиков, вероятно, старейший из них «дохтур» Артман Грамон; преподавателями были иноземные «лекари». По представлениям московских людей, «дохтур», «лекарь» и «обтекарь» тесно связаны между собою, а «лекарская мудрость» делится между ними следующим образом: «дохтур совет свой дает и приказывает, а сам тому неискусен, а лекарь прикладывает и лекарством лечит, а сам неучен, а обтекарь у них у обоих повар»⁵.

В 1654 г. на службе в Аптекарском приказе было несколько иностранных врачей с доктором Артманом Грамоном во главе. Преподаватели-иностранцы большей частью не знали русского языка и нуждались в переводчиках — «толмачах». В 1654 г. в Аптекарском приказе было 4 переводчика.

Основу школы составляли 30 учеников. До нас дошли их имена⁶, а по документам можно проследить и судьбу многих из них. Не все они одновременно окончили свою школу — одни выбыли, другие отстали, — но основная масса составила первый выпуск русских военных врачей. Происходили они частью из стрельцов, частью из стрелецких «детей». Набраны они были из более развитых и грамотных. Стрельцы-студенты были приходящими и жили «в разных приказах по стрелецким слободам у отцов своих, и у братьев, и у сродичев»⁷. Учение засчитывалось им за службу, и они обеспечивались заработной платой — денежным годовым «окладом» и «кормами», содержанием, выдававшимся также деньгами, исчислявшимся поденно. Кроме того, им выдавалось «по доброду сукну» на обмундировку.

Начиналось образование, несомненно, с теоретического знакомства с основами естествознания и медицины. Пособиями, кроме «лекций» преподавателей, могли служить переводы латинских, немецких и польских медицинских сочинений, а также записные книги докторских и аптекарских «сказок», т. е. протоколы осмотров, истории болезней, рецепты и прочие подобные документы, хранившиеся в архиве приказа. Медицинская литература в приказе имелась, но у студентов не было времени для подробного знакомства с нею: начиналась война с Польшей, а с нею и практика — множество «больных и раненых ратных людей», для «лечбы» которых они были призваны.

Школа оставалась в Москве до середины мая 1654 г., когда в поход выступил с главными силами царь Алексей Михайлович. Большая часть медицинского состава приказа, в том числе и школа, последовала за ним и расположилась в г. Вязьме, главной квартире русской армии.

Из 30 учеников в Вязьму было взято 25 человек, при них 4 толмача и 3 служителя. 11 мая им всем было выдано «доброе сукно» «для вяземской службы». Сохранившаяся служебная записка об этой выдаче является очень ценным документом: она содержит именной список основной массы первых учеников (25 человек), толмачей и служителей⁸. В дальнейшем ученики разделились на группы с иноземными врачами во главе. Один такой отряд из 6 учеников находился в «пол-

⁵ Любименко Н. И. Врачебное и лекарственное дело в Московском государстве. «Русский исторический журнал», кн. 3—4, т. II, 1917 г., стр. 7.

⁶ Новомбергский, т. II, № 5, стр. 2.

⁷ Материалы, вып. 3, № 809, стр. 704—705.

⁸ Новомбергский, т. II, № 5, стр. 2.

ку» воеводы Шереметева⁹. Большая часть оставалась при главной квартире, в Вязьме, в «большом» полку самого царя.

Военные действия начались в июне и шли очень удачно: к сентябрю были заняты русскими войсками многие города Белоруссии и Литвы. Соответственно развитию военных действий увеличивалось и число раненых и больных. Своих врачей не хватало, и правительство призвало на службу врачей и аптекарей завоеванных городов: Шклова, Копыса, Полоцка, Могилева, Смоленска¹⁰. Также частью были взяты, частью закуплены в этих городах запасы лекарств.

Воеводы просили «лекарий» и лекарств в полки. Для образца приведем челобитную воеводы «Шереметева с товарищи». В январе 1655 г. произошел бой с поляками, татарами и немцами в районе Белой Церкви на Украине и московских «ратных людей ранили многих», а «в полку у нас,— пишут воеводы,— лекарь один, да и лекарства у него мало, раненых лечить некому, а один лекарь лечить не успевает, и от ран многие помирают, и о лекаре, государь, и о лекарстве вели свой государевый указ учинить»¹¹.

Из справки на этой челобитной мы узнаем, что с этим «одним» лекарем было 6 человек «лекарских учеников», но они по неопытности еще не шли в счет у воевод. Состав отрядов и места назначений их менялись. Так, мы знаем, что этот медицинский отряд от Шереметева в марте 1655 г. с другим руководителем, иноземным лекарем Василием Ульфом, перебрасывается в полк Бутурлина. Воеводе при этом дается инструкция-«наказ» о наблюдении за учениками: «...и вы б им (ученикам) велели быть у лекаря у Василья Ульфоу, и велели б есте лекарю Василью Ульфову, учеников лекарскому делу учить с великим раденьем, чтобы они лекарскому делу были навичны, а лекарского дела ученикам Андрюшке Федотову с товарищи велели сказать, чтоб они лекаря Василья Ульфоу слушали и лекарскому делу учились с великим раденьем и воровства бы (т: е. непослушания) от них никаково не было, а будет они лекаря Василья Ульфоу в лекарском деле слушать не учнут, и им за то быть в наказаньи без пощады»¹².

В феврале 1655 г. царь Алексей съездил в Москву и вернулся к армии, привезя с собой, между прочим, новые запасы лекарств на 14 подводах и новых врачей, цирюльников и учеников¹³. Кроме новых «лекарских» учеников, в документах этого года встречается новая группа медицинских работников — «костоправы»-хирурги и их ученики. Опыт 1654 г. показал необходимость иметь, кроме «лекарей», еще и хирургов, и тогда же в Москве создавалась школа «костоправного дела». Так как в это время хирурги все еще считались ниже «лекарей», то и эту школу «костоправов» можно считать первой нашей средней военно-медицинской школой, возникшей почти одновременно с первой «лекарской», высшей медицинской, школой, в дополнение к ней. Указа об этой школе мы не знаем, но сведения о нем дошли до нас в челобитной одного из учеников.

Главой этой хирургической школы «костоправов» являлся русский «мастер», стрелец Первой Петров из приказа Я. П. Соловцова. Из челобитной его двоюродного брата «Ивашки Авдокимова», стрельца того же приказа, узнаем, что Петров «по указу великого государя взят был из стрельцов из Яковлева ж приказу (Соловцова) к костоправному делу в мастера в Аптекарский приказ»¹⁴.

⁹ Полк XVII в. равнялся дивизии. Байов А. К. Курс истории военного искусства, вып. 1. СПб, 1909 г., стр. 133.

¹⁰ Материалы, вып. 2, № 249—260 и вып. 3, № 638—683.

¹¹ Там же, вып. 3, № 646, стр. 632—633.

¹² Там же, стр. 635—636.

¹³ Там же, № 651, стр. 633—634.

¹⁴ Там же, № 772, стр. 678.

Ему тогда же назначили учеников; о некоторых из них имеются сведения. Теоретический курс «костоправов» был, вероятно, краток, а практику они также проходили в условиях военного времени. От первых учеников Петрова до нас сохранились документы Максимова и Дорофеева; в которых имеются данные о их обучении. Прося в 1655 г. зачислить их в «костоправы» в Аптекарский приказ, они сообщают следующее: «учились де они костоправному делу у костоправа у Первушки Петрова и костоправному делу выучились и в прошлом де в 163-м (1654—1655 гг.) и в нынешнем в 164-м (1655 г.) году были на государеве службе в полках, Ивашка Максимов у бояр и воевод у князя Якова Куденетовича Черкасского с товарищи, Степка Петров (Дорофеев) у бояр и у воевод у князя Алексея Никитича Трубецкого с товарищи и государевых ратных людей лечили». 20 декабря 1655 г. их «свидетельствовали чему горазды», т. е. экзаменовали в Аптекарском приказе, в присутствии главного начальника приказа Ильи Даниловича Милославского. На этом экзамене «костоправ Первушка Петров» подтвердил их показания и прибавил, в чем заключалась их «лечба»: «пулки вымали и раны лечили и кости ломаны правили и тому они лекарскому делу научены». По сдаче экзамена 28 декабря их зачислили «костоправами» в Аптекарском приказе¹⁵.

В 1656 г. еще не было заключено перемирия с Польшей, как началась новая война за Прибалтику со Швецией. Лекарского и «костоправного» дела ученики снова в числе 28 человек со своими руководителями — иноземными лекарями и русскими «костоправами» — были отправлены на новый фронт. До нас сохранилась полная роспись этих врачей и учеников, разделенных на три отряда, назначенных в «государев полк» и полки Трубецкого и Черкасского¹⁶. В государевом полку сосредоточились главные медицинские силы и между прочими «гортанный» лекарь «Ивашка Губин» из иноземцев.

Какого рода ранения приходилось лечить тогда, можно указать из «Росписи раненым». Приведем несколько примеров из «Росписи раненым людям, которые ранены под Ригою тежолы раны» в 1657 г.¹⁷: «Аврамова полку Лесли: Сержант Александр Косакин — перебита правая рука выше локтя, из затинной, кости выпадали. Данилова полку Краферта — солдаты Архипко Гончаров — застрелен из мушкета в затылок, пулка в нем. Стрельцы Семенова приказу Полтева, Федка Бронников — застрелен из мушкета в левой висок, пулка в нем и языком не говорит (сбоку помета — умре)».

Лекарским же ученикам приходилось иметь, кроме того, дело и с обычными болезнями, появлявшимися в войсках во время похода.

Война продолжалась, и нужда в медицинских кадрах росла. Их пополняли новыми учениками — брали всех подавших заявление, даже стрельцов, состоявших на действительной службе. Большинство желающих было из стрелецких «детей». Например, в декабре 1657 г. «стрелецкой сынишка Ивашко Авдокимов» просил принять его в ученики «костоправного дела», которому он уже «навычен» у своего двоюродного брата Первушки Петрова¹⁸.

Работать лекарям приходилось тогда в тяжелых условиях. Особенно тяготили их малые «оклады», которых нехватало для жизни во вновь завоеванных городах, постоянная задержка «кормовых» денег. Жалобами на то и другое полны челобитные, рисующие материальные и бытовые условия их авторов¹⁹. Для образца приведем челобитную толмача уче-

¹⁵ Материалы, вып. 3, № 666, стр. 644—645.

¹⁶ Там же, № 699, стр. 602—663.

¹⁷ Там же, № 632, 777.

¹⁸ Там же, № 772, стр. 678—679.

¹⁹ Там же, № 660, 667, 679.

ника Шредера, посланного в 1655 г. на зимовку в Вильну под руководством лекаря Индрика Кюстера. Указывая, что толмачи и ученики, оставшиеся в приказе, получают больше, чем находящиеся в походе, Шредер пишет: «я холоп твой перед своей братьей твоим государевым жалованьем поденным кормом оскужен и будучи на твоей государственой службе оскудал, и одолжал, и платишком ободрался, пить и есть стало нечево, помереть будет на твоей государственой службе в Вильне голодом». Челобитная была принята во внимание, и всем посланным в Вильну велено было «учинить придачи к прежним их окладам для Виленские службы»²⁰.

Так в боевой обстановке 1654—1658 гг. проходили свой курс первые военные медики. В своих челобитных они называют города, где им приходилось быть, и лекарей, с которыми работали и у которых одновременно учились. Все это были только что завоеванные города Белоруссии, Украины, Прибалтики. Таким образом, можно твердо сказать, что русская медицина родилась на полях сражений.

В 1658 г. в мае закончился основной курс обучения, и приказ подвел итоги четырехлетней работы школы, устроив нечто вроде «ускоренного» выпуска своих учеников. Часть учеников была выпущена лекарями в стрелецкие полки, а остальные оставлены в приказе для работы в нем и для посылок в «разные полки».

До нас сохранился документ об этом событии: «Лета 7166-го (1658 г.) Мая в 5 день... Государь указал лекарского дела ученикам быть в Стрелецких приказах* в лекарях, а иных лекарского дела ученикам указал государь быть в Аптекарском Приказе по прежнему, а кому имяны учеником быть в Аптекарском (несомненно, ошибка: надо читать в Стрелецком) Приказе, и тех имяна посланы в Стрелецкий Приказ»²¹.

Так была заложена основа медицинского образования в России. Родилось оно в связи с нуждами военного времени и первые шаги свои сделало на полях сражений. Первый выпуск «русских лекарей» весь разошелся по стрелецким и другим полкам для «лечбы раненых и больных ратных людей».

А. ЛЕБЕДЯНСКАЯ.

Паровой пулемет

(Из истории огнестрельного оружия)

Военные походы Наполеона не только обогатили своим опытом военное искусство, но и дали толчок военно-изобретательской мысли к дальнейшему развитию боевых средств. Возможность новых форм нападения (с воздуха) и опыты применения новых форм оружия стали все больше и больше интересоваться изобретателей в разных странах. Опыты производились одновременно на военных заводах, в научных лабораториях того времени, и даже в театрах и цирках представления связывались с будущей воздушной войной, которая, однако, стала реальностью только через сто лет.

Французский специалист Монжери в изданной в 1826 г. книге говорит, что «Изобретение паровых орудий, обравивших на себя с некоторого времени всеобщее внимание, не есть новое изобретение. Устройство их совершенно подобно устройению духовых ружей, изобретенных Стезибиусом за целое столетие до Р. Х. Огненная машина около того же

²⁰ Материалы, вып. 3, № 660.

²¹ Там же, № 835, стр. 708.

времени, описанная Героном Александрийским, могла подать мысль употребить силу паров для метания снарядов, и хотя все сии машины и многие другие были преданы совершенному забвению в смутные времена, последовавшие за падением Римской империи, но вскоре по возрождении наук и искусств духовые ружья были вновь отработаны, а в исходе XVI и в начале XVII веков появились и паровые машины...» Далее этот французский автор упоминает о «паровых орудиях (надо понимать пулеметах), бросающих до 180 пуль в минуту и сделанных в Париже в 1814 г. инженерным офицером Жираном, для употребления при обороне укреплённых мест, по предложению генерала Шасселу».

Вот что одновременно происходило в Австрии (по информации «Московских ведомостей» за 1826 г.): «Господин Франциск Беззенцны, уроженец австрийской Силезии, бывший инспектор над строениями, поселившийся в Вене, показывал 29 октября модель орудия паровой артиллерии, им изобретенного. Хотя сия модель сделана в весьма малом виде, однако же она дала зрителям ясное понятие о чрезвычайном и едва вероятном действии силы водяных паров. Печь из жести, в которой ставится паровой котел с водой, имеет форму кубическую и поставлена на двух колесах, сей снаряд и со всеми потребностями и 2 000 пуль может возить один человек, по всякой проезжей дороге. Машина, устройство которой не видно, вделана наверху печи с левой стороны, к ней привинчен ружейный ствол, в который пули сами собой опускаются посредством трубки. Пар начинает действовать через 15 минут после того, как затопится печь, стоит отвернуть задвижку — и пули полетят одна за другой. Г-н Беззенцны делал опыты то скорых, то расстановочных выстрелов. В первом случае едва можно было считать выстреленные пули. Каждая в 80 шагах расстояния пробивала доску в $\frac{3}{4}$ вершка толщиной, многие в 150 шагах пробивали насквозь две таковые доски и весьма многие, пройдя сквозь две доски, вонзились в третью доску, которая была поставлена еще немного подалее».

Основным недостатком гладкоствольных пушек, употреблявшихся тогда, была малая кучность боя. Это и вызвало искание новых форм поражения. Наиболее распространенными видами орудий в конце XVIII в. были короткоствольные мортиры, выбрасывавшие каменные и чугунные ядра для осады крепостей, и гаубицы, стрелявшие картечью с деревянных лафетов. Расстояние полета ядра не превышало 600—700 шагов. Точные приборы для расчета прицелов (кроме английских, бронзовых) были далеко не совершенны. Пушки были разных систем: заряжавшиеся с дула и со стороны «казны». Большая сложность подготовки одного выстрела не окупалась вовсе малым поражением противника. Изобретательская мысль начала деятельно работать, выискивая новые формы орудий боя, делая опыты по частоте и меткости попадания и надеясь найти в паровом пулемете замену слабо действовавшей картечи. В заряд картечи часто включали мелкий железный лом, гальку (камешки) и т. п., что, конечно, не могло явиться средством, сильно действующим на противника.

В 1825 г. испытания парового пулемета происходили в Лондоне. «По утру 6-го декабря 1825 г., — описывает корреспондент «Московских ведомостей», — рано были расставлены часовые вокруг завода парских машин г-на Перкинса, для предупреждения проезжих, чтобы они поворачивали с большой дороги и ехали по Регентову парку. В 9 часов собралось там множество офицеров и скоро прибыл герцог Веллингтон... Начались паровые выстрелы, сперва редко, потом почти непрерывно и с таким ужасным звуком, который равнялся с самым сильным громовым ударом. Стрельба продолжалась почти два часа, во все это время сила и скорость, с которой пары выбрасывали пули — удивляла зрителей... При первом опыте стреляли пулями. При втором опыте стреляли пулями

в 11 сосновых, твердых досок, каждая в вершок толщиной и расставленных на вершок одна от другой: пули пробili их все насквозь. При третьем опыте стрельба производилась в железный лист, имевший четверть вершка в толщину: пули и его равномерно пробili на вылет... По окончании сих первых опытов изобретатель показывал, с какой скоростью его машина выбрасывает пули. Для сего он привинтил к паровому орудию ствол, наполненный пулями, которые собственной тяжестью упавая в орудие, были выбрасываемы одна за другой с быстротой, докazyвавшей, что посредством нескольких стволов с пулями, прикрепленных к колесу (изобретатель показывает модель его снаряда), можно бросать по тысяче пуль в минуту. Паровое ружье, прицеленное в доску 12 футов длины, пронзило оную во всю длину пулями на вылет. ...Всего более удивило присутствовавших чрезвычайное действие пуль, выброшенных из парового ружья в кирпичную стену 18 вершков толщины; они пробili ее до половины, то есть на 9 вершков в толщину... Многие офицеры полагают, что если бы сии пули были чугунные, то пробili бы сию стену насквозь».

Соперничая между собой на право первенства в изобретении парового пулемета (который даже не знали тогда, как назвать, отчего и происходила путаница в газетах и журналах), одни называли их пушками, а другие — ружьями. Самый термин «пулемет» укрепился только в конце XIX в. Сами же изобретатели того времени сомневались, можно ли силу огнестрельного пороха заменить силой паров. Интересно отметить, что пушки с нарезкой внутри канала ствола, давшие значительно более высокую меткость, чем гладкоствольные пушки, начали применяться только в 30-х годах XIX в., т. е. именно тогда, когда опыты над паровыми пулеметами уже были заброшены. Ружья с нарезкой внутри ствола получили широкое распространение только во второй половине XIX в.

Чтобы иллюстрировать состояние военной техники того времени, приведем высказывание француза Монжери, сделанное им 120 лет назад: «При весьма многих случаях давление паров в машинах сего названия может быть усилено по большей мере до 35 или до 40 атмосфер», однако, рассуждает автор, «упругая сила порохового газа гораздо значительнее».

Монжери сообщает далее, что «...если бы жаровня паровых орудий имела достаточную величину, то пары, действующие на пули, сохраняли бы одинаковую побуждающую силу по всей длине канала, между тем как при стрельбе пороховыми газами по мере большого расширения более и более ослабевают, из чего следует, что канал паровых орудий должен быть гораздо длиннее канала огнестрельных, дабы пули одинакового калибра, ими бросаемые, имели равную метательную силу... пороховой состав в трубке постепенно воспламеняясь, не имеет полного действия и не издает треска. Но зато сие действие продолжается во все время сжигания состава, между тем как вода, заключенная в трубках, должна мгновенно высвободиться из оных посредством разрыва, особенно ежели силу паров довести до равной степени упругости с силой пороховых газов».

Для всех изобретателей того времени так и осталось тайной, какой вид метательного оружия получит преимущество в дальнейшем: пороховые или паровые пушки и ружья.

М. МАНУХИНА.

Артиллерия при прорыве в горах

(Доброполье, сентябрь 1918 г.)¹

В августе 1918 г. армии союзников на Балканском фронте (около 600 000 человек) были растянуты на 400 км фронта от залива Офрано до Албанских гор. В их состав входило 28 пехотных дивизий, дивизия сербской и бригада французской кавалерии и до 3 батальонов албанцев. Германо-болгарская армия, удерживавшая тот же фронт, имела в своем составе 297 батальонов. Она не имела кавалерийских соединений. Германские войска, находившиеся здесь, состояли из 3 батальонов пеших егерей, 20 пулеметных команд, 49 тяжелых батарей, специалистов и летчиков. Кроме того, в сектор Струма прибыло 6 германских батальонов с Украины. Германо-болгарская артиллерия уступала противнику по количеству орудий, но имела превосходство в отношении калибров. По подсчетам штаба союзных армий, германо-болгарская артиллерия имела 1850 орудий против 2060 орудий союзников.

Главнокомандующему союзными армиями генералу Франше д'Эспере была поставлена задача принять все меры к тому, чтобы не допустить снятия с македонского фронта частей противника. 29 июня было достигнуто следующее принципиальное соглашение со штабом сербской армии: «Производится решительное наступление с целью уничтожения неприятельской армии. Ближайшая задача — овладение массивом Мольена на участке между реками Вардар и Черна. В дальнейшем наступление развивается в направлении Градско».

Градско, небольшое торговое местечко, расположенное недалеко от слияния рек Черна и Вардар, находилось на стыке 11-й германской и 1-й болгарской армий. Этот пункт являлся важным узлом путей сообщения и центром снабжения германо-болгарских армий.

Проект наступления был утвержден высшим военным советом союзников 11 сентября. В горном секторе, где подготавливался прорыв, скоро должна была наступить неблагоприятная для военных действий погода, поэтому необходимо было закончить операцию до зимы.

Участок прорыва являлся частью массива Мольена и представлял собой горную местность, местами обнаженную, местами покрытую лесами, высотой от 1700 до 1875 м. В центре находилась болотистая котловина Доброполье. Массив Мольена изрезан глубокими долинами с лесистыми склонами. Главный гребень массива является водоразделом между реками Могленица и Черна. На север местность постепенно понижается от горы Козиак к рекам Вардар и Черна. К югу, наоборот, склоны, идущие к реке Могленица, крутые и местами обрывистые. Местность на протяжении 8 км понижается с 1800 до 200 м. На этих склонах, где с трудом можно было выбрать огневые позиции для батарей, должна была развернуться большая часть артиллерии.

Дорожная сеть на участке прорыва мало развита. Три дороги, поднимающиеся из долины, заканчивались в тылу двух французских дивизий. В расположении противника имелась только одна построенная болгарами и плохо содержимая, дорога. Она шла почти по самому гребню массива Мольена. От нее отходила дорога,

¹ Статья представляет собой сокращенный перевод монографии подполковника Кламан, помещенной во французском журнале «Revue d'Artillerie» за 1939 г. Перевод сделан для нашего журнала капитаном Н. Ракоед.

идущая от плато Кравица в район Ветреник. Снабжение действующих частей продовольствием и боеприпасами производилось главным образом по мощным канатным дорогам.

Оборонительные сооружения германо-болгарских армий включали позицию сопротивления, глубина которой в зависимости от местности достигала в некоторых местах 1500 м. Главная оборонительная линия была сильно насыщена оборонительными средствами. И, наоборот, тыловая линия не была подготовлена к тому, чтобы остановить противника, если бы ему удалось прорвать главную линию. Обе линии соединялись двумя отсечными позициями. Участок фронта между Сокол и Ветреник был укреплен очень сильно и во многом напоминал позиционный фронт во Франции. Передний край обороны проходил в 30—150 м от передовых позиций союзников. В 5 км за позицией сопротивления находилась вторая линия обороны, постройка которой еще не была закончена. Особенно сильной она была на участке Козиак, где имелись искусственные препятствия. Эта линия прикрывала доступ к Кавадар и Демир Капу. В 4 км севернее Козиак, в районе Кучков камень, окопы имелись только на отдельных участках. Их можно было использовать как исходные позиции для контратак. Севернее Кучков камень оборонительных сооружений не было. На позиции сопротивления имелись окопы полной профили, защищенные искусственными препятствиями; местами они были сделаны в скалах и имели много пулеметных и минометных гнезд.

Фронт, на котором началась атака, удерживался 2-й и 3-й болгарскими дивизиями (6-полкового состава), которые входили в 11-ю германскую армию. Обе дивизии были усилены германскими частями: батареями, пулеметными командами, саперами, а также одним австрийским этапным батальоном. Войска, расположенные в секторе Доброполье, насчитывали 18 батальонов. В первом эшелоне плотность доходила до $1\frac{1}{2}$ батальонов на 1 км фронта; для горных условий плотность относительно большая. В тылу германо-болгарское командование имело оперативный резерв в составе 6 пехотных полков в долине р. Вардар у Гудово Струмица и 3 пехотных полка в районе Прилеп. В состав этих полков входило до 20 батарей артиллерии.

План командующего группой прорыва (8 дивизий) предусматривал проведение атаки на участке шириной в 33 км, от р. Сухица до р. Лехница. Для удобства изложения задач частей, предусмотренных планом, операцию можно разделить на две фазы.

Первая фаза. 2-я армия (воевода Стефанович). Три дивизии прорыва захватывают позицию сопротивления противника; две французские дивизии атакуют на главном, дивизия Шумадия — на второстепенном направлениях; 122-я французская пех. дивизия поступает в распоряжение сербского командования 31 августа и 17-я французская колониальная дивизия — 1 сентября. Слева 122-я французская пех. дивизия (генерал Топар) атакует между Сокол и Голиак (иск.) на фронте 4,5 км. В центре — 17-я колониальная дивизия (генерал Приюз) — между Голиак и Ветреник и на р. Сухица (иск.). Фронт — 6,5 км. Сзади — 2 сербские дивизии развития успеха. 1-я армия (генерал Бойович) переходит в наступление после того, как будет взят Сокол, в направлении горного прохода Градесника. В первом эшелоне наступают 2 дивизии: справа — дивизия «Дрина» (полковник Смильянич) от Сокола до Градесника на фронте 7 км; слева — дивизия «Дунай» (полковник Милакович) от прохода Градесника до Браздаста Коса на фронте 5 км. Во втором эшелоне — дивизия «Морава» (полковник Грочи).

Разновременную атаку двух армий сербский штаб мотивировал двумя причинами: исходные позиции 1-й армии поражаются продольным и косопрямельным огнем со скалистых укреплений у Сокола и из фланкирующих огневых точек, расположенных позади этих укреплений; чтобы дать возможность группе тяжелой артиллерии РГК, находящейся на позициях в районе Флока, поддержать своим огнем сначала 2-ю, а затем 1-ю армию.

Вторая фаза. 2-я армия. 2 дивизии развития успеха переходят в наступление, как только будет захвачена позиция сопротивления: югославская дивизия (из 2 бригад), занявшая во время первой фазы исходные позиции позади 122-й пех. дивизии, и дивизия «Тимок» — позади 17-й колониальной дивизии. Во время первой

фазы наступления обе дивизии развития успеха продвигаются вперед и располагаются не далее чем в 1 км позади французских дивизий в таких боевых порядках, чтобы они могли перейти в наступление без потери времени и без новых приказов. Командиры этих дивизий находятся на КП командиров тех французских дивизий, позади которых располагаются их дивизии. Югославской дивизии ставилась задача как можно быстрее захватить Козиак, дивизии «Тимок» — овладеть Тополец. Общая задача обеих дивизий — захватить долины, сходящиеся в направлении Козиак, Тополец и Кучков камень.

1-я армия. Отбросить противника к р. Черна, форсировать ее в направлении Рацим-Бей и Вербеско и затем атаковать в направлении Прилеп, поддерживая связь с восточной французской армией. Обеспечить левый фланг 2-й армии, сменить югославскую дивизию в районе Козиак, Кучков камень, с тем чтобы она могла наступать в направлении своих главных объектов — Кавадар и нижнее течение Черна, — поддерживая связь с дивизией «Тимок», действующей в направлении Демир Капу на р. Вардар. Дивизии развития успеха сопровождаются горной артиллерией своей и соответствующих французских дивизий, а также своей легкой полевой и тяжелой артиллерией, которая сможет следовать за ними. При своем продвижении дивизии развития успеха будут поддержаны: югославская дивизия — 17-й колониальной пех. дивизией и дивизия «Тимок» — дивизией Шумадия.

Слева атака обеспечивается группой генерала Фарре (11-я колониальная и 3-я греческая пех. дивизии), 22-я колониальная бригада которой атакует одновременно с 1-й армией. Справа атака обеспечивается 1-й группой дивизий (4 пехотных дивизии), которая атакует одной бригадой одновременно с дивизией Шумадия.

Командующий группой прорыва располагал следующими средствами: 8 пехотных дивизий, из них 2 французских, дивизия сербской кавалерии в армейском резерве за фронтом 1-й армии. Артиллерия 3 дивизий первого эшелона была усилена французской артиллерией и во время первой фазы — артиллерией югославской дивизии и дивизии «Тимок».

2-я сербская армия имела следующие артиллерийские средства: дивизия Шумадия — 6 батарей полевой, 6 батарей горной, 1 батарею 155-мм гаубиц, 2 батареи 120-мм орудий Баке, 1 орудие 150-мм и 2 батареи траншейной артиллерии. Французская артиллерия усиления состояла из 2 батарей 155-мм гаубиц; 17-я колониальная дивизия — из 12 батарей полевой, 6 батарей горной, 3 батарей 155-мм и 1 батарея 120-мм гаубиц, 3 батарей траншейной артиллерии; 122-я пех. дивизия — 15 батарей полевой, 6 батарей горной, 5 батарей 155-мм гаубиц, 2 батареи 120-мм орудий, 1 батарея 155-мм гаубиц и 3 батареи траншейной артиллерии. Группа тяжелой артиллерии состояла из 3 батарей 155-мм, 1 батареи 120-мм, 1 батареи 105-мм пушек, 2 орудий 120-мм, звукометрического взвода и аэрологического поста; зенитная артиллерия — из 1¼ взводов пушек на автомобильных, 1 взвода на стационарных установках, 1 полуподвижного поста, 4 сербских постов.

Артиллерия 1-й сербской армии: дивизия «Дрина» — 6 батарей полевой, 9 батарей горной, 3 батареи 120-мм, 3 батареи 155-мм гаубиц Шнейдер, 1 батарея 155-мм гаубиц, 1 батарея траншейной артиллерии; дивизия «Дунай» — 6 батарей полевой, 6 батарей горной, 2 батареи 120-мм, 1 батарея 155-мм гаубиц и 1 батарея траншейной артиллерии. Группа тяжелой артиллерии — 1 батарея 120-мм, 2 батареи 105-мм, взвод 105-мм сербских пушек, звукометрический взвод и аэрологический взвод. Зенитная артиллерия — 1 взвод пушек на автомобильных установках, 1 полуподвижный пост. Группа тяжелой артиллерии РГК — 2 батареи 155-мм и 1 батарея 105-мм пушек.

Таким образом, в составе 1-й и 2-й сербских армий имелось 566 орудий, в том числе 312 полевых и горных пушек, 164 тяжелых пушки и гаубицы, 90 траншейных орудий. Поддержка артиллерии соседних секторов включала: перед фронтом дивизии Шумадия — 2 батареи 120-мм пушек; перед фронтом дивизии «Дунай» — дивизией 75-мм пушек, взвод 155-мм гаубиц, а также все легкие и тяжелые батареи 11-й дивизии в пределах их досягаемости.

В распоряжении командования группы имелось 8 эскадрилий (некоторые по 25 самолетов); 5 эскадрилий были переданы 2-й армии и 3 эскадрильи — 1-й армии. Кроме того, могла быть использована 1 эскадрилья Восточной французской армии.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ АРТИЛЛЕРИИ

8 и 9 сентября 122-я и 17-я колониальная дивизии заняли свои участки после месячного отдыха и подготовки в тылу. Командующий артиллерией союзных армий генерал Бюну снял с секторов Вардар, Монастир и Черна возможно большее количество батарей траншейной и тяжелой артиллерии. Артиллерия 122-й и 17-й дивизий должна была в течение августа разведать огневые позиции и наблюдательные пункты в секторе атаки. Особое внимание было обращено на разведку позиций, допускающих продольный обстрел оборонительных позиций противника. Это была трудная задача, так как для полевой и тяжелой артиллерии имелось мало огневых позиций. Артиллерия не могла удаляться от дорог, подходящих к первой линии. Огневые позиции для горной артиллерии имелись в достаточном количестве, хотя они находились на сильно пересеченной местности. Позиции легкой гаубичной артиллерии выбирались впереди с таким расчетом, чтобы возможно большее количество гаубичных батарей могло вести огонь по Козиаку.

Тяжелая артиллерия была доставлена на огневые позиции с помощью тракторов. Один дивизион (2 батареи) 155-мм орудий расположился на северо-восточных склонах горы Флока к востоку от Бело Гротло (2 200 м) и группа тяжелой пушечной артиллерии РГК — на плато Флока (2 300 м). Установка их на позициях потребовала значительных усилий. Были приняты все меры для маскировки. 155-мм пушки для перевозки разбирались на две части.

Артиллерийские колонны вышли из Острово (567 м), пересекли гору Каймакчалан (2 400 м), преодолев подъем длиной 40 км по тропинке, покрытой песком и имеющей крутые повороты, подъемы и спуски до 16°, с Каймакчалан тропинка спускалась к Флока (2 300 м). Из Флока 155-мм батареи продолжали путь на Бело Гротло по тропинке, спускающейся прямо к позициям. Большая часть дороги от Флока до Бело Гротло просматривалась с наблюдательных пунктов противника, поэтому перевозка на этом участке производилась только ночью. Для спуска материальной части приходилось пользоваться подъемными кранами. Установка двух 155-мм батарей потребовала 7 дней. Вся перевозка материальной части и установка батарей на огневых позициях продолжалась 15 дней.

Артиллерия усиления была снабжена боеприпасами на 4 дня, а артиллерия оборонительных секторов — на 7 дней. Части батарей имели химические снаряды. Половина дневной нормы снарядов была дополнительно выложена на огневых позициях на Флока, у Бело Гротло и на позициях тяжелых батарей, дальнобойность которых позволяла вести огонь по Козиаку. Кроме того, имелся двухдневный запас в дивизионных парках, находившихся в долине р. Мольеница. Этот запас предназначался главным образом для снабжения горной и полевой артиллерии перед началом преследования. Четырехдневный запас боеприпасов имелся в армейских складах: для 1-й армии в Скопшвар и для 2-й армии в Драгманси. В Острово был организован промежуточный склад для питания тяжелых батарей, находившихся на позициях в районах Флока и Бело Гротло. Склады в Сакулево, Вертекоп и Острово обслуживались железной дорогой нормальной колеи (из Салоник); из Вертекоп в Драгманси и из Сакулево в Скопшвар — железнодорожными ветками с шириной колеи в 60 см; из Острово до Флока — средствами автотранспорта. В перевозке боеприпасов участвовали английские легковые и грузовые автомашины. Для ускорения доставки снарядов африканская кавалерия (генерал Жуино-Гамбетта), использовав своих лошадей как вьючных животных, также принимала участие в перевозке боеприпасов.

В районе Доброполье противник располагал хорошими наблюдательными пунктами, господствовавшими над окружающей местностью. Однако над ними господствовали наблюдательные пункты французов, установленные на Флока. Хорошие наблюдательные пункты имелись на фронте 2-й армии у Бело Гротло. Позиции на Флока имели широкий обзор всего поля боя от переднего края и до тылов, на фронте как 1-й, так и 2-й армий.

К началу наступления был изготовлен план оборонительных сооружений противника. Офицеры-топографы артдивизионов, использовав бедную триангуляционную сеть сербской картографической службы, засекли некоторое количество точек как в расположении своих войск, так и в расположении противника. Однако ориентирная

схема, изданная за несколько дней до наступления, не обладала достаточной точностью для того, чтобы можно было пользоваться переносами огня от вспомогательной цели; необходимо было отмечаться по реперу после пристрелки каждой цели. Прибытие в августе 1918 г. 2 звукометрических взводов значительно облегчило положение.

По приказу главнокомандующего фронтом начиная с 20 августа активизировалась деятельность артиллерии и разведывательных отрядов. Во всех секторах дорожная сеть была улучшена. Приказано было замаскировать все батареи. Пристрелка батарей велась, как правило, одним орудием и растягивалась по времени с таким расчетом, чтобы не привлечь внимания противника повышенной активностью артиллерии. Ни одного пристрелочного выстрела не было произведено по Козняк ранее полудня «Д—1». Занятие огневых позиций и подвоз к ним производились только ночью. Снабжение материальной частью, боеприпасами и продовольствием 8 дивизионов происходило по немногочисленным тропинкам, в условиях горной местности. Выполнение этой задачи требовало нескольких недель, но фактически она была закончена уже 5 сентября, исключая подвоз боеприпасов, доставка которых на огневые позиции закончилась 12 сентября.

ПОДГОТОВКА ПРОРЫВА

День атаки был назначен на 15 сентября. Продолжительность артиллерийской подготовки была сокращена до 24 часов, с тем чтобы противник не успел подвести к полю боя оперативных резервов. Началась она в 20 часов 14 сентября.

Огонь на разрушение велся на фронте обеих сербских армий, причем наиболее сильный огонь был сосредоточен по участку, который должен был быть атакован на следующий день 2 французскими дивизиями между Сокол и Кравицки камень. Ответный огонь противника, вначале ожесточенный, был быстро подавлен. Французы господствовали и в воздухе.

Для того чтобы оставить противника в неведении относительно участка атаки, огонь на разрушение велся также и на других участках фронта, в частности на фронте Монастир. Аэрологические посты производили метеорологические и аэрологические наблюдения каждые 3 часа начиная с дня «Д—1». Одно наблюдение должно было быть обязательно произведено в день атаки в час «Ч—1».

Во время стрельбы на разрушение все передовые подразделения французов, которые находились от болгарских позиций на дистанции менее 300 м, были отведены назад и заняли свои позиции только в полночь накануне атаки. Огонь на разрушение по объектам, расположенным до 400 м от французских окопов, был прекращен в полночь накануне атаки.

Начиная с 11 часов темп огня регулировался в каждом дивизионе и в каждой бригаде, с таким, однако, расчетом, чтобы его интенсивность не изменялась, в частности, в полдень дня «Д—1».

Огонь на разрушение не преследовал цели полного разрушения окопов и ходов сообщения противника, ограничиваясь разрушением наиболее важных пунктов в системе его обороны. Места, где артиллерия проделывала проходы, были уточнены с командирами поддерживаемых батальонов.

Авиация союзников контролировала стрельбу тяжелой пушечной артиллерии. Она обнаружила 60 огневых позиций перед фронтом 2-й армии (из которых 11 были заняты горной и полевой артиллерией в районе Голо-Било) и 40 огневых позиций перед фронтом 1-й армии (из них 18 находились в районе Градесника).

Командующий артиллерией генерал Бюну перед началом артиллерийской подготовки издал директиву о порядке проведения контрбатерейной стрельбы, нейтрализации и разрушения батарей противника и инструкцию о ведении огня по Козняк.

В директиве указывалось, что разрушение батарей противника перед днем «Д—1» выполняется батареями, которые уже занимали огневые позиции в секторе атаки, и батареями, расположенными на соседних участках. Вновь прибывшие батареи должны были открывать огонь как можно позже. Огонь по батареям противника должен быть особенно сильным в день «Д—1». Предусматривалось, что в первую очередь должны подавляться те огневые точки, которые вели огонь по передовым позициям

французов. Стрельба на разрушение должна точно корректироваться воздушными наблюдателями. Начиная с дня «Д—2» все стрельбы на разрушение по батареям противника должны проводиться методом «беспокоящего огня» как днем, так и ночью, через неправильные интервалы.

Директива запрещала открывать огонь по нейтрализации вплоть до вечера «Д—1» включительно. Ночью накануне атаки артиллерии приказывалось открывать огонь по каждой батарее противника, которая начнет действовать. В случае если

Схема 1. Расположение войск германо-болгар и союзников.

место расположения батарей не было определено точно, рекомендовалось вести сосредоточенный огонь нескольких батарей по району вероятного местонахождения батарей противника.

В час «Ч» предлагалось предпринять попытку нейтрализовать артиллерию противника. В час «Ч—2 мин.» вся артиллерия, имеющая задачу по нейтрализации артиллерии противника, должна открыть огонь по всем его огневым позициям. Огонь должен продолжаться до «Ч+5 мин.» с предельной скоростью стрельбы. После этого огонь замедляется и к «Ч+10 мин.» должен достигнуть следующих средних норм: 155-мм пушки и гаубицы — 1 выстрел взводом в минуту; 120-мм пушки — 1½ выстрела взводом в минуту; 105-мм пушки — 1 выстрел в минуту на орудие. Этот темп сохраняется до «Ч+2 часа» при стрельбе по батареям, находящимся за тыловой линией оборонительной позиции противника. По батареям, находящимся на позиции сопротивления, вести огонь только фугасными снарядами. Прекращать огонь по этим батареям, как только атакующая пехота приблизится к ним на расстояние 400 м.

В инструкции о порядке ведения огня по Козиак указывалось, что позиции на этом участке имеют главное значение и ими нужно овладевать любой ценой. Далее предусматривалось, что тяжелые батареи, баллистические данные которых позволяют вести огонь по Козиак (5 батарей 155-мм гаубиц и 2 батареи 155-мм пушек) в час «Ч₁»¹ переходят в подчинение майора Эймар, командира группы тяжелой артиллерии 2-й армии. Для того чтобы не открыть противнику своих намерений в отношении позиций у Козиак, пристрелка должна начаться после 16 часов дня «Д—1». Ночью,

¹ Час «Ч₁» — время прохождения переднего края дивизиями развития успеха после захвата дивизиями прорыва линии сопротивления противника.

накануне атаки, рекомендовалось вести мощный огонь химическими снарядами по тылам позиций у Козняк и дорогам к ним.

В период от «Д» до «Ч₁» по Козняк должны вести огонь 7 батарей 155-мм орудий, но уже фугасными снарядами, чтобы не стеснить продвижение своей пехоты. В момент начала атаки несколько батарей, как указывалось в инструкции, переносят огонь по дороге Козняк, Кучков камень, для того чтобы стеснить движение противника по этой дороге, пока французские части не овладеют Козняк.

Для контроля за артиллерийским огнем предусматривалось максимальное использование авиации, наблюдательных пунктов на Флока и Бело Гротло, а также новых наблюдательных пунктов, расположенных на захваченной территории.

Инструкция устанавливала следующую среднюю скорость стрельбы: 155-мм пушки — 70—80 выстрелов, 155-мм гаубицы — 90—100 выстрелов в час на батарею.

В 8 часов утра — срок открытия огня на разрушение — условия погоды были неблагоприятны; ветер препятствовал действиям авиации и стеснял деятельность артиллерии в течение всего дня. С 15 час. 30 мин. огонь был прекращен на полчаса для того, чтобы проверить его эффективность, состояние проходов и дать авиации возможность сфотографировать находившиеся под обстрелом батареи противника. В 16 часов артиллерийский огонь возобновился и продолжался до ночи.

Огонь на разрушение дал хорошие результаты. Особенно успешно работал дивизион 155-мм гаубиц из района Бело Гротло, который вел продольный и косоприцельный огонь по оборонительным сооружениям противника у Доброполье. Однако отсутствие тяжелой артиллерии калибра свыше 155 мм не позволило разрушить укрытия противника в скалах, как, например, в районе Сокол. Недостаточно эффективным был и огонь по лесным районам.

В ночь с 14 на 15 сентября (с дня «Д—1» на день «Д») артиллерия выполняла следующие задачи:

1. Поддерживала огонь по целям, разрушенным в течение дня.
2. Огонь на воспрешение по наиболее важным подступам, в частности по Козняк и по дороге, связывающей позиции у Козняк с Доброполье. Огонь по некоторым пунктам, в частности по Козняк и по узлам коммуникаций к северу от него, велся химическими снарядами.
3. Беспokoящий огонь по районам укрытий, узлов, ходов сообщений и по районам возможного сосредоточения противника. Этот огонь велся мощными и короткими налетами по 10—12 выстрелов через неправильные промежутки времени, начиная с 19 час. 30 мин.
4. Сосредоточение огня по батареям противника, могущим своим огнем стеснить занятие частями исходных позиций или передвижение тылов.

В течение всего дня «Д—1» и ночи группа тяжелой артиллерии РК работала исключительно на 2-ю армию, наносящую главный удар.

План использования артиллерии предусматривал следующие нормы отпуска боеприпасов для стрельбы на разрушение и поддержку пехоты: артиллерия 17-й пех. дивизии — 2 горных дивизиона — 9 500 снарядов, 4 полевых дивизиона — 24 200; дивизион 155-мм гаубиц — 3 500; батарея 120-мм гаубиц — 1 200; траншейная артиллерия (240-мм) — 1 050, 58-мм — 5 800 снарядов; на огневые налеты по разрушенным целям — 300 снарядов на каждую полевую или горную батарею. Артиллерия 122-й пех. дивизии — полевая артиллерия — 500 снарядов, горная — 600 снарядов на каждый проход; тяжелая гаубичная артиллерия (155-мм) — 5 830 снарядов; дивизион 120-мм гаубиц — 2 010 снарядов; траншейная артиллерия (240-мм) — 1 140, 58-мм — 3 200 снарядов; на огневые налеты по разрушенным целям — 5 400 снарядов 75-мм и 2 300 снарядов 65-мм; тяжелая пушечная артиллерия (уничтожение батарей противника) — 400 снарядов 155-мм и 500 дальнобойных снарядов 120-мм.

План действий дивизий прорыва и артиллерии содержал следующие основные моменты.

122-я пех. дивизия. Справа от 122-й пех. дивизии действовала 17-я пех. дивизия; слева — дивизия «Дрина», один батальон которой атаковал в направлении Сокол одновременно с батальоном 148-го пех. полка. По условиям местности атака разбивалась на три направления, не соединяющихся между собой и относительно

независимых друг от друга. Главное направление в центре на Квадрилатер; второе — слева на Сокол и гребень восточнее, третье — справа на Котка-северная и Куртина.

Каждый дивизион полевой и горной артиллерии выделяет по одному отряду связи с пехотой, который должен следовать вместе с атакующим батальоном. Состав отряда связи с пехотой: 1 офицер, 1 унтер-офицер, 5 телефонистов, которые имеют при себе телефонное имущество, 24-мм прожектор.

Перед атакой артиллерия 122-й пех. дивизии будет иметь в своем распоряжении 3 летчиков-наблюдателей 505-й авиаэскадрильи, и в случае надобности ей будут придаваться летчики-наблюдатели из 521-й эскадрильи. Во время атаки 122-я пех. дивизия будет иметь в своем распоряжении один разведывательный самолет.

План предусматривал, что, как только начнется атака пехоты, артиллерия должна немедленно открыть огонь без предварительной пристрелки, руководствуясь метеосводкой на «Ч—1 час». Полевая и горная артиллерия должна вести расчищающий огонь в комбинации с огнем на разрушение тяжелой гаубичной артиллерии. Командиры соответствующих артиллерийских групп должны договориться между собой о порядке одновременной стрельбы по одной цели. Огонь на сопровождение пехоты, выполняемый в восточной части полосы наступления, должен перекрываться с аналогичным огнем артиллерии 17-й пех. дивизии.

В ночь на день «Д» 8-я батарея 4-го дивизиона 345-го артполка ведет огонь на воспреещение специальными снарядами по узлу дорог позади Козиак в квадрате 76—68. В день «Д», начиная с «Ч—2 мин.», по одному взводу из каждого дивизиона 155-мм гаубиц (3-й и 4-й дивизионы 345-го артполка) переходят в распоряжение начальника группы тяжелой артиллерии 2-й армии для выполнения задач по нейтрализации батарей противника. В день «Д», час «Ч» две батареи 4-го дивизиона 345-го артполка переходят в подчинение начальника группы тяжелой артиллерии 2-й армии для ведения огня по Козиак. С целью облегчить наблюдение артиллерии при проделывании проходов тяжелая гаубичная и траншейная артиллерия должна в этот период вести огонь по целям, наиболее удаленным от проделываемых брешей. По каждой из целей, разрушенных в течение дня «Д—1», тяжелая гаубичная артиллерия до полуночи с дня «Д—1» на «Д» выпускает по 10 снарядов.

По плану предусматривалась скорость продвижения пехоты до достижения промежуточного рубежа 100 м в 5 минут, за промежуточным рубежом — 100 м в 4 минуты. Главная задача дивизионной артиллерии состоит в прикрытии и обеспечении продвижения пехоты. Свою задачу артиллерия должна выполнять методом ведения огня на сопровождение, а затем, когда последний объект будет занят, — постановкой заградительного огня перед всем новым фронтом. В «Ч—2 мин.» полевые и горные батареи открывают огонь по окопам первой линии противника, в то же время тяжелая гаубичная артиллерия открывает огонь по тыловым линиям с целью воспрепятствовать прибытию подкреплений. В час «Ч» открывается подвижный заградительный огонь (огневой вал) приблизительно в 200 м перед атакующими частями.

Подвижный заградительный огонь должен сопровождаться расчищающим огнем тяжелой гаубичной артиллерии, продолжающей вести огонь по оборонительным сооружениям второй линии до тех пор, пока к ним не подойдет подвижный заградительный огонь, после чего расчищающий огонь переносится вперед.

По достижении пехотой промежуточного рубежа заградительный огонь остается неподвижным до «Ч + 1 ч. 30 м.», после чего вновь превращается в подвижный заградительный огонь.

В час «Ч + 1 ч. 30 м.» 13-я и 14-я батареи 1-го горно-артиллерийского полка, находящиеся на огневых позициях на юго-восточных склонах Сокол, переходят на новые огневые позиции в район дороги на Доброполье, высоты 1765 и с этого момента переходят в подчинение югославской пехотной дивизии. Сербский горный дивизион переподчиняется своей дивизии (югославская пехотная дивизия) в момент прохода переднего края. Часть огневых расчетов траншейных батарей, миссия которых будет закончена, используется для устройства проходов в оборонительной позиции для 5-го дивизиона 1-го горно-артиллерийского полка (13-я и 14-я батареи). 2-й дивизион 242-го артполка готовится перейти на новые огневые позиции в район Котка.

ЗАДАЧИ АРТИЛЛЕРИИ 122-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ
(Краткие выдержки из плана использования артиллерии)

Группа	Подгруппа	Дивизионы	Поддерживаемая пехота	Задачи артиллерии до часа "Ч"	Задачи артиллерии во время атаки
Группа полевой артиллерии	Французская подгруппа	1/241 ап	Батальон 45 пп	Разрушение переднего края. Устройство 6 проходов и огонь по 5 проходам	Подвижный заградительный огонь (огневой вал). Обеспечение атаки
		2/241 ап	Батальон 45 пп	Расчищающий огонь. Беспokoящий огонь и огонь на воспре- шение. Огонь по 6 проходам	Идентичные. 24-я батарея в распоря- жении
		3/241 ап	84 пп	6 проходов. Разрушение переднего края противника. Огонь по 8 про- ходам	Подвижный заградительный огонь. Обеспечение атаки
Группа полевой артилле- рии	Сербская подгруппа	1 дивизион	148 пп	3 прохода. Расчищающий огонь. Бес- покоящий огонь. Огонь на воспре- шение. Огонь по 6 проходам	Подвижный заградительный огонь. Обеспечение атаки
		2 дивизион	148 пп	3 прохода. Разрушение переднего края противника. Беспokoящий огонь и огонь на воспре шение. Огонь по 3 проходам	Идентичные
		5/1 горного ап	45 пп	6 проходов. Разрушение переднего края противника. Беспokoящий огонь и огонь на воспре шение	Неподвижный заградительный огонь. Подвижный заградительный огонь. Расчищающий огонь и огневое обес- печение атаки
Группа горной артиллерии	3 батареи 65 мм		84 пп	4 прохода, огонь по 5 проходам. Бес- покоящий огонь и огонь на воспре шение	Подвижный заградительный огонь. Расчищающий огонь и огневое обес- печение атаки
				Разрушение	Огневое обеспечение атаки
Группа тяжелой гаубичной артиллерии		3/345 ап, 3 батареи 155 мм	Дивиз. пехота	—	—
		4/345 ап, 10 батарей 343 ап. Сербский гаубич- ный дивизион 120 мм	"	—	—
Группа траншейной артил- лерии		13 батареи 179 ап (240 мм)	"	—	Обеспечение атаки
		4 батареи 179 ап (58 мм) Батарея Родоновича (38 мм)	"	—	Задачи не имеет Задачи не имеет

План действий 17-й пех. дивизии и задачи ее артиллерии в основном такие же, как и для 122-й пех. дивизии. Дивизия Шумадия действовала на второстепенном направлении, поэтому план боя этой дивизии и план использования ее артиллерии не могли быть заранее продуманы.

АТАКА

Первая фаза. По указанию генерала Франше д'Эспере, прорыв на наиболее укрепленном участке фронта атаки между Сокол и Кравицки камень было поручено произвести 2 французским дивизиям, уже знакомым с современными методами боя.

Атака началась в 5 час. 30 мин. 15 сентября. Противник, рассчитывавший на длительную артиллерийскую подготовку, не ожидал атаки именно в этот день. Внезапность была достигнута полностью.

Атака проходила без танков, последние еще не прибыли в Салоники. В воздухе господствовала французская авиация.

На участке 122-й дивизии неподвижный заградительный огонь по переднему краю обороны противника прекратился в час «Ч», и французская пехота, предшествуемая подвижным заградительным огнем, ворвалась в болгарские окопы. Германо-болгарская артиллерия открыла заградительный огонь слишком поздно. Передний край обороны уже был пройден.

На левом фланге батальон 148-го пех. полка, наступавший на Сокол, через час после начала атаки залег в 150 м перед гребнем, неся тяжелые потери. Все попытки продвинуться вперед терпели неудачу. Только к 21 часу этот пункт был оставлен противником. Батальон, который атаковал гребень северо-восточнее Сокол, занял свой объект в 7 часов. На центральном участке в 7 час. 45 мин. был захвачен Квадрилятор, несмотря на трудную местность и сильное сопротивление противника. В 8 часов болгары перешли в контратаку из рощи, что севернее Пирамиды Доброполье, но были встречены огнем артиллерии ПП и в беспорядке отступили. На правом фланге местность была менее пересеченная, чем на остальных участках полосы наступления дивизии, и окопы первой линии были захвачены без особых трудностей. После рукопашной схватки был захвачен промежуточный рубеж, проходящий через Пирамиду Доброполье, Куртину и укрепления на Котка-северная. Главная линия сопротивления германо-болгар была окончательно захвачена в 7 час. 45 мин. (кроме Сокол).

Атака тыловой позиции противника была произведена батальоном 45-го пех. полка, находившимся до этого в резерве. Гребень, который связывает Пирамиду Доброполье с высотой 1765 (Шарниер), являвшийся как бы отсечной позицией, связывавшей главную линию сопротивления с тыловой, преодолеть было очень трудно. Пехота продвигалась от одной скалы к другой. Группа скал Ставра, хорошо укрепленная, задержала продвижение батальона до 14 часов. Болгарские пулеметчики упорно защищали это укрепление. После занятия Ставра продвижение союзников ускорилося. К 15 часам тыловая линия была окончательно захвачена (с большим опозданием против плана). К этому времени 122-я пех. дивизия овладела всеми объектами, назначенными ей, за исключением Сокол.

Артиллерия эффективно поддерживала свою пехоту, хотя последняя и не могла следовать непосредственно за подвижным заградительным огнем. Контратаки противника ликвидировались своевременным огнем артиллерии поддержки пехоты. Находившийся на позиции сопротивления взвод 77-мм орудий противника открыл огонь в начале атаки. Но он был быстро подавлен 1 батареей тяжелой артиллерии. Пулеметное гнездо, мешавшее продвижению пехоты, было уничтожено огнем батареи 155-мм гаубиц. 1 батарея югославской дивизии (дивизия развития успеха) заняла огневую позицию на холме восточнее Пирамиды Доброполье. С этой позиции она эффективно поддерживала батальон 45-го пех. полка, ведя огонь на дистанцию около 700 м по Ставра.

Пехота не имела артиллерии непосредственного сопровождения. Она поддерживалась, в частности, многочисленными горными батареями, расположенными в непосредственной близости к исходным позициям пехоты.

На участке 17-й пех. дивизии пехота, поддерживаемая подвижным заградительным

огнем, в 5 час. 30 мин. перешла в атаку. Противник был захвачен врасплох, и когда его артиллерия открыла огонь, пехота уже была в окопах первой линии. Головные батальоны совершенно не пострадали от заградительного огня болгарской артиллерии. Промежуточный рубеж был занят к 6 час. 30 мин. Здесь планом была предусмотрена короткая остановка, но 2-й батальон 54-го пех. полка, не встречая впереди себя противника, продолжал продвижение вперед и в 6 час. 45 мин. уже находился на гребне Кравица (высота 1771 м). Этот батальон потерял связь с остальными частями. Правифланговый батальон 54-го пех. полка, несмотря на чрезвычайно трудные условия местности, подошел к Кравица в 8 час. 30 мин. Обоим батальонам, особенно подшедшему первым, пришлось отразить несколько контратак противника, поддержанных артиллерийским огнем с короткой дистанции. Высота 1771 несколько раз переходила из рук в руки. Только в 15 час. 30 мин. была отражена последняя контратака германо-болгарских войск.

На левом фланге продвижение 1-го пех. полка после занятия промежуточного рубежа сильно задерживалось огнем пулеметов, расположенных в полосе наступления 122-й пех. дивизии, продвижение которой несколько задержалось. Этот полк достиг своих объектов — тыловая линия обороны — правифланговым батальоном в 9 часов, а левофланговым к 11 часам. Позиции у Голиак были окончательно захвачены только в 15 часов. 3-й пех. полк, который обеспечивал правый фланг атакующих частей, в 7 часов занял окопы у Рибареф. Позиции в районе Гериссон были захвачены к 15 час. 30 мин. с помощью дивизии Шумадия, которая атаковала пункт Борова Чука, расположенный в секторе 17-й дивизии. Все объекты, назначенные для 17-й пех. дивизии, были захвачены к 15 час. 30 мин. Занятие позиций у Кравица и удержание их, несмотря на неоднократные контратаки болгар и захват Голиак, облегчили наступление 122-й дивизии.

Артиллерия располагала хорошими наблюдательными пунктами и регулярно получала донесения от своих отрядов связи. Это позволило ей вести эффективный огонь во время боя. В час «Ч» неподвижный заградительный огонь был перенесен на 100 м вперед. Огневой вал не имел достаточной плотности, так как на дивизион в лучшем случае приходилось 500 м фронта. Пехота пыталась следовать непосредственно за огненным валом, но сильно пересеченная местность сдерживала ее продвижение.

После занятия промежуточного рубежа огневой вал должен был возобновиться по сигналу пехоты, но 2-й батальон 54-го пех. полка не сделал предусмотренной планом остановки и не подал сигнала о возобновлении огневого вала. Огонь артиллерийского дивизиона непосредственной поддержки был перенесен вперед от Кравица самостоятельно, как только с командного пункта дивизии было обнаружено, что батальон занимает этот пункт.

В тех случаях, когда артиллерия не видела передовых подразделений своей пехоты, что случалось очень часто, так как значительную часть местности закрывали леса, или когда сведения от отрядов связи запаздывали, артиллерийский огонь переносился вперед. Практически после занятия промежуточного рубежа эффективным был только тот артиллерийский огонь, который наблюдался или открывался по требованию пехоты. Благодаря хорошей работе связи оказалось возможным произвести сосредоточение огня по Голиак, плато Кравица и по району Кравицки камень. Около полудня один из дивизионов непосредственной поддержки 54-го пех. полка своевременно открыл огонь и помог отразить сильную контратаку болгар. Огонь был вызван по телефону командиром отряда связи с пехотой. Немного позднее огнем дивизиона 75-мм орудий было рассеяно скопление противника, замеченное в районе Кравица.

Несмотря на трудные условия и свою малочисленность как для непосредственной поддержки пехоты, так и для обеспечения атаки, артиллерия 17-й дивизии смогла поддержать наступление пехоты, правильно используя свои средства. Бдительность разведчиков на наблюдательных пунктах и самоотверженность отрядов связи с пехотой способствовали удержанию позиций, захваченных у Кравица.

Дивизия Шумадия, состоявшая из горцев, действовала на широком фронте на лесистом участке, перерезанном глубокими долинами. С самого начала атака велась весьма энергично и дала блестящие результаты. Ветреник-западный (Слоновое ухо)

был занят в 7 час. 45 мин. и Ветреник-восточный — в 13 час. 40 мин. Таким образом, к 13 час. 40 мин. задачи, поставленные дивизии, были выполнены (за исключением имеющего второстепенное значение правого фланга). Дивизия после этого изменила направление в полосу 17-й пех. дивизии, которая вела бой за Кравица. Она атаковала Борова Чука и захватила эту позицию почти одновременно с 54-м пех. полком, который овладел к этому времени Кравицки камень. После занятия первой линии окопов и, следовательно, с первых же часов атаки батареи горной артиллерии были использованы для непосредственного сопровождения пехоты. Их работа во время наступления оказала большую помощь пехоте.

1-я сербская армия должна была начать наступление после того, когда Сокол будет уже взят. Однако в связи с упорной обороной этого пункта противником 1-я армия начала наступать в 15 часов. Ее атака не дала значительных результатов. Прорыв фронта между Сокол и Браздаста-Коса удалось осуществить только ночью во время второй атаки, когда Сокол и оборонительные позиции в скалах были оставлены противником.

Группа тяжелой артиллерии 2-й армии была слишком малочисленна, поэтому к началу атаки была произведена только частичная нейтрализация целей. Но внезапность атаки была сохранена, и батальоны первого эшелона не пострадали от заградительного огня противника. Германо-болгарские батареи, находившиеся на позиции сопротивления и не обнаруженные перед атакой, открыли фланкирующий огонь по атакующим частям и сильно стесняли их продвижение, прежде чем были подавлены.

Атака 1-й армии началась в 15 часов, поэтому обстановка здесь была совершенно иной, чем на фронте 2-й армии. Батареи, предназначенные для выполнения задач по нейтрализации, между 14 и 15 часами произвели по несколько выстрелов по реперам (при стрельбе все батареи корректировались самолетами) и в момент атаки открыли точный огонь по батареям противника. Таким образом, задача по нейтрализации на участке 1-й армии была проведена удовлетворительно. Как и было предусмотрено, группа тяжелой артиллерии 1-й армии была усилена группой тяжелых орудий за счет РГК, 3 сербскими батареями 155-мм гаубиц и 2 батареями из пехотных дивизий «Дрина» и «Дунай» (это были легкие батареи, огонь которых перекрывал огонь батарей группы тяжелой артиллерии).

Союзная авиация перед атакой выполняла задачи дальней разведки. Она произвела бомбардировки наиболее важных объектов: центры снабжения, узлы коммуникаций, расположение частей, особенно в Градско и Демир Капу. Кроме того, авиация корректировала огонь своей артиллерии по батареям противника и контролировала результаты этой стрельбы. Во время первой фазы операции авиация доставляла командованию весьма точные разведывательные данные. Она активно помогала пехоте (пилоты делали по 3—4 вылета), обстреливая пулеметным огнем и бомбардируя колонны и сосредоточения противника.

Вторая фаза. Исход сражения днем 15 сентября решился боем за высоту 1765 и особенно в Кравица. Позиции противника были прорваны 122-й, 17-й пех. дивизиями и дивизией Шумадия на фронте шириной в 11 км. Дивизии развития успеха подошли к фронту своевременно и поэтому разрыва во времени между прорывом и вводом их в бой не было. К 16 часам франко-сербские инженерные части закончили присоединение сербской дорожной сети к болгарской. Произведенные работы позволили артиллерии югославской дивизии быстро продвинуться вперед и присоединиться к своей дивизии в районе Кравица. Вместе с ней подошли дивизион горной артиллерии и батарея минометов Стока 122-й пех. дивизии.

Югославская дивизия была введена в бой в 18 часов, когда оборонительные сооружения у Кравица были захвачены батальоном 17-й пех. дивизии. Дивизия «Тимок» вышла на фронт 3-го пех. полка в 17 часов. Югославской дивизии была поставлена задача наступать на Козняк и захватить этот пункт; дивизия «Тимок» наступала правее с задачей овладеть Тополец.

Нажимая на арьергарды противника, который отходил, оставляя значительное количество военного имущества, югославская дивизия к рассвету 16 сентября подошла к подножью Козняк и затем заняла эту высоту, захватив 12 орудий. Вскоре после полудня болгары, силами до 2 полков, перешли в контратаку из района Прилеп (опе-

ративные резервы) и овладели Козиак. Однако они были вновь выбиты оттуда югославской дивизией. Дивизии «Тимок» пришлось преодолевать чрезвычайно трудную местность. Мортирные батареи 17-й пех. дивизии двигались вместе с дивизией «Тимок». Тополец был окончательно занят в 8 час. 30 мин. 17 сентября. Бой у Доброполье закончился победой.

Дивизии 1-й армии, прорвав фронт обороны противника в ночь с 15 на 16 сентября, захватили позиции, которые оборонялись болгарскими частями, усиленными

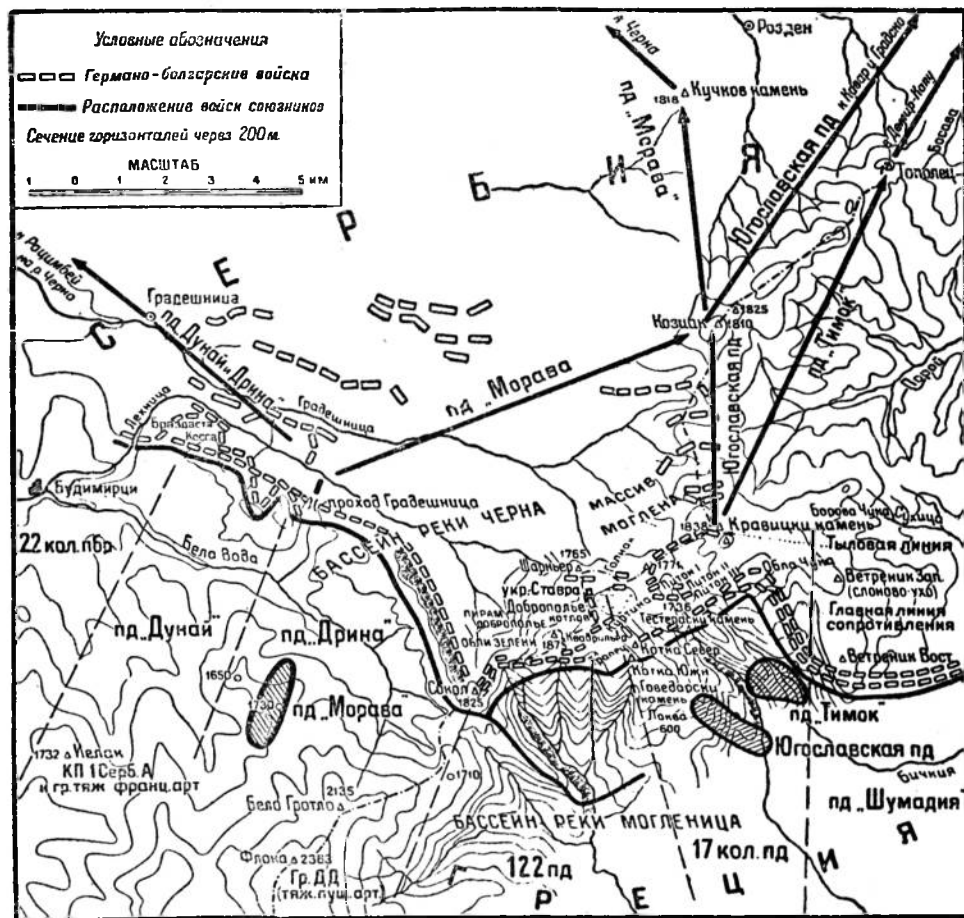

Схема 3. Сражение у Доброполье 14—16 сентября 1918 г.

батальонами, снятыми с фронта Монастир, Букле, Черна или выдвинутыми из стратегического резерва. На рассвете 17 сентября дивизия Моравы сменила югославскую дивизию в Козняк и Кучков камень.

Планируя операции, командование считало, что 4 часов будет достаточно для захвата позиций противника. Фактически же потребовалось 15 часов для того, чтобы окончательно сломить сопротивление германо-болгарских войск. Войска союзников имели следующие потери: 122-я пех. дивизия — 800 человек, 17-я пех. дивизия — 1 230 человек, дивизия Шумадия — 500 человек.

Оборона противника была прорвана на фронте шириной 25 км и 9 км в глубину. После этого союзные войска перешли к энергичному преследованию противника по ровной местности.

В последнем бою главнейшую роль сыграла группа тяжелой артиллерии, созданная под командованием начальника группы тяжелой артиллерии 2-й армии. 7 батарей 155-мм орудий, которые составляли эту группу, своим огнем по оборонительной си-

стеме у Козиак облегчили задачу югославской дивизии. Авиация корректировала огонь этой группы в пределах, допускаемых условиями видимости. Югославская и французская горная, а также и югославская полевая артиллерия поддерживала огнем с коротких дистанций атаку на Козиак и участвовала во вторичном взятии этих позиций после временной их потери.

При переходе к преследованию 16 сентября все цели находились вне досягаемости артиллерии как перед фронтом 1-й, так и 2-й армий. Батареи горной артиллерии и полевая артиллерия дивизий развития успеха начали перемещаться вперед начиная с 15 сентября. После занятия Козиак батареи тяжелой артиллерии усиления были переправлены в район Монастир. Перемещение производилось в соответствии с планом, утвержденным командующим артиллерией союзных армий, и 22 сентября артиллерия на участке у Монастир была усилена 7 тяжелыми батареями, которые прошли около 100 км. Переброска батарей производилась с помощью 6 тракторных взводов. Только одна 105-мм батарея перемещалась на конной тяге. После этого тракторные взводы были использованы для перевозки в сектор Монастир тяжелой артиллерии. Для того чтобы снять 155-мм гаубицы с огневых позиций на склонах Бело Гротло и поднять их на плато Флока, потребовалось по 3 трактора, сцепленных пугом, на каждое орудие.

Две 105-мм и одна 120-мм пушечные батареи 1-й армии начали преследование на рассвете 17 сентября. Батарея 120-мм пушек, в которой не хватало лошадей, пыталась перейти через перевал Градесника, но плохое состояние тропинок и слабые средства, которыми располагала батарея, не позволили ей следовать за пехотой. 105-мм батареи следовали с сербскими дивизиями вплоть до Белграда и вошли в город вместе с дивизией «Дунай». Они принимали участие в боях, развернувшихся немедленно после прорыва фронта, и в боях у Рацим-Бей (проход Черна).

Приданная 2-й армии 105-мм батарея двигалась вначале вместе с пехотой. Утомленность конского состава и плохое состояние горных дорог не позволили, однако, этой батарее продолжать движение. Горный дивизион 122-й пех. дивизии, находившийся на позициях юго-восточнее Сокол, с 15 сентября двигался вместе с югославской дивизией. Он принимал участие в боях у Козиак. После 16 дней форсированного перехода, во время которого часто приходилось развешиваться и вести бой, этот дивизион к 30 сентября вышел к Царево Село (сербская деревня, расположенная в нескольких километрах от болгарской границы). После двух дней отдыха дивизион за один переход догнал свою дивизию у Салоник.

Горный дивизион 17-й пех. дивизии начал преследование 15 сентября вместе с дивизией «Тимок». Эта дивизия имела наиболее трудный маршрут. Во время преследования дивизиону приходилось часто развешиваться для нейтрализации пулеметов противника, подавления его батарей или обстрела опушек рощ, занятых арьергардами. Дивизион, как правило, перемещался батареями по-взводно. 22 сентября дивизион присоединился к 17-й пех. дивизии у Нижней Черны. Дальнейшее движение вместе с дивизией было настолько изнурительным, что до подхода к Дунаю 2 батареи из трех вышли из строя. Полевые 75-мм батареи 17-й пех. дивизии начали преследование, имея по 1 взводу в батарее и двухдневный запас боеприпасов. В Неютин на Дунае прибыло всего 2 батареи по 2 орудия в каждой. Уже к началу преследования был некомплект конского состава, который выполнял чрезвычайно тяжелую работу по подвозу боеприпасов (1 100 м разности в уровнях между огневыми позициями и складом боеприпасов) при недостаточном питании. Во время преследования начался падеж лошадей. Полевые батареи страдали от плохого состояния дорог и недостатка фуража больше, чем горные батареи. Мулы легче переносили всякие лишения.

ВЫВОДЫ

Как и во время всякой наступательной операции, артиллерия при подготовке прорыва была выдвинута насколько возможно вперед. Это позволило организовать группу тяжелой артиллерии из семи 155-мм батарей, которой была поставлена задача подготовить и поддержать атаку на Козиак дивизии второго эшелона (югославская

дивизия). Козиак (доминирующий пункт поля боя) находился примерно в 5 км от тыловой линии противника.

Группа тяжелой артиллерии выполняла здесь следующие задачи: вела огонь на разрушение по оборонительным сооружениям противника у Козиак после полудня дня «Д—1» и в ночь с «Д—1» на «Д», огонь на обеспечение (несколькими батареями) во время атаки, дальний огонь на воспреещение (специальными снарядами в ночь с «Д—1» на «Д»), в частности, по узлам дорог к югу и северу от Козиак и по дороге Козиак, Доброполье. В горах важно преградить пути подхода как можно дальше от своего переднего края. Огонь на воспреещение как днем, так и ночью должен быть достаточно интенсивным, с тем чтобы движение по этим путям если невозможно прекратить совсем, то хотя бы сократить до минимума.

Одна группа тяжелой артиллерии располагалась на плато Флока (2 300 м) на водоразделе рек Могленица и Черна. Эта группа доминировала над всем полем боя. Она имела возможность вести огонь одновременно и по бассейну р. Могленица и по бассейну р. Черна. На оголенном плато ничего не мешало маневрированию огнем. Расположенные недалеко от прекрасных наземных наблюдательных пунктов (почти все стреляющие батареи противника можно было обнаружить или по дыму или по вспышкам выстрелов), пушечные батареи этой группы вели весьма эффективный огонь во время подготовки и выполнения атаки. Многие цели поражались косопримельным и продольным огнем. В горах обычно артиллерия разделяется долинами; стрельба из одной долины по другой возможна в очень ограниченных случаях. Но если местность и дорожная сеть допускают расположить артиллерийскую группу общего назначения (дальнего действия), хорошо обеспеченную боеприпасами, в таком месте, откуда она может поддерживать свои войска в обеих долинах, то эффективность ее огня будет чрезвычайно велика.

Большого успеха достиг своим продольным огнем дивизион 155-мм гаубиц, занявший огневые позиции на высоте 2 100—2 200 м на склонах Бело Гротло.

Продольный огонь во всех случаях, когда он не представлял опасности для своих войск, использовался с одинаковым успехом как на равнине, так и в горной местности. Необходимо заметить, что в горах оборонительные сооружения противника часто располагались на одном только гребне, и продольный огонь по ним был чрезвычайно эффективным, в то время как фронтальный огонь не давал сколько-нибудь заметных результатов.

При установке тяжелых батарей усиления на огневых позициях и снятии их оттуда исключительную роль сыграли тракторы. Что же касается снабжения батарей боеприпасами, то, как уже отмечалось, большую помощь оказала здесь конский состав кавалерийских частей, который был использован как вьючные животные.

Звукометрический взвод, приданный группе тяжелой артиллерии 1-й армии, проделал чрезвычайно большую работу по засечке батарей противника, находящихся на позициях на опушке рощ или хорошо замаскированных. В частности, была засечена одна 155-мм батарея, которая вела огонь по тыдам. Результаты работы звукометрического взвода, приданного 2-й армии, были менее эффективны. Тем не менее на фронте Бардар звукометрическая служба почти всегда давала удовлетворительные результаты. Очевидно, что расположение звукометрических постов имеет большое значение для эффективности их работы. Звукометрические посты 1-й армии располагались вдоль гребня, идущего от Бело Гротло к Мелитина Коса; это расположение было весьма благоприятным для засечки батарей противника, находившихся в восточной части полосы наступления 1-й армии. Расположение звукометрических постов в 3,5 км от переднего края противника и на большей высоте, чем располагались германо-болгарские батареи, обеспечило продуктивность работы звукометрического взвода. Кроме засечки действующих батарей противника, звукометрическая служба 1-й армии хорошо провела пристрелку нескольких своих батарей. Звукометрическая служба в условиях горной местности способна достигнуть больших результатов, при том, однако, условии, если местность позволяет удобно расположить посты подслушивания. Проведение пристрелки своих батарей возможно произвести только для тяжелых батарей (калибра 120 мм и выше).

Работа аэрологических постов в горах также в значительной степени зависит от расположения постов на местности. Не надо бояться выдвигать их вперед в район расположения батарей, как то было сделано в группе тяжелой артиллерии 1-й сербской армии. Вычисление поправок и подготовка данных для стрельбы будут от этого только точнее. Так как атмосферные условия в разных долинах и даже на различных участках одной и той же долины бывают различны, то необходимо в горных условиях увеличивать число аэрологических постов. Необходимо, чтобы каждый командир артиллерийской группы имел в своем распоряжении один аэрологический пост, способный делать измерения не только в указанное по плану время, но также и всякий раз, когда это будет необходимо по атмосферным условиям. Как минимум, которым можно удовлетвориться, это один аэрологический пост на каждую долину, с тем, однако, условием, чтобы этот пост находился не далеко в тылу, а на уровне огневых позиций.

Наблюдательные пункты, устроенные на плато Флока (2 300 м), имели прекрасный обзор по всему району. Данное обстоятельство было использовано артиллерией не только этого, но также и соседних участков, которые установили на Флока свои наблюдательные пункты. Горный участок, на котором действовали сербские армии, также позволил организовать хорошую сеть наблюдательных пунктов.

* * *

Огневой вал, предусмотренный планом использования артиллерии 122-й и 17-й дивизий, строго выполнялся, по крайней мере во время первой фазы прорыва. Скорость движения пехоты была установлена с учетом трудностей местности: для 122-й пех. дивизии — в первый период атаки 100 м в 5 минут, затем по достижении промежуточного рубежа 100 м в 4 минуты, для 17-й пех. дивизии — 100 м в 4 минуты скачками по 50 м через каждые 2 минуты. Опыт показал, однако, что обе пехотные дивизии не успевали следовать непосредственно за огневым валом. В горах карта дает только общую картину местности. Пехота встречает много непредвиденных трудностей, которые задерживают ее движение. Скорость ее движения, определяющая темп огневого вала, может быть установлена только с большим допуском.

Огневой вал в горах нужно применять только в исключительных случаях (широкие долины, большое плато); в большинстве случаев надо предпочитать короткий подвижный заградительный огонь с началом движения, который затем переходит в последовательное сосредоточение огня в соответствующее время и по объектам, указанным заранее или во время продвижения пехоты.

В настоящее время пехота имеет на вооружении большее количество орудий сопровождения, чем в 1918 г., что позволяет ей собственными средствами разрешать большинство задач на поле боя. Тем не менее и сейчас могут создаваться такие условия, когда по некоторым причинам орудий сопровождения может нехватать. Танки также могут отсутствовать, что часто будет иметь место в горах. Огневые возможности дивизионов артиллерии непосредственной поддержки или обеспечения не всегда позволяют эффективно поражать внезапно появившиеся цели (автоматическое оружие, расположенное в мертвом пространстве и появляющееся только в момент атаки или же расположенное в ненаблюдаемых складках местности).

Артиллерия вьючная или на гусеничном ходу (взвод или батарея), выдвинутая далеко вперед и занявшая огневые позиции на короткой (относительно) дистанции от цели, которую не может эффективно поразить своим огнем артиллерия непосредственной поддержки или обеспечения, явится драгоценным помощником пехоты. Эта артиллерия поможет ускорить продвижение пехоты. Так, например, после прорыва фронта у Доброполье каждая из дивизий развития успеха (югославская и «Тимок») поддерживалась во время движения 2 дивизионами горной артиллерии, а также полевой и тяжелой дивизионной артиллерией, пока последняя могла следовать за пехотой. Дивизия Шумадия, атаковавшая на широком фронте, была поддержана всеми своими горными батареями, которые выполняли задачу непосредственного сопровождения и оказали большую помощь дивизии. Так же обстояло дело и в дивизиях «Дрина» и «Дунай» (сербские дивизии не применяли огневого вала).

В 122-й и 17-й дивизиях не было батарей, специально предназначенных для непосредственного сопровождения. Горные батареи принимали участие в огневом вале

и вели огонь на обеспечение атаки. Дивизионы полевой артиллерии имели очень широкие участки для заградительного огня, а все легкие батареи были необходимы для обеспечения непосредственной поддержки или обеспечения атаки. Даже соединив все эти средства, плотность заградительного огня была недостаточной (75-мм дивизион должен был вести огонь на фронте 500 м). Если бы атакующие части 17-й пех. дивизии имели в своем распоряжении взвод артиллерии непосредственного сопровождения, то он, расположившись на огневых позициях в районе высоты 1736 (холм 1), облегчил бы продвижение 1-го пех. полка, быстро подавляя пулеметные гнезда противника на Голяк, у р. Шарниер и в редюитах на р. Ставра, расположенных большей частью на участке атаки 122-й пех. дивизии. Огонь на разрушение по наиболее активным батареям противника начался за несколько дней до «Д-1» и наибольшего своего развития достиг в день «Д-1».

Этот огонь контролировался авиацией. На фронте 1-й армии группа тяжелой артиллерии была усилена 3 батареями 155-мм гаубиц и в зависимости от месторасположения батарей противника усиливалась огнем 1—2 сербских полевых батарей, которые для этого временно переходили в подчинение начальника группы тяжелой артиллерии. Все эти батареи пристреливались по цели на день раньше и отмечались по реперу.

Результаты, зафиксированные после атаки, показали, что огонь на разрушение, проводимый по вышеописанному способу (мощное сосредоточение огня тяжелых и легких батарей), был очень эффективным. Подвергшиеся такому огневому воздействию батареи противника молчали во время атаки.

Артиллерия может достигнуть наилучших результатов, вообще говоря, только в том случае, если она будет действовать методом сосредоточенного огня большого количества орудий. Огонь на нейтрализацию вели 2 группы тяжелой артиллерии (1-й и 2-й армий). С началом атаки проводилась только частичная нейтрализация. Достичь удовлетворительной нейтрализации не удалось по многим причинам. Сюда относится прежде всего неточность имевшихся в частях карт, невозможность произвести контроль по реперу, непостоянство атмосферных условий и т. д. В настоящее время при наличии взводов для пристрелки на высоких разрывах дело обстоит бы несколько иначе. Расположенные на позиции сопротивления германо-болгарские батареи и взводы открывали огонь только в момент атаки, а так как в это время видимость была еще плохая, то эти батареи и взводы были подавлены с небольшим опозданием. На фронте 1-й армии группа тяжелой артиллерии находилась в гораздо лучших условиях, так как атака здесь началась только в 15 часов.

Задача уничтожения неожиданно появляющихся или исчезающих во время атаки целей на фронте 2-й армии выполнялась дивизионной артиллерией. 122-я пех. дивизия иногда вынуждена была обращаться за помощью к группе тяжелой артиллерии для того, чтобы нейтрализовать артиллерию противника, расположенную на позициях сопротивления и обнаруженную только в момент атаки. Отряды связи с пехотой, обнаружившие такие взводы или батареи, корректировали по ним огонь тяжелой артиллерии. Таким образом достигался очень хороший результат, так как офицер, который корректировал огонь, находился на незначительном расстоянии от цели.

На фронте 1-й армии задача по борьбе с внезапно появляющимися или исчезающими целями была поручена группе тяжелой артиллерии, основной задачей которой была нейтрализация. Для этого были выделены 2 французские батареи 105-мм пушек. Весь участок 1-й армии был разделен на две полосы, в каждой из них действовала одна батарея. Они открывали огонь по обнаруженным во время атаки батареям и скоплениям пехоты противника. Для корректировки был выделен один самолет. По выполнении этих заданий 105-мм батареи возвращались к выполнению своей основной задачи — нейтрализации. Эти батареи дублировались полевыми батареями дивизий «Дрина» и «Дунай» с таким расчетом, чтобы в то время, когда 105-мм батареи вели огонь по неожиданно появившимся целям, полевые батареи дивизий «Дрина» и «Дунай» вели вместо них огонь на нейтрализацию. 105-мм пушки показали хорошие качества в процессе стрельбы по неожиданно появившимся целям. Они быстро открывали по ним огонь, независимо от того, как была обнаружена цель — разведывательным самолетом или с наземных артиллерийских наблюдательных пунктов.

В горах и в особенности если атака идет снизу вверх, подбор людей для отрядов связи с пехотой в отношении их физических данных имеет огромное значение. Кроме телефонной связи, отряд должен иметь средства оптической связи и сигнальные флажки, применение которых в горах бывает очень частым. Полезно придавать отряду связи прямо-передаточную радиостанцию для связи с командиром дивизиона.

Предварительные расчеты расхода боеприпасов оказались правильными. Было израсходовано: легкие полевые и горные батареи израсходовали $3\frac{1}{2}$ -дневную норму снарядов; батареи калибра 105 мм и выше — 4-дневную норму. Боеприпасы были выложены на огневых позициях.

Быстрое использование тактического успеха возможно только для полностью укомплектованных и даже усиленных перед выступлением частей. Людской и конский состав, последний в особенности, должны быть в хорошем состоянии и пройти предварительную тренировку. Эти условия приобретают особенно большое значение, если местность труднопроходимая и снабжение продовольствием и фуражом плохо обеспечено. Если во время быстрого преследования численность людского и конского состава вследствие утомления и потерь во время боя значительно сокращается, то необходимо сократить количество орудий и в батареях, но увезти с собой как можно больше боеприпасов. В тылу организуются центры сосредоточения оставляемых подразделений, где должно быть обеспечено для них питание.

* * *

Во время мировой войны имели место два сражения в горах с решительным результатом, в которых применялись крупные массы артиллерии для поддержки и сопровождения пехоты. Первое сражение произошло в Юлийских Альпах, где в октябре 1917 г. австро-германцы прорвали итальянский фронт в районе Капоретто. Во втором сражении, на македонском фронте в сентябре 1918 г., 8 дивизий союзников после ожесточенной борьбы овладели германо-болгарскими позициями на массиве Мольена, чем было вызвано падение всего фронта противника и вывод из строя за 15 дней боя всей болгарской армии. Таким образом, в горах, так же как и на равнине или среднепересеченной местности, при правильном использовании артиллерии можно достичь крупных оперативных успехов.

Война в горах в наши дни приобрела новые характерные особенности. Моторизация армий дала возможность сосредотачивать большие массы артиллерии на фронте атаки и снабжать ее боеприпасами в достаточном количестве. Артиллерия теперь в состоянии подготовить атаку, поддерживать и сопровождать пехоту относительно далеко от ее исходных позиций.

Капитан Н. РАКОЕД.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Предпринятое Соцэкгизом издание Библиотеки внешней политики отвечает назревшей потребности, ощущаемой широкими кругами нашего советского и партийного актива, а также начальствующим составом Красной Армии. В особенности остро эта потребность чувствуется теперь, когда происходит вторая империалистическая война. Понимание внешней политики и дипломатии капиталистических государств становится в наши дни настоятельной необходимостью.

Всем известно, какое значение придавали основоположники коммунизма вопросам внешней политики и дипломатии буржуазных стран. Маркс и Энгельс не только призывали рабочий класс овладеть тайнами дипломатии и зорко следить за внешней политикой капиталистических правительств. Они сами в своих статьях давали конкретную расшифровку ряда дипломатических и внешнеполитических проблем своего времени. Ленин с неослабной энергией изучал вопросы внешней политики и вскрывал их подлинную сущность. Достаточно вспомнить его статьи, касающиеся русско-японской войны, империалистического раздела Персии, Балканских вопросов и т. д.

С первых же дней существования Советского государства внешняя политика и дипломатия сделали в руках советского правительства одним из наиболее отточенных и острых орудий борьбы за независимое и мирное существование страны социализма. Советское правительство, его дипломатия в разрешении весьма сложных внешнеполитических проблем в различные периоды жизни Советского государства неизменно опирались на все возрастающую военную и экономическую мощь страны, и это обеспечило непрерывный рост авторитета СССР в международной политике.

Советская дипломатия решает внешнеполитические проблемы и практические задачи взаимоотношений с капиталистическими государствами, основываясь на великом учении Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Это и определяет методы советской дипломатии, которые в корне отличны от приемов и практики буржуазной дипломатии. Марксистско-ленинский метод позволяет советской дипломатии разрешать такие задачи, которые не под силу буржуазным дипломатам. Однако одного метода здесь недостаточно. Он должен подкрепляться конкретным и точным знанием международной

обстановки, особенностей внутренней и внешней политики капиталистических государств, их дипломатии, ее истории и т. д.

Этой цели и должна помочь подготавливаемая к изданию «Библиотека внешней политики», которая восполнит недостаток в книгах о внешней политике и дипломатии капиталистического мира. И здесь в первую очередь представят особую ценность работы, принадлежащие перу крупных буржуазных мастеров дипломатии. Вот почему выбор книг, входящих в «Библиотеку внешней политики», является вопросом весьма важным. Буржуазная литература по этим вопросам весьма обширна. Если из этой литературы выделить только одну мемуарную, то и ее список был бы достаточно велик. Задача заключается, таким образом, в тщательном отборе наиболее ценных, наиболее поучительных работ, которые могли бы с максимальной пользой послужить поставленной нами задаче.

Издание «Библиотеки внешней политики» началось выпуском в свет русского перевода трех томов мемуаров «Воспоминания и мысли князя Бисмарка». Выбор этого труда как первого издания «Библиотеки внешней политики» является весьма правильным. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания советской печати в связи с выходом в свет первого тома «Воспоминаний Бисмарка» в октябре 1940 г. Изучение внешней политики Бисмарка имеет отнюдь не только историческое значение. Ряд мыслей, высказанных «железным канцлером», основателем германской империи и долголетним руководителем ее внешней политики, его трактовка некоторых вопросов сохранили актуальный интерес и до наших дней.

В список книг предпринимаемого издания, кроме мемуаров Бисмарка, включены в первую очередь следующие труды иностранных дипломатов: А. Тарлье «Мир», Гарольд Никольсон «Дипломатия», Иссин «Дипломатические комментарии», Дебидур «Дипломатическая история XIX века», Л. Альдрованди-Марескотти «Дипломатическая война» и Сатоу «Дипломатическая практика».

Задачей настоящей статьи является ознакомление советского читателя, хотя бы вкратце, со значением и содержанием перечисленных выше произведений.

Книга Гарольда Никольсона «Дипломатия» не принадлежит к разряду так называемой мемуарной литературы. Это не воспоминания и не дневник дипломата, а работа, представляющая собой известного рода обобщение дипломатического опыта и дипломатических знаний. В этом смысле книга Никольсона заслуживает серьезного внимания, ибо она принадлежит перу человека, имеющего право с достаточным авторитетом писать и говорить по вопросам дипломатии.

Г. Никольсон — не только сам дипломат, но и происходит из семьи дипломата. Его отец, Артур Никольсон, проделал большую дипломатическую карьеру: он был послом Великобритании в Петербурге с 1906 г. по 1910 г., а затем постоянным помощником министра иностранных дел Великобритании. Следует отметить, что постоянный помощник министра иностранных дел Великобритании обычно не зависит от парламентской смены министерств. Лицо, занимающее эту должность, пользуется значительной самостоятельностью и благодаря длительному пребыванию на своем посту оказывает серьезное влияние на внешнюю политику Великобритании. Таким был и Артур Никольсон. Еще во время пребывания в Петербурге он подготовил англо-русское сближение 1907 г. Артур Никольсон был активным сторонником участия Англии в первой мировой империалистической войне.

Дипломатическая карьера Гарольда Никольсона, автора рецензируемой книги, проходила в ряде стран. Его последней должностью в 1929 г. был пост советника посольства в Берлине. После этого он оставил дипломатическую карьеру ради парламентской деятельности. По своей партийной принадлежности Г. Никольсон — лейборист. В 1931 г. во время раскола лейбористской партии он примкнул к группе Макдональда, т. е. к так называемым национал-лейбористам — сторонникам национального (коалиционного) правительства. В настоящее время Г. Никольсон занимает в кабинете Черчилля должность помощника министра по делам информации.

Перу Г. Никольсона принадлежит не только книга «Дипломатия». За последние годы он выпустил ряд работ, посвященных дипломатическим проблемам. Едва ли не самой лучшей после «Дипломатии» является написанная им биография его отца, особый интерес в которой представляют страницы, посвященные истории русско-английского соглашения 1907 г., сыгравшего огромную роль в создании Тройственного Соглашения.

Книга «Дипломатия» полезна для советского читателя в двух отношениях. Автор делает в ней ряд обобщений, касающихся дипломатии и ее методов. С ними можно не согласиться, но при всем том они оригинальны и весьма поучительны. Помимо этого, ценность книги Г. Никольсона для советского читателя заключается главным образом в том, что она знакомит его с историей английской дипломатии.

Г. Никольсон различает дипломатию от внешней политики, считая первую лишь

одним из важнейших средств для осуществления внешней политики. «В разговорном языке, — пишет он, — слово «дипломатия» употребляется для обозначения ряда совершенно различных вещей. Иногда оно употребляется как синоним внешней политики, когда, например, говорят: «Британская дипломатия на Ближнем Востоке недостаточно тверда»; в других случаях оно обозначает переговоры, например: «вопрос мог бы быть разрешен дипломатией». Это слово также служит для названия процедуры и аппарата, при помощи которых ведутся переговоры. Оно также употребляется для обозначения заграничной части ведомства иностранных дел. В этом смысле говорят: «мой племянник работает в дипломатии». Наконец, это несчастное слово обозначает особую способность, проявляющуюся в ловкости и хорошем смысле при ведении международных переговоров, а в плохом смысле — в коварстве в подобных делах» (стр. 29).

По мнению Никольсона, наиболее правильным определением дипломатии является следующее: «дипломатия — это ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата» (стр. 30).

Книга Никольсона посвящается истории дипломатии как метода регулирования международных отношений, как средства внешней политики. В этом смысле Никольсон является, надо сказать, единственным автором, давшим подобного рода очерк истории дипломатии. В сравнительно небольшой по размерам работе охватывается история дипломатии начиная с древних времен. Автор дает обзор греческой, римской и византийской дипломатии, переходит далее к дипломатии Италии эпохи Возрождения и, наконец, останавливается на дипломатии начала XIX в., т. е. времен Венского и Аахенского конгрессов. Историю дипломатии автор рассматривает оторванно от социально-экономического развития человеческого общества. Ценным в книге Никольсона является ее богатый фактический материал.

В части, касающейся современной дипломатии, автор делится своим большим личным опытом. Здесь мы находим немало ярких и острых наблюдений. Само собой разумеется, что далеко не весь этот опыт и не все его наблюдения следует воспринимать без критического к ним отношения. Нельзя не отметить, например, что рассуждения Никольсона о «тайной» и «открытой» дипломатии, о роли Лиги наций и, наконец, о «демократическом контроле» над дипломатией далеко не отражают подлинной действительности. Абсолютно, конечно, неверно, например, утверждение Никольсона, что Лига наций играла определенную роль в деле внедрения «открытой дипломатии». Как известно, прения в Лиге наций касались обычно лишь общих вопросов, в то время как все секретные переговоры велись за кулисами Лиги. Последняя играла роль своеобразного клуба, где дипломаты различных стран встречались лишь для того,

чтобы договориться о своих секретных сошениях для решения текущих вопросов внешней политики.

В отдельной главе Никольсон пытается нарисовать портрет идеального дипломата, причем, по его мнению, хороший дипломат должен обладать такими качествами, как точность, спокойствие, ровный характер, терпение, скромность и т. д. Наконец, в книге имеется глава, где автор показывает различные методы европейской дипломатии (английской, французской, немецкой, итальянской и т. д.).

Особенно ценным в книге Никольсона является очерк истории английской дипломатии. Надо сказать, что английская дипломатия в течение XIX в. (если не говорить о более ранних периодах) и до начала первой империалистической войны 1914—1918 гг. была, несомненно, самой сильной дипломатией в капиталистическом мире. Это ее качество полностью соответствовало роли и значению Англии как одной из наиболее мощных капиталистических держав. В указанный нами период английская дипломатия не знала соперников. Дипломатическое искусство складывалось и передавалось в Англии от поколения к поколению, оставаясь достоянием замкнутой касты аристократии. Именно об этом периоде в истории внешней политики Англии Маркс писал: «...ни в одной части Европы народная масса, и особенно буржуазия, не проявляет такого невежества в иностранной политике своей собственной страны, как в Англии,— невежества, проистекающего из двух главных источников. С одной стороны, со времени Славной революции 1688 г. аристократия монополизировала руководство иностранными делами в Англии. С другой стороны, все растущее разделение труда в известной степени выхолостило общий интеллект буржуа, ограничив всю их энергию и умственные способности узкой сферой торговых, промышленных и профессиональных интересов»¹.

Разумеется, в наши дни английская аристократия уже не та, какой она была во времена Маркса. Она сроднилась и срослась с верхушкой английской буржуазии. Именно последняя является той средой, которая питает аристократию, ибо ежегодно ряд представителей финансовой и промышленной буржуазии получают титулы лордов, графов и т. д. и входят, таким образом, в состав аристократической касты. Но традиции, созданные аристократией, продолжают существовать. До 1920 г. в Англии для поступления на службу в министерство иностранных дел требовался имущественный ценз. Каждый кандидат на дипломатическую службу должен был обладать не менее 400 фунтами стерлингов годового дохода. Жалование дипломатических чиновников, как правило, было сравнительно незначительным, и они жили на собственные средства. Только в 1920 г. было увеличено жалование дипломатических работников и отменен имущественный ценз. Тем не менее традиции английской дипломатии настоль-

ко сильны, что и сейчас подавляющий состав английского дипломатического корпуса представляет собой выходцев из аристократических или крупнобуржуазных кругов.

Никольсон дает чрезвычайно интересный очерк современной английской дипломатии. В промежутки между первой и второй мировыми войнами английская дипломатия не обнаружила тех блестящих качеств, которыми она обладала в XIX в. После Великой Октябрьской социалистической революции у английской дипломатии появился достойный противник в лице советской дипломатии, противник, вооруженный оружием, которого нет и не может быть ни у одной буржуазной дипломатии. Эффективность этого оружия была испытана в ряде боев, в которых английской дипломатии пришлось потерпеть поражение.

Антисоветская политика английской дипломатии, выразившаяся на одном своем этапе, в 1923 г., известным ультиматумом лорда Керзона, потерпела крах и вынуждена была пойти на юридическое признание советского правительства (в 1924 г.). Такая же враждебная СССР линия, приведшая в 1927 г. к разрыву англо-советских отношений, вновь закончилась восстановлением этих отношений (и притом по инициативе английского правительства) в 1929 г. Наконец, и это едва ли не самая блестящая победа советской дипломатии, политика «невмешательства», которая проводилась английской дипломатией в течение последних лет и имела своей основной целью вызвать военное столкновение СССР с Германией, была блестяще разоблачена товарищем Сталиным на XVIII съезде ВКП(б). Эта политика полностью провалилась в результате установления дружеских отношений между Германией и Советским Союзом. Все эти поражения английской дипломатии отнюдь не исключают необходимости ознакомления с ее историей, с ее методами и практической работой. Книга Никольсона, несмотря на идеализацию буржуазной дипломатии, принесет, несомненно, большую пользу советскому читателю.

* * *

В «Библиотеку внешней политики» входит и книга Андрэ Тардьё «Мир». Она посвящена Версальскому мирному договору. Несмотря на то, что в советской литературе имеется несколько работ о Версальском договоре, все же переводных документальных первоисточников об этом империалистическом договоре, закончившем первую мировую империалистическую войну, у нас имеется далеко не достаточно. Нельзя считать такими источниками книгу Новака «Версаль», написанную в значительной мере со слов одного из участников Парижской конференции, председателя германской делегации Брокдорфа-Ранцау, или работу Рея Стенарда Бекера, посвященную Вильсону и к тому же изданную на русском языке неряшливо и неполно. С другой стороны, до сих пор не имеется перевода документальной четырехтомной работы Темперлея о Парижской конференции и Версальском договоре, а также мемуаров Орландо и других авторов. Конечно, ме-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XII, ч. II, стр. 187.

муарм Ллойд Джорджа в известной степени восполняют недостаток литературы о Версале, но весьма односторонние. До сих пор не появившаяся в русском переводе четвертый том воспоминаний полковника Хауза. Все сказанное еще более увеличивает ценность перевода книги Тардьё, являвшегося непосредственным участником Парижской мирной конференции и автором большинства статей Версальского договора.

Исключительно интересна с точки зрения изучения живых людей буржуазной дипломатии биография самого Тардьё. Тардьё — старый опытный политик-дипломат. Его карьера начинается с 1897 г., с поста атташе французского посольства в Берлине. Вскоре он переходит в министерство иностранных дел в качестве секретаря известного в начале XX в. министра иностранных дел Делькассе. Затем Тардьё меняет временно внешнюю политику на внутреннюю и делается секретарем председателя совета министров Вальдек Руссо. Пробыв три года на этом посту, он посвящает себя политической журналистике и переходит сначала в газету «Фигаро», а затем в самую влиятельную буржуазную газету Франции — «Тан». В качестве автора передовых статей «Тан» Тардьё играл настолько выдающуюся внешнеполитическую роль, что однажды министр иностранных дел Германии Кидерлен-Вехтер выразился о нем следующим образом: «Есть шесть великих держав, но настоящая великая держава — седьмая — это Тардьё».

Нравы французской буржуазной печати позволяли Тардьё наряду с политической деятельностью заниматься и устройством своих личных дел, причем эти последние далеко не всегда отличались безупречной чистотой. Тардьё получал деньги от царского посольства, равно как и от германского. Его участие в финансовой афере так называемого общества «Ного-Санго» вылилось в крупный политический скандал, по поводу которого в 1912 г. очень резко выступал в палате депутатов известный французский социалист Жан Жорес. Скандал заставил Тардьё на время отойти от активной политической деятельности.

Первая империалистическая война снова выдвинула Тардьё на авансцену внешней политики Франции. Вначале он устроился при штабе генерала Фоша, а затем получил назначение в качестве генерального комиссара Франции в США. Его задача заключалась в раздаче военных заказов американской промышленности и организации отправки аммуниции и продовольствия во Францию. Осенью 1917 г. премьер-министром Франции стал друг и покровитель Тардьё — Клемансо. С этого момента карьера Тардьё развивается особенно бурно. Наступает момент разгрома Германии и подготовки мирного договора, который должен был зафиксировать раздел добычи. Клемансо поручает Тардьё разработку текста этого договора. Из двадцати пяти комиссий, созданных для подготовки этого документа, Тардьё входит в тринадцатую, наиболее важную и решающую.

Трудно переоценить роль Тардьё на Парижской конференции. Несмотря на то, что

французская делегация включала ряд блестящих дипломатических имен и официально вторым лицом после Клемансо считался министр иностранных дел Пишон, действительным представителем Клемансо, его рупором и исполнителем заданий был Тардьё. Когда нужно было появиться на Клемансо, то Вильсон, Ллойд Джордж и другие предвзвешенно говорили и советовались с Тардьё. Большинство основных документов, исходивших во время Парижской конференции от французской делегации, писалось Тардьё. Не было ни одного сколько-нибудь крупного вопроса, в решении которого не принимал бы участия Тардьё. Все сказанное говорит об исключительном интересе и исторической значимости книги о Версальской конференции, написанной таким ее свидетелем и участником, как Тардьё.

«Мир» Андре Тардьё, конечно, не может считаться объективным исследованием. Это — изложение работ Парижской конференции с точки зрения французского империализма. Но именно это обстоятельство делает книгу особенно интересной. Из нее мы узнаем, как французская дипломатия пыталась разрешить проблемы, рожденные первой мировой империалистической войной и поражением Германии. Мы узнаем интересные факты, свидетельствующие о противоречиях, которые возникли между державами-победительницами при разделе добычи. Тардьё является первоклассным свидетелем не потому, что он все говорит, и не потому, что он всегда говорит правду, а потому, что он много знает. Вот почему, даже тогда, когда он уклоняется от истины, ряд других показаний того же Тардьё позволяют в конце концов обнаружить эту истину.

Тардьё начинает свою книгу с очерка довоенной истории. Он усиленно доказывает, что с 1870 по 1914 г. Франция вела исключительно мирную политику, в то время как Германия систематически готовилась к войне. Эта глава в книге Тардьё является самой слабой. Автору не удается доказать выдвинутого им тезиса. Советский читатель прекрасно знает, что в первой мировой империалистической войне повинна не одна Германия, что все империалистические правительства того времени усиленно готовились к военному столкновению и что каждое из этих правительств несет за чудовищные преступления перед всем человечеством свою долю ответственности. Изображать довоенную Францию как невинную участницу войны — задача, явно обреченная на неуспех.

Исключительный интерес в книге Тардьё имеют те главы, которые посвящены самой конференции и обсуждавшимся на ней вопросам, так называемой репарационной проблеме. Тардьё подробно раскрывает всю историю этого вопроса. В этой связи небезынтересно отметить, что 14 пунктов президента Вильсона, принятые воюющими сторонами в качестве основы для будущих мирных переговоров, не предусматривают репараций. Тардьё рисует картину заседаний конференции, на которой Клемансо впервые предложил обсудить вопрос о репарациях, после чего последовали предложения со

стороны Ллойд Джорджа, Соннино и Хауза. Характерны противоречия, возникшие в связи с этим между французской и англо-американской точками зрения. В то время как англичане и американцы пытались ограничить репарационные платежи какой-то паушальной (общей) суммой, французы доказывали невозможность ограничивать репарационные платежи какой-либо заранее установленной суммой. Спор кончился в пользу французской точки зрения. Германия вынуждена была подписать обязательство платить репарации, не зная даже, какую сумму они составят.

Тардье шаг за шагом рисует эту борьбу между империалистами. При чтении его книги становится совершенно ясным, что дело шло тогда не о том, большую или меньшую сумму репараций возложить на Германию; отказываясь от установления суммы репарационного долга, передавая это дело на усмотрение репарационной комиссии (в которой Франция занимала руководящее место), французская дипломатия пыталась захватить в свои руки на длительное время аппарат и средства угнетения Германии. Англия и США, борясь в репарационном вопросе с Францией, забыли не об уменьшении репарационных платежей, как таковых, а стремились помешать Франции воспользоваться этим сильным средством влияния на побежденную Германию. Эти противоречия в лагере победителей Тардье рисует с исключительной яркостью и наглядностью.

Такие же противоречия пронизывают изложение Тардье, когда он касается споров об аннексии левого берега Рейна, присоединения к Франции Саарской области и расчленения Германии. Несмотря на то, что Тардье многое не договаривает, а многое излагает неверно, все, что он пишет, представляет исключительный интерес. Клемансо и Тардье всячески добивались присоединения к Франции (в той или иной форме) левого берега Рейна. Докладные записки Тардье по этому вопросу представляют целый арсенал исторических, политических, экономических, военных и этнографических аргументов в пользу французской точки зрения.

Как известно, Франция эту борьбу проиграла. Англия и США не дали своего согласия ни на расчленение Германии, ни на присоединение к Франции левого берега Рейна. Борьба по этому последнему вопросу грозила взорвать мирную конференцию. Клемансо согласился отказаться от присоединения левого берега Рейна, только получив взамен обещание вооруженной помощи со стороны Англии и США в случае нападения на Францию. Эти договоры представляли для Клемансо и Франции солидную гарантию ее безопасности. Меньше чем через год после того, как Клемансо и Тардье дали свое согласие на указанную сделку, они убедились в том, что сделка оказалась для них невыгодной. Американский сенат отказался ратифицировать Версальский договор, а вместе с ним и договор о гарантии помощи Франции. Вслед за США отказалась от этого договора и Англия;

Франция осталась и без Рейнской области и без гарантийных договоров.

Советский читатель, несомненно, будет разочарован теми страницами в книге Тардье, в которых последний рисует отношение Парижской конференции к так называемому «русскому вопросу». Здесь Тардье исключительно скуп. Небольшими замечаниями и отдельными фразами повествует он о ряде вопросов, представляющих исключительный интерес именно для нас. Следует, однако, заметить, что в этом отношении Тардье немногим выделяется среди других участников Парижской конференции. Все они, за редким исключением, продолжают сохранять тайну относительно тех антисоветских планов, которые выдвигались на Парижской конференции. А мы не должны забывать, что Парижская конференция была штабом по организации вооруженной интервенции против Советского государства.

В момент, когда на наших глазах вторая империалистическая война переросла в мировую войну, книга Тардье приобретает особое значение. Версальский мирный договор в настоящий момент выброшен в корзину истории, но методы, применявшиеся при его разработке, дипломатические приемы, имевшие место на Парижской конференции, не исчезли, поскольку не исчез еще империализм, поскольку продолжает существовать капиталистическое окружение.

* *

Воспоминания крупнейшего японского дипломата виконта Иссии являются в нашей литературе едва ли не первой работой, дающей представление о деятельности японской дипломатии. В этом смысле перевод книги Иссии представляет собой чрезвычайно ценное восполнение существующего в нашей литературе пробела. Сам Иссии является, несомненно, фигурой, заслуживающей внимания. История русско-японских и советско-японских отношений как в прошлом, так и в настоящем требует от нас не только знания этих вопросов, но и понимания роли и значения дипломатии нашего соседа на Дальнем Востоке.

Кикудзиро Иссии является одним из крупнейших японских дипломатов. Он начал свою дипломатическую карьеру в 1890 г. Во время дипломатической службы Иссии происходили такие события, как японо-китайская война 1894—1895 гг., участие Японии в подавлении боксерского восстания в Китае, заключение японо-английского союза в 1902 г. и, наконец, русско-японская война 1904—1905 гг. и заключение Портсмутского договора. С 1912 по 1915 гг. Иссии был японским послом в Париже. Затем он занимал пост министра иностранных дел Японии. В 1917 г. Иссии подписал с государственным секретарем (министром иностранных дел) США Лансингом известное соглашение, которое вошло в историю под именем соглашения Лансинг—Иссии. Последнее представляло собой попытку японо-американского компромисса на основе признания «специальных прав» Японии в Китае. В 1920 г. Иссии был снова назначен послом в Париж и играл весьма большую

роль в Лиге наций в первые годы ее существования. Из приведенного списка дипломатических постов, занимавших Иссии, советский читатель видит, что имеет дело с видной фигурой японской дипломатии. «Дипломатические комментарии» (так называется книга Иссии) полностью подтверждают это.

Интересно повествование Иссии о дипломатической истории японо-китайской войны 1894—1895 гг. Как известно, эта война закончилась разгромом Китая, который вынужден был принять продиктованные ему Японией условия тяжелого Симоносекского договора (1895 г.). Уже после подписания этого договора произошло вмешательство трех держав (Германии, России и Франции). Это вмешательство урезало требования Японии по отношению к Китаю, но, с другой стороны, вынудило у Китая ряд уступок в пользу Германии, России и Франции. Рассказывая об этом вмешательстве, Иссии выдвигает концепцию, доказывающую, что это вмешательство явилось результатом тщательно продуманного плана германского правительства. Самый план заключался в том, чтобы направить внимание России на Дальний Восток и тем самым отвлечь ее от вмешательства в дела Западной Европы. Иссии пишет: «Проникнув достаточно далеко в бесконечные степи Сибири и Дальнего Востока, русские не смогут выпутаться оттуда, будут тратить там французские деньги и ослаблять давление на Германию. В случае если бы Франция стала недовольна этими авантюрами и попыталась сдержать их или направить французские деньги к русско-германской границе, отношения между Францией и Россией ухудшились бы. Это было бы на-руку германскому правительству. С точки зрения интересов отечества действия кайзера были всем чем угодно, только не фантазией расстроенного ума. Напротив, это было осуществление очень хорошо обдуманного плана».

Оценка Иссии, несомненно, правильна. Роль Вильгельма II была именно таковой в русско-японских отношениях. Эта линия на втягивание России в столкновение с Японией, начавшаяся в момент заключения Симоносекского мира, т. е. в 1895 г., продолжалась вплоть до русско-японской войны.

Рассказывая о заключении англо-японского союза в 1902 г., договора, который в значительной мере предопределил русско-японскую войну, Иссии и в этом вопросе стремится показать закулисную роль Германии. По его мнению, Германия, желавшая, чтобы Россия увязла как можно глубже в дальневосточных делах, и подталкивавшая царское правительство к завоеваниям на берегах Тихого океана, преследовала цель создать на Дальнем Востоке такое положение, при котором Япония рискнула бы пойти на вооруженный конфликт с Россией. Японо-английский союз и должен был сыграть роль такого «толкача» Японии на войну с Россией. Вот почему, по мнению Иссии, германское правительство выдвинуло первоначальную идею тройственного союза (Германия, Англия, Япония), а затем весьма ловко сманивировало, выйдя из этой комбинации и добившись, таким образом, за-

ключения японо-английского союзного договора. Иссии весьма интересно и пространно рассказывает о роли советника германского посольства в Лондоне Экардштейна, который запугивал английское правительство возможностью союза между Россией и Японией и тем торопил английское правительство заключить как можно скорее союзный договор с Японией.

Глава 3-я книги Иссии, повествующая об условиях и обстановке заключения англо-японского союзного договора 30 января 1902 г., представляет собой исключительный интерес. Не меньший интерес представляют комментарии Иссии, касающиеся Портсмутского мира между Японией и Россией. Эти комментарии заслуживают особого внимания, поскольку согласно японо-советскому договору от 20 января 1925 г., договору о восстановлении нормальных отношений между СССР и Японией, правительство СССР согласилось признать действие Портсмутского договора, хотя и оговорило, что оно не несет политической ответственности за этот договор.

Не касаясь прочих условий Портсмутского мира, следует напомнить о том, что согласно именно этому договору южная часть Сахалина была уступлена Россией Японии. Во время портсмутских переговоров Япония хотела получить Сахалин целиком и, кроме того, настаивала на денежной контрибуции. Русская делегация на главе в Витте отказывалась как от контрибуции, так и от уступки Сахалина. Тогдашний президент США Теодор Рузвельт выступил в качестве посредника. 21 августа 1905 г. он отправил своему послу в Петербурге Майеру телеграмму с предложением повидаться с царем и добиться от него согласия на уступку Японии части Сахалина, а равно выплаты значительной суммы за возможность сохранить другую часть Сахалина. Эта сумма должна была быть установлена нейтральной комиссией. Майер действительно повидал царя 23 августа. Николай категорически отказался от уплаты какой-либо контрибуции, но согласился уступить южную часть Сахалина. Японское правительство об этой уступке Николая ничего не знало. Желание как можно скорее закончить войну, общее истощение Японии и неуверенность в дальнейших результатах военных действий (принимая во внимание, что в момент мирной конференции русская армия на Дальнем Востоке не только не была разбита, но, наоборот, представляла собой еще весьма грозную силу), японское правительство 27 августа вынесло решение об отказе как от требования в отношении южной части Сахалина, так и денежного вознаграждения. Японской делегации в Портсмут были посланы соответствующие инструкции.

В этот момент вырисовывается та значительная услуга, которую Иссии оказал своему правительству, услуга, благодаря которой Япония получила южную часть Сахалина. Иссии удалось узнать от одного из своих личных друзей о беседе Николая с американским послом Майером, во время которой, как мы указывали выше, Николай согласился на уступку южной части Сахалина.

С этой важной новостью Иссии после-

шел к премьер-министру, который заменял тогда отсутствовавшего министра иностранных дел Комура (Комура был председателем японской делегации в Портсмуте). Совет министров после некоторых колебаний решил все же поверить сведениям, сообщенным Иссии. Между прочим, морской министр предупредил Иссию, что в случае неправильности его информации он (Иссия) должен будет покончить жизнь самоубийством при помощи «харакири», так как Япония потеряет возможность заключить мир. Японской делегации была послана новая телеграмма, отменявшая отказ Японии от требования уступки южной части Сахалина, а царская Россия вынуждена была пойти на эту уступку.

Этот пример, между прочим, ярко доказывает огромное значение дипломатической информации и ее роль в крупнейших исторических событиях. Если бы не своевременная информация Иссии, Портсмутский мирный договор выглядел бы иначе.

Много поучительного рассказывает в своей книге Иссия о японской дипломатии во время первой мировой империалистической войны. Специальная глава его книги посвящается японским интересам в Китае и попытке японо-американского компромисса при помощи соглашения Лансинг—Иссия. В этом соглашении, представлявшем собой обмен письмами с обеих сторон, были признаны «специальные интересы» Японии в Китае. Соглашение Лансинг—Иссия было заключено 2 ноября 1917 г., т. е. за несколько дней до Великой Октябрьской социалистической революции. Россия в это время уже фактически не была воюющей страной, и союзники, в частности США, прекрасно понимали, что рассчитывать на Россию как на военную силу не приходится. Поведение Японии во время мировой войны, после того как она захватила германские владения в Китае, было весьма загадочным. Правда, никто из союзников, и в том числе США, еще не знал о секретном договоре от 3 июля 1916 г., заключенном между Россией и Японией и направленном против Англии и США. Последнее не могли знать об этом договоре в тот момент, поскольку он был опубликован советским правительством лишь после Октября в общем издании тайных договоров царского и временного правительств. Хотя США и не знали об этом договоре, все же поведение Японии казалось им подозрительным, а ее дальнейшее участие в войне против Германии — проблематичным. Исходя из этого, США считали необходимым пойти на уступку по отношению к Японии. Такой уступкой и являлось соглашение Лансинг—Иссия, представлявшее, несомненно, большой успех японской дипломатии и, в частности, Иссии как специального уполномоченного Японии, посланного для этой цели в Америку.

После поражения Германии, уже во время Вашингтонской конференции, США взяли обратно свое признание «специальных интересов» Японии в Китае. На Вашингтонской конференции, как известно, Соединенные Штаты Америки провозгласили в отношении Китая принцип «открытых дверей и равных возможностей».

Книга Л. Альдрованди-Марескотти является первыми переводными мемуарами итальянского дипломата, непосредственного участника Парижской конференции. Книга называется «Дипломатическая война» и охватывает исключительно богатый и насыщенный событиями период между 1914 и 1919 гг.

Мемуары Альдрованди принадлежат к числу мемуаров, в которых личность автора отнюдь не выдвигается на первый план, а, наоборот, как бы ступшевуется общим повествованием. Автор отнюдь не претендует на то, чтобы показать читателю, какую он лично играл роль в тех или иных исторических событиях. От этого мемуары делаются, несомненно, более объективными и более интересными.

Альдрованди начал свою дипломатическую карьеру, как и большинство буржуазных дипломатов, с заграничной работы. В 1914 г. он был советником итальянского посольства в Вене. Перед вступлением Италии в войну на стороне держав Антанты Альдрованди стал начальником кабинета министра иностранных дел Сонинно. Он участвовал затем в ряде межсоюзных конференций в Петербурге, Рапалло, Пескьера, Париже и, наконец, являлся генеральным секретарем и членом итальянской делегации на Парижской мирной конференции. После заключения Версальского мира Альдрованди назначается итальянским послом в Берлине, где его дипломатическая карьера временно прерывается из-за кражи шифров в его посольстве. Еще раз имя Альдрованди появляется в 1933 г. в связи с так называемой комиссией Литтона, которую Лига наций послала в Манчжурию для обследования вопроса о ее захвате японцами.

Альдрованди шаг за шагом описывает развитие итальянской внешней политики с момента начала первой мировой империалистической войны и до заключения Версальского мирного договора. Следует отметить, что записи Альдрованди в основном верны, и сопоставление их с показаниями других участников Парижской конференции (французов, англичан, американцев) говорит в пользу Альдрованди. Впрочем, тут же нужно заметить, что он, как и Гардье, уклоняется от записи разговоров и совещаний, касавшихся Советской республики. Везде, где речь идет об этом вопросе, в книге Альдрованди стоят точки. Так, например, в одном месте Альдрованди записывает: «Вводят Чайковского»; далее идут точки. Известно, что Чайковский был главой так называемого Архангельского или Северного «правительства» и союзники вели с ним переговоры относительно вооруженной интервенции. Все это исчезает из дневника Альдрованди, как исчезает и дискуссия по вопросу о польско-украинском конфликте, конференции на Принцевых островах и т. д.

Первая глава «Дипломатической войны» посвящена началу войны 1914 г. Альдрованди подробно рисует позицию Италии,

которая сначала отказалась выступить на стороне Австро-Венгрии и Германии, а затем, через несколько месяцев, выступила на стороне держав Антанты. Известно, что, объявив о своем нейтралитете, Италия вскоре начала переговоры с обоими воюющими блоками, торгуясь об условиях нейтралитета в одном случае и выступления на стороне Антанты — в другом. Альдрованди сообщает ряд интересных подробностей, которые до сих пор не были освещены в нашей литературе. Оказывается, что переговоры с державами Антанты Италия начала не вскоре, а немедленно после начала войны, т. е. уже в августе 1914 г. Оказывается также, что переговоры с Германией и Австро-Венгрией Италия вела еще 25 апреля 1915 г., т. е. буквально накануне дня подписания Лондонского договора от 26 апреля 1915 г., который определил условия участия Италии в войне на стороне Антанты.

Вторая глава книги посвящается межсоюзной конференции в Петербурге в самом начале 1917 г., т. е. накануне Февральской революции. Запись Альдрованди о положении в России в это время представляет для нас исключительный интерес. Так, например, он записывает о том, что единственным требованием, которое царские делегаты выставляли на этой конференции, было требование финансовой помощи. И тут же добавляет, что «французские и английские делегаты отбились по мере возможности от этих назойливых требований». Альдрованди сообщает ряд обстоятельств, которые не были до сих пор известны. В частности, чрезвычайно интересна та запись, в которой он затрагивает вопрос о франко-русских переговорах, оставшихся в тайне от других союзников — англичан и итальянцев. Речь шла о соглашении, в силу которого царское правительство признало за Францией право на левый берег Рейна и Саар в обмен на согласие Франции признать за Россией право на Константинополь и Проливы. Это соглашение стало известно лишь после октября 1917 года, когда оно было опубликовано советским правительством. Альдрованди, конечно, об этих переговорах не знал, но ряд его записей свидетельствует о том, что он подозревал наличие каких-то переговоров.

С горечью констатирует Альдрованди неравноправное положение Италии в среде союзников. Особенно резко ощутила это Италия после битвы при Капоретто (октябрь 1917 г.). После этого Италия уже не сумела восстановить свои силы и положение вплоть до заключения Версальского мира. Очень красочно рассказывает Альдрованди, как Ллойд Джордж ультимативно требовал смены итальянского верховного командования (генералов Кадорна и Порро), как итальянцы вынуждены были подчиниться этому требованию и т. д. Правда, о самой катастрофе при Капоретто Альдрованди пишет очень мало и старается всячески ее преуменьшить. Но по этому вопросу имеется свидетельство Ллойда Джорджа, который немедленно после Ка-

поретто поспешил в Италию. Он писал: «Целые дивизии рассыпались на блуждающие атомы, гонимые бурей по равнинам Ломбардии... Я нашел солдат без ружей, они бежали сотни миль с поля сражения».

Неравноправное положение Италии, усугубленное разгромом при Капоретто, сказалось на позиции этой державы на Парижской мирной конференции. Добычу, полученную после разгрома Германии и ее союзников, на Парижской конференции делили в соответствии с силой каждого из победителей. А Италия была слаба. Этим и объясняется тяжелое положение итальянской дипломатии на самой конференции. Альдрованди посвящает целую главу борьбе за Фиуме — город и область в Истрии, на которые Италия претендовала и которые союзники ей упорно не отдавали.

Италия вступила в войну на стороне Антанты на основании Лондонского договора от 26 апреля 1915 г. В этом договоре были обозначены все те компенсации, которые Италия должна была получить в результате победы Антанты над противниками. На Парижской мирной конференции союзники, пользуясь слабостью Италии, отказались выполнить ряд своих обещаний. Впрочем, еще до Парижской конференции, во время самой войны Англия и Франция договорились между собой о разделе турецких владений в Малой Азии, причем это соглашение первоначально даже было скрыто от Италии.

К тому же итальянская дипломатия на Парижской конференции обнаружила ряд своих слабых качеств. Она ограничивалась настойчивой защитой своих притязаний, но при этом совершенно не проявила маневренных способностей. Она упорно не учитывала факта своей слабости и, таким образом, не соразмеряла своих сил с силами партнеров. В результате подобной тактики итальянская делегация в апреле 1919 г. покинула демонстративно Парижскую конференцию, не получив удовлетворения своих требований. Более дальновидный, нежели итальянские дипломаты, «старый тигр» Клемансо при прощании с уезжавшими итальянцами заметил, что союзники будут очень жалеть об отсутствии итальянцев, но что итальянцы будут жалеть еще более. Клемансо оказался прав. Конференция не только продолжала свою работу, но союзники успели за время отсутствия итальянской делегации обещать грекам Смирну, на которую претендовали итальянцы. Итальянской делегации пришлось спешно возвращаться в Версаль и соглашаться на программу союзников.

Позиция Италии на Парижской конференции и поведение и тактика итальянской дипломатии в передаче Альдрованди представляют весьма поучительный материал.

* * *

Книжкой «Дипломатическая война» Альдрованди заканчивается список мемуарной литературы, которая в первую очередь появится в издании «Библиотеки внешней политики». Следует сказать несколько слов и о двух других работах, которые выйдут одновременно. Мы имеем в виду серьезный

труд французского историка А. Дебидура «Дипломатическая история Европы».

Работа охватывает период от Берлинского конгресса 1878 г. до первой мировой империалистической войны. Австро-германский союз, тройственный союз, колониальная политика, буланжизм и болгарская революция, последние годы канцлерства Бисмарка, франко-русский союз, английская политика в Африке, франко-английское согласие, от Порт-Артура до Танжера, русско-японская война и конференция в Алжезирасе, триполитанская война, балканский союз и, наконец, возникновение мировой войны 1914 г. — таковы отдельные главы труда Дебидура. Дебидур является типичным буржуазным историком. Советский читатель поэтому не должен брать на-веру комментарии этих событий, даваемые автором. Но в его работе есть много фактов, документов, и с этой точки зрения его книга является чрезвычайно ценным пособием для изучения дипломатической истории периода 1878—1914 гг.

Книга Сатоу «Дипломатическая практика» представляет собой попытку кодификации правил и положений дипломатической техники, принятой в сношениях между отдельными государствами. Эта техника играет часто большую роль, и ею пренебрегать советскому дипломатическому работнику никак нельзя. Знание этой техники, умение применять ее в нужных случаях, несомненно, облегчают работу советского дипломата, защищающего интересы своей родины. Сатоу собрал огромное количество примеров, правил, казусов и т. д. Он не только сообщает их читателю, но и критически оценивает каждое из таких правил, отмечая важность одних и сравнительно второстепенную роль других.

Выходящие в свет в 1941 г. книги «Библиотеки внешней политики» дадут начальствующему составу Красной Армии ряд нужных и ценных работ, которые помогут ему разобраться в сложных вопросах внешней политики и дипломатии.

Б. ШТЕИН.

НЕПОЛНОЦЕННАЯ КНИГА

Михаил Васильевич Фрунзе, говоря словами великого Сталина, был одним из самых честных, самых бесстрашных революционеров нашего времени. Образ этого пламенного революционера-большевика, полководца Красной Армии, одного из виднейших ее вождей, отчетливо и ясно сохранился в памяти бойцов и командиров Красной Армии.

Вся многообразная и огромная по своему объему деятельность М. В. Фрунзе наполнена примерами негибаемой воли к победе, к претворению в жизнь любой, большой или малой, задачи, которые ставила перед ним большевистская партия. Организуя нелегальные кружки, вооруженные рабочие отряды, в своих неустрашимых выступлениях перед царским судом, командуя армией, различными фронтами в годы гражданской войны, проводя реформу Красной Армии, в своей теоретической работе — везде и всюду Фрунзе был прежде всего воинствующим большевиком, верным учеником Ленина и Сталина. С именем Фрунзе связаны крупнейшие победы Красной Армии на фронтах гражданской войны. Его полководческая деятельность имеет целый ряд характерных особенностей, которые свойственны полководцам-большевикам, военным руководителям нового типа, выкопанным партией Ленина — Сталина.

В обширных военно-теоретических трудах, в высказываниях М. В. Фрунзе имеется множество указаний по самым разнообразным вопросам организации и строительства вооруженных сил нашей страны, по воспитанию и обучению командных кадров и бойцов Красной Армии. Эти указания не по-

теряли своего значения и сейчас. Его высказывания о единоначалии, подготовке командиров Красной Армии, дисциплине, роли политической работы в армии, развёртывании научно-исследовательской работы и т. д. звучат так, как будто они высказаны не 15—18 лет назад, а в наши дни.

На теоретических трудах М. В. Фрунзе учатся и будут учиться командиры Красной Армии. Его боевой опыт учит нас, как надо организовать победу и осуществить ее малой кровью. Его замечательный жизненный путь являет собой образец героического служения делу коммунизма, социалистической родине.

Все это требует, чтобы советские авторы, поставившие себе задачей отразить в военно-художественной литературе замечательный образ этого великого человека, подходили к ее решению с величайшей ответственностью. Разрешение этой задачи требует тщательного и всестороннего изучения теоретического наследства Фрунзе, огромного документального материала, овеещающего его многообразную боевую и государственную деятельность, ознакомления с многочисленными воспоминаниями людей, близко знавших Михаила Васильевича, работавших вместе с ним, и т. д. Решение этой задачи требует, кроме того, умения выбрать из обширного фактического материала те наиболее яркие факты, которые смогут более выпукло показать характерные черты М. В. Фрунзе как большевика-революционера, политического деятеля, военного руководителя нового типа и талантливого полководца. Это особенно относится к описанию наиболее яркого периода

его жизни — деятельности Фрунзе как полководца и руководителя Красной Армии.

Автор рецензируемой книги¹ подошел к решению этой почетной и ответственной задачи иначе. Он живо и ярко описал отдельные события и факты из жизни Фрунзе, подчеркнул некоторые его характерные черты, но не дал цельного и правдивого образа пролетарского полководца. Ряд крупнейших событий показан лишь намеками. Автор во многих случаях показывает боевую деятельность Фрунзе в годы гражданской войны вне той обстановки, в которой ему приходилось работать. В результате читатель не получает правильного представления о значимости тех мероприятий, которые намечал и проводил Фрунзе. Автор более полно осветил деятельность Фрунзе как неустрашимого революционера в предреволюционный период, но слабо показал его роль как талантливого полководца, военного руководителя и строителя вооруженных сил страны. Все это, как и ряд других существенных недочетов, допущенных автором, сильно снижает ценность рецензируемой книги.

Остановимся на некоторых конкретных недостатках содержания книги.

Часть книги, освещающая дореволюционный период деятельности Фрунзе, написана значительно лучше. Однако и здесь имеется ряд существенных упущений. Автор не показал на примере Фрунзе, как большевистская партия заблаговременно выковывала кадры своих военных руководителей, которые затем взяли на себя руководство вооруженными силами пролетариата. Известно, что Фрунзе, владея несколькими языками, изучал не только по русским, но и по иностранным источникам Наполеона, Клаузевица, Жюмани, Суворова, его походы, Отечественную войну 1812 г. Он глубоко изучал тактику вооруженного восстания. Кроме того, в процессе своей революционной работы Фрунзе приобрел большой военный опыт, организуя и руководя боевыми отрядами рабочих, в частности, в Иванове и Шуе.

Автор книги и сам указывает, что Фрунзе, находясь в ссылке, организовал и руководил кружком военных знаний. К сожалению, он не показал, как Фрунзе в труднейших условиях изучал военное дело, как он применял свои военно-политические знания в подготовке боевых рабочих отрядов. Это следовало описать, ибо уже здесь будущий полководец проявил незаурядные военные дарования.

Прочитав раздел книги о деятельности Фрунзе на Восточном фронте, читатель не получает полного представления об огромной роли, которую сыграл Фрунзе в создании Южной группы войск Восточного фронта, в укреплении тыла, поднятии боеспособности войск и в организации победы над Колчаком. События поданы автором слишком упрощенно, а иногда он огра-

ничивается лишь намеками. Так, например, говоря о состоянии фронта в момент приезда туда Фрунзе, автор пишет: «На севере по вине Троцкого, не выполнившего указаний Ленина об укреплении позиций, была сдана Пермь» (стр. 106). Известно, что преступная деятельность Троцкого и его ставленников не ограничивалась лишь «невыполнением указаний об укреплении позиций». В результате их «руководства» фронт был развален, войска утратили свою боеспособность, и только путем огромной работы, проведенной там Сталиным и Дзержинским по заданию ЦК и В. И. Ленина, удалось восстановить боеспособность войск и сорвать наступательные планы Колчака. После этих мероприятий части Восточного фронта перешли в наступление и захватили Уральск.

Далее автор пишет: «Фрунзе является образцом военачальника нового типа» (стр. 111), но совершенно не разъясняет читателю, что это означает, не подчеркивает ясно и выпукло характерные черты военачальника нового типа.

Говоря о руководстве М. В. Фрунзе партийной и политической работой, автор указывает, что «он требовал от политработников отказа от агитации вообще» (стр. 113) и почти ограничивается этим заключением. Между тем известно, что Фрунзе провел огромную работу по укреплению партийно-политического аппарата, по организации его деятельности и не только в частях, но и в ближайшем тылу. Вместе с В. В. Куйбышевым Фрунзе повседневно занимался укреплением советских органов в тылу, мобилизацией рабочих и крестьян района действий 4-й армии и Южной группы на помощь Красной Армии. Автор на протяжении всей книги не счит нужным остановиться на роли Фрунзе как крупного государственного деятеля. А это следовало бы сделать, чтобы читатель мог получить более полное представление о деятельности Фрунзе.

Описывая боевые действия 4-й армии, а затем и Южной группы, проведенные под руководством Фрунзе, автор не сумел показать значения и сущности контрудара по Колчаку — этой наиболее показательной в отношении оперативного искусства операции, проведенной Фрунзе на Восточном фронте. С. Борисов же рассказал ни об оперативной обстановке, ни о планах сторон, ни о соотношении сил, ни о существе оперативного замысла Фрунзе (хотя бы в самом сжатом виде). Без этого становятся неясными и те факты, которые приведены автором.

В результате читатель не получает правильного представления о роли Фрунзе в организации контрудара, который, как известно, создал перелом в оперативной обстановке и привел к разгрому основной группировки Колчака, а затем и всей его армии.

Описывая действия войск Южной группы и рассказывая об оперативных указаниях Фрунзе, автор не только допускает ряд искажений, но и подает отдельные события с недопустимой упрощенностью.

¹ С. Борисов. Фрунзе. Изд. «Молодая гвардия», 1940 г. «Жизнь замечательных людей». 306 стр., ц. 6 руб.

Приведем ряд примеров. На стр. 112 автор пишет: «М. В. Фрунзе решает перейти к активным действиям, чтобы закалить части в боях». Это утверждение непонятно. Фрунзе не признавал никаких других форм ведения операции и боя, кроме активных, и исходил при этом не из стремления «закалить части в боях», а из основной задачи, стоявшей перед Красной Армией, — добиться быстрой и полной победы над врагом, — которую нельзя было решить пассивными средствами.

Далее автор повествует: «Чапаев, проводя по степям полки своей Александрово-Гайской бригады, овладел Сломихинской» (стр. 126). В данном случае автор не только допустил излишнее упрощение факта, но и проявил вредную легкомысленность. Прежде всего Чапаев вел бои за Сломихинскую, команду Александрово-Гайской группой, в которую, помимо одноименной бригады, входил Балаковский полк. Эта группа взаимодействовала с левой группой, в составе 22-й Николаевской дивизии и 1-й бригады 25-й стрелковой дивизии. Операция продолжалась около двух месяцев, так как красным войскам приходилось действовать в период сильных буранов и против уральских белоказаков, являвшихся одним из наиболее подвижных, инициативных противников. Эта победа далась Чапаеву не так легко, как это изображает автор.

Автор утверждает на стр. 136, что при создании Южной группы в составе РВС группы «оставался В. В. Куйбышев». Между тем Куйбышев был назначен членом РВС Южной группы лишь 9 апреля 1919 г., т. е. при включении в нее 5-й и Туркестанской армий.

Говоря о содержании приказа Фрунзе от 19 апреля, автор передает его так: «С большой энергией продолжать выполнение указанного мною оперативного плана, центр тяжести коего лежит в Бугурусланской группе...» (стр. 142). Между тем в подлиннике последние слова записаны так: «в разгроме Бугурусланской группы противника». Это упущение свидетельствует о большой небрежности автора.

На стр. 144 автор приводит разговор Фрунзе с командованием фронта от 26 апреля и при этом пишет: «В тот же день Фрунзе приказал ударной группе уклониться к востоку и охватить левый флаг 11-й белой дивизии». У читателя невольно встает вопрос: почему необходимо было изменить направление ударной группы, где же находилась 11-я дивизия белых? Но об этом автор ничего не пишет.

«28 апреля начались бои по всему фронту Южной группы», — читаем мы на стр. 146. Что же происходило на фронте до этого дня? Неужели части стояли и ждали общего сигнала о наступлении? Конечно, нет. «27-й, 211-й полки атаковали части 2-й и 5-й дивизий противника... сдалось в плен более 1000 человек пехоты (колчаковской), захвачена батарея, 15 пулеметов... 25-я дивизия... 26 апреля заняла высоты в бою под Покровском», — так сообщала

сводка штаба Южной группы за 27 апреля 1919 г. Может быть, автор хотел сказать о начале общего наступления Южной группы 28 апреля, — тогда надо было так и писать.

Пытаясь показать значение контрудара по Колчаку, автор на стр. 151 пишет: «Волгу Колчаку не отдавать!» — таков был народный лозунг того времени». С этим утверждением никак нельзя согласиться.

В тезисах ЦК партии о положении на Восточном фронте, опубликованных в «Правде» 23 апреля 1919 г., ставилась следующая задача партийным организациям: «Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны». В. И. Ленин в директиве РВС фронта от 25 мая ставил следующую задачу: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной». Следовательно, партия Ленина — Сталина в это время ставила не пассивную задачу — оборону Волги, а решительное наступление с целью полного разгрома Колчака и освобождения Урала и Сибири. Этого же хотел и советский народ. В связи с этим следует указать как на крупнейший недостаток книги, что автор почти не показал роли партии и В. И. Ленина в руководстве Восточным фронтом, в организации разгрома Колчака. Между тем только при поддержке ЦК и В. И. Ленина Фрунзе удалось осуществить свой оперативный замысел и разгромить врага.

Автор, оценивая оперативный план Фрунзе «смелым и реальным», говорит далее, что он подменялся трусливым и предательским планом Троцкого, предусматривавшего отход Красной Армии за Волгу. «Этот предательский план», — пишет С. Борисов, — они обосновывали устарелой теорией, по которой нужно вначале на каком-то рубеже задержать врага, а затем переходить в наступление. Пролетарский стратег товарищ Сталин придерживался в подобных случаях другой тактики. Не следует стремиться задержать врага во что бы то ни стало на каком-то рубеже, а нужно собрать мощный ударный кулак, выбрать правильное направление для удара и смело переходить в контрнаступление. Так Сталин и Ворошилов действовали под Царицыном, так решил действовать и Фрунзе» (стр. 135).

Пытаясь сформулировать здесь какую-то свою «теорию», автор лишь демонстрирует слабое знакомство с историей гражданской войны в СССР. По его теории выходит, что наступающего противника необходимо задерживать на каком-то рубеже, а нужно выбрать направление главного удара, сосредоточить мощный кулак и разгромить его. Но ведь для сосредоточения мощного кулака тоже нужен какой-то рубеж? И напрасно автор пытается доказать, что товарищ Сталин «так действовал под Царицыном». Район Царицына являлся, как известно, важнейшим рубежом, удержание которого в тот момент было главной стратегической задачей, ибо это

срывало планы соединения контрреволюционных сил Юга и Востока страны. Части Красной Армии, под руководством Сталина и Ворошилова героически обороняя от превосходных сил врага район Царицына, сосредоточили здесь необходимые силы и, перейдя в наступление, нанесли противнику решительное поражение. Больше того, Фрунзе, сосредотачивая силы в районе Бузулука и сдерживая наступление врага на определенном рубеже, в то же время считал необходимым организовать сильные прикрепленные районы на Волге. В своем приказе от 14 апреля 1919 г. он писал: «Для непосредственной обороны р. Волги устраиваются укрепленные районы у Казани, Симбирска и Самары».

На стр. 162 автор пишет: «25 самолетов противника непрерывно бомбили переправлявшиеся части». По архивным данным известно, что во всей армии Ханжина было 16 самолетов, а в момент переправы красных войск через р. Белую летало не более 5—7 самолетов.

Автор вообще не считал нужным хотя бы кратко характеризовать силы противника и показать тем самым всю трудность и сложность боевых задач, которые приходилось выполнять частям Красной Армии под руководством Фрунзе.

Уфимская операция описана автором явно неудовлетворительно. Руководящую роль Фрунзе в этой операции он свел к тому, что М. В. Фрунзе лично участвовал в бою. Фрунзе неоднократно личным примером увлекал бойцов в труднейшие атаки. Но он делал это лишь тогда, когда этого требовала обстановка, и ни в коем случае не оставлял руководства операцией в целом. Автор указывает, что Уфа была взята к утру 9 июня (стр. 166). Между тем она была взята лишь 9 июня вечером.

Мы считаем излишним останавливаться на той части книги, в которой автор описывает деятельность Фрунзе в Туркестане, на Южном фронте против Врангеля и в бытность его командующим вооруженными силами Украины. Она написана на том же уровне, что и разобранный нами часть книги, на которой мы остановились более подробно.

Также слабо показана и роль Фрунзе как руководителя Красной Армии после окончания гражданской войны. Автор лишь мимоходом говорит о военной реформе 1924 г., в процессе которой были заложены организационные основы современной Красной Армии. Неполно освещена борьба Фрунзе против Троцкого и его приспешников, пытавшихся развалить армию.

На стр. 291 автор пишет: «Историческая заслуга Фрунзе в том, что он сумел в переходный период, каким являлись для строительства вооруженных сил 1921—1924 годы, вывести Красную Армию на путь планомерного строительства». В то же время сам автор на стр. 282 пишет, что «на апрельском пленуме ЦК в 1924 году специальная комиссия, обследовавшая состояние Красной Армии (кстати комиссия докладывала на февральском и апрельском

пленумах.—Ред.), сделала доклад, сущность которого сводилась к следующему: «Красной Армии, как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы, у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная Армия небоеспособна». Получается явное противоречие, которое объясняется тем, что автор не потрудился ознакомиться с историей строительства Красной Армии. Фрунзе не мог сделать того, что приписывает ему автор в этот период. Находясь на Украине, Фрунзе в это время усиленно разрабатывал основы организационного строительства вооруженных сил, оперативного искусства и боевой и политической подготовки армии. Вокруг этих вопросов развернулась бурная дискуссия, в процессе которой Троцкий противопоставил марксистски обоснованным положениям, выдвинутым Фрунзе, свою вредительскую, узко делаческую концепцию, отрицавшую применимость марксистско-ленинского метода к разработке вопросов военного строительства. Одновременно, пользуясь своим положением, Троцкий продолжал срывать мероприятия, направленные к укреплению Красной Армии, стремясь окончательно развалить ее. Характеризуя этот период в жизни Красной Армии, К. Е. Ворошилов в своей речи в связи с пятидесятилетием РККА говорил, что Красная Армия «продолжала переживать тот же неустойчивый и нездоровый период демобилизации, не двигаясь вперед, не ставя новых проблем в области военного дела,—в лучшем случае это было топтание на месте». И только когда партия поручила реорганизацию армии М. В. Фрунзе, начался период ее решительной перестройки.

Деятельность Фрунзе в бытность его заместителем председателя, а затем и председателем РВСР является крупнейшим этапом в его жизни. Но автор уделяет этому периоду лишь 5 страниц, где он преимущественно говорит о роли Фрунзе в организации тыла Красной Армии.

Фрунзе, как известно, уделял колоссальное внимание вопросам боевой и политической подготовки Красной Армии, введению единоначалия, укреплению дисциплины, провел огромную работу по выдвижению молодых кадров к руководству управлениями и частями РККА, организации новых родов войск (авиации, бронетанковых частей, зенитной артиллерии, химвойска), созданию нормальных материально-бытовых условий для бойцов и командиров, развертыванию военно-учебных заведений (академий и школ) и т. д. Но все эти важнейшие мероприятия, проведенные под руководством Фрунзе, не нашли отражения на страницах книги.

С. Борисов, взяв на себя весьма почетную задачу — нарисовать образ бесстрашного революционера, неспясаемого большевика, талантливого пролетарского полководца, военного руководителя ленинско-сталинского типа, каковым являлся М. В. Фрунзе,—полностью с ней не справился. Более удачной частью книги является та, в которой описаны детство и дореволюци-

онная деятельность Фрунзе. Здесь автору удалось показать Миханла Васильевича как бесстрашного революционера, самоотверженно выполнявшего задания партии. Но остальная часть книги сделана слабо; она не дает достаточно полного представления о Фрунзе как полководце, руководителе Красной Армии, не вскрыывает характерных черт, свойственных военному руководителю нового типа. Это усугубляется тем, что автор, подобрав лишь отдельные факты или высказывания, не всегда правильно

включает их в свою хронологическую канву и не делает крайне необходимых в книге обобщений, которые помогли бы усилить ее воспитательное значение. Ценность книги снижается и тем, что автор излишне упрощает описание многих событий и допускает целый ряд ошибочных утверждений и искажений. Издательство «Молодая гвардия» допустило ошибку, выпустив в свет явно неотреботанную книгу.

Комбриг И. НЕФТЕРЕВ.

«ТАЙНАЯ ВОЙНА» ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК ПРОТИВ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Военное издательство опубликовало полезную книгу¹, в которой давно ощущалась немалая потребность.

В своем историческом докладе на мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г. товарищ Сталин предлагал обеспечить такие условия, «чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов». Нельзя сказать, чтобы наши издательства выпускали в последние годы мало книг, посвященных вопросам «тайной войны». Однако в подавляющем большинстве случаев дело ограничивалось изданием небольших популярных брошюр или переводной литературы. Что касается последней, то многие из появившихся переводных книг представляют лишь относительную ценность. Авторами этих книг нередко являются лица, так или иначе причастные к работе иностранных разведок. вполне естественно, что в своих мемуарах они извращают истину. К тому же значительная часть зарубежной литературы по вопросам шпионажа носит отпечаток дешевой сенсации, бульварщины.

Задача, поставленная товарищем Сталиным, требует создания марксистской литературы, всесторонне освещающей методы работы иностранных разведок. А в этой области нашими издательствами сделано еще очень и очень мало.

Книга В. Минаева, несомненно, является первой серьезной работой, посвященной подрывной деятельности иностранных разведок в СССР. В опубликованной ныне первой части этой работы автор дает краткий исторический очерк подрывной антисоветской работы иностранных разведок и их троцкистско-бухаринской агентуры. С тщательностью и добросовестностью он собрал и систематизировал отдельные эпизоды антисоветской «тайной войны». Многие мате-

риалы, приведенные в книге, позабыты читателем, другие представлены автором в более полном освещении, некоторые факты публикуются впервые.

Книга В. Минаева наглядно показывает, какую поистине гигантскую борьбу провела партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным на всех этапах существования и развития страны социализма против подрывной деятельности иностранных разведок и внутренней контрреволюции. Во второй, еще не опубликованной части книги автор собирается осветить на конкретных примерах систему и методы подрывной деятельности иностранных разведок в СССР.

Выход в свет работы тов. Минаева является особенно своевременным сейчас. Выход второй империалистической войны свидетельствует о том, какую большую роль играют в военных действиях наших дней разведывательные органы воюющих государств. В предисловии автор пишет:

«Иностранная печать в своих высказываниях об операциях германской армии в Скандинавии, Голландии, Бельгии и северной Франции большую роль отводит в них деятельности германской разведки, ускорившей благоприятный исход этих операций в целом и, в частности, действий воздушно-десантных войск. В то же время разгром армий союзников американская, например, печать в лице военных обозревателей таких крупных органов, как «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк пост» и др., расценивает прямо как результат провала прежде всего работы английской и французской разведок, не сумевших проникнуть в планы германского командования. Таким образом, в настоящую войну, как никогда, методы «подрывной стратегии» приобрели огромное значение. Наряду с грандиозными сражениями на суше, в воздухе и боевыми действиями на море непрерывно идет ожесточенная борьба «тайных сил» враждующих сторон» (стр. 3).

Справедливость этих замечаний полностью подтвердилась развитием военных событий зимой 1940/41 г. в бассейне Средиземного моря — на Балканах и в Северной Африке. Неудачи итальянского оружия на средизем-

¹ В. Минаев. Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР. Часть I. Под редакцией И. Ерухимовича. Воениздат, Москва, 1940.

поморском театре войны в немалой степени объясняются промахами разведывательных органов Италии.

* * *

С самого дня Великой Октябрьской социалистической революции капиталистический мир ведет яростную борьбу против Советского государства. В этой борьбе разведывательные органы империалистических держав широко применяют отравленное оружие шпионажа, вредительства, диверсий, террора. Пытаясь опереться на оставшиеся еще неразоблаченными контрреволюционные элементы внутри СССР, они организовывали в нашем тылу антисоветские заговоры. В лице троцкистско-бухаринской своры иностранные разведки приобрели послушную агентуру, готовую на все. Уже 23 декабря 1917 г. было заключено секретное соглашение Антанты о борьбе против Советской России, которое получило конкретное выражение в «заговоре трех послов»: французского посла Нуланса, главы английской миссии Локкарта и американского посла Френсиса. Установив связи с различными контрреволюционными организациями, от меньшевиков и эсеров до монархистского офицерства, участники «заговора трех послов» выработали план свержения советской власти. В этот план входили мятежи в различных пунктах Советской страны, серии диверсионных актов, путч в Москве, подкуп латышских стрелков и захват с их помощью московского Кремля. Одновременно предполагалось ударить на неокрепшую Советскую страну с севера и с юга силами интервентов, чехословацких частей и белогвардейских полчищ.

Бдительность ВЧК, возглавлявшейся Феликсом Дзержинским, расстреляла этот заговор. Его участники были пойманы с поличным. Но империалистические разведки перешли к организации новых заговоров. На их деньги был создан Б. Савинковым контрреволюционный «Союз защиты родины и свободы», организовывавший мятежи в Ярославле, Рыбинске, Костроме, Калуге, Владимире и некоторых других городах. Через несколько лет в своих показаниях Военной коллегии Верховного суда Савинков сознался, что деньги на организацию этих мятежей были предоставлены французским посольством.

Воиска интервентов прибыли на советский Север. Тут они встретили прямую поддержку изменника Троцкого. Интервенция на Севере началась при его непосредственном содействии. Он предложил по телеграфу Мурманскому совету «принять всякое содействие союзных миссий» (стр. 21). На основании этой телеграммы Мурманский совет, возглавлявшийся предателем Юрьевым, заключил соглашение с командованием интервентов. Высадка интервентов в Мурманске не встретила сопротивления. Больше того, без ведома Центрального Комитета партии Троцкий заключил соглашение с Локкартом о передаче союзникам военных запасов, находившихся в Архангельске. Так белогвардейцы получили от Троцкого оружие для борьбы с советской властью.

Изменник Троцкий позднее, уже в качестве главы советской делегации в Бресте, нарушил прямую директиву Центрального Комитета партии и сорвал подписание мира, открыв германским войскам дорогу в глубь Советской России. Троцкого поддерживали «левые коммунисты». Много лет спустя, на процессе «право-троцкистского блока», во всей полноте раскрылась картина существовавшего тогда чудовищного заговора «левых коммунистов», троцкистов, «левых» и правых эсеров. За спиной заговорщиков стояли иностранные империалисты. Убийство германского посла графа Мирбаха и мятеж «левых» эсеров в Москве в июльские дни 1918 г. — таковы были плоды этого гнусного заговора.

Блок троцкистов, «левых» коммунистов, зиновьевцев, «левых» и правых эсеров подготовил злодейское покушение на Ленина, убийство Володарского и Урицкого. В воззвании, выпущенном ВЦИК в связи с ранением Ленина, говорилось: «мы не сомневаемся, что и здесь будут найдены следы наймитов англичан и французоз» (стр. 34). Нити контрреволюционных заговоров неизменно вели в стан иностранных империалистов.

Подпольные контрреволюционные организации действовали в контакте с иностранными разведками, подчиняясь директивам их представителей. Примером такого сообщничества может служить подрывная деятельность петроградского филиала контрреволюционной организации «Национальный центр». Деятельностью этой организации руководила шпионская группа английской и французской разведок, возглавлявшаяся агентом «Интеллидженс сервис» Полем Дюксом. Шпионы-заговорщики ставили себе целью содействовать захвату Петрограда Юденичем. Заговор агентов «Интеллидженс сервис» и белогвардейцев из «Национального центра» встретил содействие со стороны Зиновьева и Троцкого, принявших решение о сдаче Юденичу Петрограда без боя.

Широкий военно-шпионский заговор в Петрограде был раскрыт только благодаря бдительности большевистской партии. Учитывая серьезность обстановки в Петрограде, Центральный Комитет послал туда товарища Сталина. Вскоре товарищ Сталин получил телеграмму от Ленина, содержащую глубокий анализ общего положения под Петроградом. «Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград, — писал Ленин, — заставляет предполагать наличность в нашем тылу, а может быть и на самом фронте, организованного предательства. Только этим можно объяснить нападение со сравнительно незначительными силами, стремительное продвижение вперед, а также неоднократные взрывы мостов на идущих в Петроград магистралах... Просьба обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять экстренные меры для раскрытия заговоров» (стр. 40).

Под руководством товарища Сталина экстренные меры были приняты. В буржуазных кварталах Петрограда были проведены повальные обыски. В результате этих обысков удалось изъять около 7 000 винто-

вок, до 150 000 патронов, пулеметы, револьверы и т. д. «По всем данным,— писал товарищ Сталин в «Правде»,—противник рассчитывал не только, или, вернее, не столько на свои собственные силы, сколько на силы своих сторонников-белогвардейцев в тылу у наших войск, в Петрограде и на фронтах. Прежде всего проживавшие в Питере так называемые посольства буржуазных государств (французское, швейцарское, греческое, итальянское, голландское, датское, румынское и пр.), занимавшиеся финансированием белогвардейцев и шпионажем в пользу Юденича и англо-франко-финно-эстонской буржуазии. Эти господа швыряли деньгами направо и налево, подкупая в тылу нашей армии все подкупное» (стр. 40—41).

Партия провела большую работу по мобилизации трудящихся красного Петрограда на борьбу против тайной агентуры врага.

Перед читателем проходит целая портретная галерея шпионов иностранных разведок, подвизавшихся в нашей стране. Тут и известный агент «Интеллидженс сервис» Сидней Рейли, засланный в Россию еще в 1910 г., и его коллега по английской разведке Дорнан Блер, и американский пастор Саймонс, возглавлявший группу из пятидесяти шпионов, и французский разведчик Фуаси, и польский епископ Цепляк, и многие другие. Все они были разоблачены и обезврежены славными чекистами.

Шпионская сеть иностранных разведок изобиловала церковниками всех вероисповеданий. Особенную активность проявляли на службе у польской разведки католические попы, прелаты, ксендзы. Процесс католических церковников в марте 1923 г. с исчерпывающей полнотой осветил подрывную работу католического духовенства в советских тылах. Католические попы занимались вербовкой шпионов, собирали шпионские донесения, руководили переброской диверсантов через польско-советскую границу и т. д.

В качестве опорных пунктов в Советской стране иностранные разведки пользовались концессиями, предоставленными советским правительством различным зарубежным фирмам. Именно по этой причине некоторые «концессионеры» не проявляли особой заинтересованности в хозяйственных делах. Так, концессионная фирма «Тигли Моргана» давала из года в год крупный дефицит. Только за 1926—1927 гг. ее дефицит составил 600 000 рублей. Повидимому, эта так называемая «фирма» располагала достаточно крупными субсидиями, из которых покрывала свои убытки. Разоблачив «истинную деятельность» подозрительной «фирмы»—шпионаж в советской военной промышленности,—органы ОГПУ тем самым установили и источник получавшихся ею субсидий.

Румыния, Польша, страны Прибалтики, Финляндия были базами подрывной антисоветской работы иностранных разведок. Отсюда производилась засылка шпионов, диверсантов, террористов на советскую территорию. Разведывательные органы этих стран фактически были филиалами английской и

французской разведок и финансировались последними.

Как в годы интервенции и гражданской войны, так и в последующий период иностранные дипломатические учреждения в СССР были теснейшим образом связаны с подрывной работой соответствующих разведывательных органов.

Целиком перейдя на службу к иностранным разведкам в годы интервенции и гражданской войны, партии меньшевиков и эсеров остались верны себе и в эмиграции. Сидя за границей, под крыльшком империалистов, они пытались при помощи своих бывших сторонников создавать шпионскую сеть на советской территории, организовывать диверсионные акты, готовить мятежи против советской власти.

В этом отношении показательна подрывная работа грузинских меньшевиков, о которой автор приводит ряд малозвестных фактов.

* * *

Книга тов. Минаева обстоятельно рассказывает о борьбе партии против троцкистско-бухаринско-зиновьевской агентуры иностранных разведок.

Много лет спустя, на процессе «правотроцкистского блока», было установлено, что еще в 1920 г. Троцкий завязал через меньшевика Коппа непосредственную связь с разведкой одной капиталистической державы. Эта разведка предложила троцкистам оказать ей содействие в организации опорных разведывательных пунктов на советской территории и обслуживать созданные пункты шпионскими донесениями. За это троцкистам было обещано в виде вознаграждения 250 000 марок в год. На протяжении 1923—1930 гг. троцкисты получили за свою шпионскую работу 2 млн. золотых марок.

Это не помешало троцкистам обслуживать одновременно английскую разведку. В 1924—1926 гг. троцкистские главарь один за другим были завербованы «Интеллидженс сервис». Троцкий Раковский был ею завербован в бытность свою полпредом СССР в Лондоне. По приезде в Москву Раковский доложил об этом Троцкому и заручился его санкцией на связь с «Интеллидженс сервис». В 1926 г. «Интеллидженс сервис» завербовала самого Троцкого, занимавшего тогда пост председателя Главконцесскома. Связь со своим новым начальством в Лондоне Иуда-Троцкий поддерживал через представителей английской концессионной фирмы «Лена Гольдфильдс».

По заданию иностранных разведок троцкистско-бухаринские шпионы и диверсанты стали широко применять вредительство в социалистической промышленности, в сельском хозяйстве. Материалы следствия по «шахтинскому делу» указывали на наличие вредительства не только в угольной промышленности, но и в других отраслях социалистического хозяйства. Вскоре были раскрыты вредительские организации и на транспорте, а также в военной, текстильной, золотой, нефтяной, химической, судостроительной и других отраслях промышленности. Наконец, в 1930 г. органами ОГПУ

был ликвидирован объединенный вредительский центр, так называемый «Инженерный центр». Процесс «Промпартии» позволил установить связь вредителей с международной контрреволюцией.

Одновременно с «Промпартией» органы ОГПУ обезвредили эсеровско-кулацкую организацию — «Трудовую крестьянскую партию». В марте 1931 г. состоялся процесс вредителей из так называемого «Союзного бюро» меньшевиков. Вслед затем была разоблачена вредительно-шпионская организация, орудовавшая в системе рабочего снабжения. В 1933 г. перед советским судом предстала группа вредителей и шпионов из состава инженеров и техников английской фирмы «Метро-Виккерс».

Переход партии в развернутое наступление против остатков капиталистических элементов в стране вызвал ожесточенное сопротивление троцкистско-бухаринско-зиновьевского антипартийного подполья. Злейшие враги народа из недр этого подполья развернули свою шпионско-диверсионно-вредительно-террористическую деятельность.

1 декабря 1934 г. грянул злодейский выстрел, оборвавший жизнь любимца партии и народа товарища Кирова. Убийцей оказался зиновьевский последыш Николаев. Злодейское убийство навело партию на след «Ленинградского центра» и «Московского центра». Вдохновителям злодейского преступления Зиновьеву, Каменеву и другим удалось тогда замести следы и оттянуть заслуженное возмездие. Но над ними уже был занесен меч карающего советского правосудия.

«Огромная очистительная работа,— пишет тов. Минаев,— проведенная за последние годы советской разведкой под руководством партии, привела к дальнейшему укреплению внутреннего положения СССР к дальнейшему укреплению советского строя. Очищение Красной Армии и Военно-Морского Флота от вредителей, шпионов, диверсантов привело к дальнейшему укреплению обороноспособности нашей страны» (стр. 214).

Опыт минувших лет, в частности уроки судебных процессов, не прошел даром. Возросла политическая зрелость трудящихся масс, усилилось их участие в борьбе против подрывной деятельности иностранных разведок.

* * *

Книга тов. Минаева поможет еще больше заострить бдительность широких кругов советских людей, которые, несомненно, прочтут ее с большим интересом.

«Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР» — необходимое пособие для партийного актива, для командиров и политработников Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Следует пожелать, чтобы поскорее увидела свет вторая часть работы тов. Минаева. Надо надеяться, что при выпуске ее Воениздат примет меры к тому, чтобы оформление книги соответствовало ее назначению — быть пособием партийного актива и начальствующего состава Красной Армии.

Б. ИЗАКОВ.

ВОЗДУШНАЯ ПОБЕДА НАД ПОЛЬШЕЙ

Под таким названием в Германии выпущен военный очерк капитана флота Зиглер¹, состоявшего при штабе воздушного флота № 4.

Очерк дает краткий обзор действий 4-го германского воздушного флота в целях обеспечения господства в воздухе, а также взаимодействия с наземными войсками при разгроме польской армии.

Автор указывает, что до войны с Польшей в авиационном отношении Германия была разделена на четыре округа. В каждом из этих округов располагался самостоятельный воздушный флот со своим штабом, подчиненный министру авиации и главнокомандующему ВВС Германии. На востоке страны располагался воздушный флот № 1 со штабом в Берлине, на севере — флот № 2 со штабом в Брауншвейге, на западе — флот № 3 со штабом в Мюнхене и на юго-востоке — флот № 4 со шта-

бом в Вене. В каждом округе имелись как наступательные, так и оборонительные средства ведения воздушной войны.

Окончательная организация 4-го воздушного флота Германии была произведена 1 апреля 1939 г. Он в основном состоял из военно-воздушных сил Австрии. Командующим флотом был назначен генерал-летчик Лер (бывший начальник ВВС Австрии) и начальником штаба — полковник генерального штаба Кортен.

Округ воздушного флота № 4 включал огромную территорию Австрии (без Тироля), Богемию, Моравию, восточную часть Судетской области и Силезию до Бреслау. Автор отмечает, что уже с момента организации было определено, что воздушный флот № 4 в случае войны с Польшей будет играть решающую роль.

При составлении оперативного плана войны против Польши намечалось использовать два воздушных флота — №№ 1 и 4, а №№ 2 и 3 предназначались для защиты западной границы. Оперативный замысел действий воздушных флотов против Польши

¹ Luftsiege über Polen. Eine militärische Skizze von Hauptmann Dr. Frhr. von Siegler, Verlag Scherl, Berlin 1940.

намечался в виде «клещей»: с севера воздушное нападение производит флот № 1, с юго-востока—воздушный флот № 4. Обеспечение главного удара наземных войск также возлагалось на воздушный флот № 4.

Для наступательных целей флот имел воздушные дивизии (соединения) разведчиков, бомбардировщиков, специальных пикирующих самолетов, штурмовиков и истребителей. Для оборонительных действий командование флота имело в своем распоряжении части истребительной авиации и зенитной артиллерии.

В числе особых формирований флота имелись части воздушно-десантных войск. Имелись и транспортные самолеты, которые были сведены в отдельные части для использования их по подвозу боеприпасов, горючего и продовольствия.

Авиационные соединения, входившие в состав флота, по существующей в Германии системе организации при проведении боевых действий не связаны с вопросами подготовки аэродромов, обеспечением себя боеприпасами, горючим, продовольствием и т. д. Для этой цели вся территория авиационного округа делится на два-три района, командование которых и несет полную ответственность за материальное обеспечение боевых действий соединений и частей воздушного флота. Командование района, подчиненное непосредственно командованию флота, обеспечивает организацию, подготовку и содержание различных аэродромов, а также и зенитных позиций, производит подвоз всего необходимого для боя (боеприпасы, горючее, продовольствие), организует ремонт материальной части.

Таким образом, соединения и части воздушного флота освобождены от организационно-технических забот по материальному обеспечению, и даже в ходе боевых действий в случае перебазирования командование районов подготавливает все, что необходимо для боевых частей при решении задач боя и операций.

Заслуживает внимания описание автором организационной работы воздушного флота № 4, проделанной им в подготовительный период войны с Польшей. Он сообщает, что за это время были четко отработаны организация и распределение сил флота в соответствии с задачами воздушной войны против Польши. Доработан и уточнен порядок подчиненности в ходе войны для наступления и обороны. Были определены районы операции на территории Польши и распределены между соединениями флота. В каждом районе операции было определено количество целей и их значимость и произведено распределение их между частями и соединениями.

К целям главной значимости относились аэродромы, укрепления, транспортные объекты (железные дороги, вокзалы, мосты, шлюзы, поезда), промышленные предприятия, прежде всего авиационная и прочая промышленность, электростанции, казармы и всякого рода склады. Все эти объекты были распределены по соединениям, эска-

дрильям, отрядам, чтобы последние с началом войны имели ясные и четкие задачи.

Были разработаны вопросы взаимодействия с сухопутной армией. При этом командование флота исходило из того положения, что основной удар воздушных сил должен быть там, где наносится главный удар наземных войск.

Большое внимание было обращено на подготовку и разработку системы подвоза. Произведен подсчет необходимых боеприпасов для поражения определенных целей. Боеприпасы были подвезены на те аэродромы, откуда намечалось производить воздушные атаки.

Особое внимание обращалось на организацию бесперебойной связи. Требовалось, чтобы сеть связи от командующего флотом до последнего разведчика, находящегося за сотни километров от фронта, была настолько согласована и организована, чтобы этот разведчик, производящий свой полет, мог своевременно получить приказ, а также быстро передать донесение, которое можно было использовать для обеспечения общего успеха воздушной операции. Был установлен порядок радиосвязи для каждого самолета, для каждого аэродрома соединения. Заблаговременно разрабатывалась система использования гражданской телеграфно-телефонной связи района операций, чтобы дать возможность каждому командному пункту с максимальной быстротой связаться с подчиненными ему войсками.

Своевременно принимались меры по противовоздушной обороне объектов и в первую очередь главных, а именно: аэродромов, позиций зенитных батарей, узлов связи и снабжения. При этом командование стремилось оборонить не всю территорию округа, а лишь жизненно необходимые объекты. Изучение метеорологических условий Польши было поставлено на научную основу.

По оперативным планам округ флота № 4 совпадал с районом операций южной армейской группы. В соответствии с этим соединения и части вооруженного флота были сосредоточены в выдающейся далеко вперед дуге операций южной армейской группы, причем наибольшее значение придавалось поддержке 10-й армии, наносившей главный удар. Для осуществления взаимодействия с 10-й армией был выделен генерал, который и командовал соединениями авиации при решении ими задач, возникающих в ходе наступления армии, производившей главный удар.

В августе штаб воздушного флота № 4 перебазировался из Вены в Брюнн, где и установил непосредственную связь и контакт с командованием южной армейской группы, а также и с командованием 8-го авиационного района в Бреслау, обеспечивавшего подвоз и аэродромную сеть района действий воздушного флота № 4 во время действий против Польши.

Польское командование, как отмечает автор, в подготовительный период не провело необходимых мероприятий, обеспечивающих ведение оборонительной или наступательной воздушной войны. Оно не сумело правильно организовать свои ВВС для вой-

ны. Соединения авиации были довольно равномерно рассредоточены по всей стране почти на 100 аэродромах. Ни в одном районе не было создано ударной группы ВВС или резерва. Ясно, что подобное распыление сил польской авиации не давало возможности централизовать ответные удары и провести дееспособную защиту территории, войск и объектов страны. Факты первых же дней войны подтверждают это, ибо польская авиация сколько-нибудь значительных воздушных контратак провести не смогла.

Воздушную войну против Польши, проведенную германскими ВВС в составе флотов № 1 и 4 и взаимодействии их с наземными войсками, автор подразделяет на три фазы. Первая фаза воздушной войны охватывает всего лишь два дня. Главная задача в этот период — уничтожить польские ВВС. Здесь задача борьбы против авиации была доминирующей. Вторая фаза — с 3 по 9 сентября; основная задача — непосредственная поддержка наступления южной армей-

ской группы. Третья фаза, если не считать заключительной борьбы против Варшавы и Модлина, охватывает промежуток времени с 9 по 17 сентября; основная задача — воспрепятствовать организованному отходу польских армий за Вислу и Сан и сделать невозможным создание оборонительной линии за этими реками.

Каждая из этих фаз не исключала дополнительных задач как в осуществлении непосредственной поддержки действий наземных войск, так и косвенной помощи им путем нарушения работы тыла польской армии.

Первая фаза войны характерна внезапностью действий всей массы бомбардировочной авиации воздушного флота № 4. Указанное обстоятельство с первых же часов воздушной войны передавало инициативу в руки германских ВВС. К тому же плохая летная погода в первый день войны успокаивающе действовала на польское командование. Оно не успело и не сумело

Районы, подвергшиеся интенсивным атакам воздушного флота № 4.

поставить соответствующих задач своим ВВС и этим понизило их боеспособность.

Массирование атак германской авиации продолжалось с все нарастающими темпами. В первый день большинство самолетов использовалось четырехкратно. Истребительная же авиация в бой не вступала, имея основную задачу защиты районов развертывания войск, объектов и пунктов внутри района действий флота. Однако уже на второй день истребительная авиация стала принимать активное участие в боях на польской территории, так как опасность возможных налетов со стороны польских ВВС на территорию и пункты Германии исключалась.

Польская истребительная авиация в первый день войны, оправившись от воздушных атак, начала производить заградительные полеты над районами Краков, Лодзь, Варшава. Однако эти действия производились лишь по личной инициативе командиров отдельных частей и соединений; общего руководства не чувствовалось. Кроме того, большинство бомбардировщиков воздушного флота № 4 было более быстроходными, нежели поднимавшиеся для воздушного боя польские истребители. Все это дало возможность германским ВВС в течение первых двух дней воздушной войны завоевать полное господство в воздухе и уничтожить основную часть польской авиации на аэродромах и в воздушных боях над территорией Польши. Решающими факторами, обеспечившими успех германским ВВС, являлись численное и качественное превосходство их самолетов.

В первые два дня соединения воздушного флота № 4 осуществляли и непосредственную поддержку наступления сухопутной армии. Авиация атаковала польские наземные части прежде всего в районе Ченстохова, т. е. в районе, где 10-я германская армия наносила главный удар из Силезии на Варшаву. Эти воздушные атаки имели огромное значение для всей южной группы. Уже в первый момент прорыва польских передовых линий они положили начало стому планомерной системы обороны, управления и ближайшего тыла польской армии. Атаки «сверху и снизу» обеспечили быстрое продвижение вперед 10-й армии.

Одновременно были подвергнуты воздушным атакам оперативные резервы польской армии, которые стремились локализовать продвижение южной армейской группы. Фронт Ченстохов, Велушь и восточный берег реки Варты, где намечалось сопротивление польских войск, подвергался наиболее частым атакам с воздуха. Непрерывные воздушные атаки польских войск в период их развертывания не давали возможности польскому командованию произвести контрудар против германской южной группы по мере ее продвижения вперед. Организованная польскими войсками фланговая атака прорвавшихся далеко вперед германских бронетанковых соединений на участке южной группы была отражена исключительно бомбардировщиками.

Вместе с тем уже в первой фазе войны были предприняты бомбардировки центров

польской авиационной промышленности в Люблине и Демблине, вокзалов в Кутно, Лович и нескольких узлов связи (Лодзинская радиостанция).

Вместе с первыми налетами бомбардировщиков широко практиковались полеты разведывательной авиации, которая давала исключительно ценные сведения о ходе боев на отдельных участках фронта, а также и о результатах воздушных атак соединениями воздушного флота № 4.

В итоге первой фазы воздушной войны против Польши была решена задача защиты германской территории от нападения польской авиации и почти на всем пространстве Польши осуществлено подавление ее авиации, которая до конца войны так и не смогла оправиться.

С 3 сентября началась вторая фаза войны воздушного флота № 4. Она заняла шесть дней. Эта фаза характерна прямой и косвенной поддержкой авиацией операций южной армейской группы под командованием Рундштедта. Таким образом, основные действия частей флота № 4 были перенесены на взаимодействие с наземными войсками. Благодаря эффективной поддержке авиации германские армии продвинулись от силезской границы до Вислы и до района перед Варшавой.

Во второй фазе воздушной войны германская авиация наносила мощные удары перед фронтом армий, разрушала польские коммуникации и сеть связи, нарушая тем самым ее управление. В результате этого авиация помешала организованному отступлению польской армии за Вислу и задержала ее западнее этой реки, подготовив тем самым окружение основных частей в районе дуги, образуемой рекой Вислой, а также в районе Варшавы и Радомы. Атаками перед фронтом 10-й армии авиация облегчила продвижение ее вперед и помогла осуществить изоляцию познанской армии и польских сил в районе Лодзи от польской группировки в районе Радомы. Воздушные атаки против польской южной армии производились по обе стороны реки Сан, чтобы задержать отход польских войск за эту реку.

При помощи авиации германское командование своевременно разгадало польские замыслы, состоявшие в том, чтобы отвести польскую армию за линию Сан, Висла с целью организации новой оборонительной линии с предместными укреплениями по линии Люблин, Варшава, Демблин, Сандомир, Перемышль.

В итоге второй фазы воздушной войны соединения флота № 4 завершили разгром польских ВВС, нарушили взаимосвязь армий, а затем соединений и частей польских войск, создав предпосылки для их окружения и полного разгрома наземной армией.

Третья фаза операций воздушного флота № 4, с 9 по 17 сентября, являлась завершающим актом воздушной войны. Центр тяжести действий в этот период был перемещен на восток Польши, но при этом не упускались и задачи борьбы с польскими войсками, которые пытались выйти из окружения.

Восточнее Вислы деятельность флота преследовала цель уничтожить попытки польских войск по созданию мощных групп из отступавших соединений и резервов в районе Люблина и Львова и не допустить отхода крупных польских сил в Румынию.

В третьей фазе воздушной войны взаимодействие флота с наземными войсками было наиболее необходимым и вместе с тем особенно трудным. Силы германских армий, зашедших далеко вперед, были слабы, и в тылу бронетанковых соединений и даже пехоты нередко оставались отдельные группы и даже части польских войск, которые отчаянными контратаками пытались выйти из окружения. Очень часто авиация вынуждена была помогать зашедшим механизированным войскам оружием, горючим, продовольствием. В обстановке, когда стерлись линии фронта, когда действия сухопутных армий носили характер не только продвижения вперед, но и борьбы с окруженными польскими войсками и против оставшихся польских войск в тылу, бои часто происходили фронтом на запад, а не на восток. В этой сложной обстановке необходимо было тщательно разбираться, чтобы не нанести урона своим войскам.

Сфера боевой деятельности соединений флота № 4 в этой фазе значительно расширилась. Район восточнее Вислы также стал объектом воздушных атак. Здесь еще возможны были контратаки польских войск против слабых германских частей, переправившихся через Вислу и далеко продвинувшихся вперед.

Производились атаки дорог Люблин—Варшава, Влодава—Ковель и колонн войск между Кутно и Влоцлавском. Начата польской познанской армией контратака с целью избежать окружения была сорвана германской авиацией. Севернее Радома бомбились колонны войск; пикирующие бомбардировщики были направлены против вокзалов и поездов юго-восточнее Перемышля—на линиях Хыров, Самбор, Дрогобыч, Самбор, а также против пересечений дорог

и треугольника путей сообщения юго-восточной Варшавы. Надо было локализовать атаки с воздуха районы Люблина и Львова, в которых намечались возможности польского сопротивления.

Судя по этим скудным сведениям о действиях флота № 4 в течение одного лишь дня, 10 сентября, можно заключить, что район его операций был обширен. Он простирался от Варшавы до румынской границы и охватывал территорию между Веней, Дрезденом и Оппельном.

В результате действий соединений и частей воздушного флота № 4 в заключительной фазе войны было достигнуто окружение полейков в районе дуги, образуемой Вислой. Польские силы между Люблином и Львовом оказались разьединенными на отдельные изолированные группы; лишь сравнительно слабым силам удалось перейти румынскую границу.

С 15 сентября воздушная война в Польше заметно начинает стихать, и к 18 сентября, кроме разведывательной деятельности, других операций авиация уже не проводила. Однако окончательно воздушная война против Польши закончилась 25 сентября. Это были заключительные атаки соединений воздушного флота № 4 против Варшавы. В течение 25 сентября Варшава подвергалась воздушным бомбардировкам и через два дня была вынуждена капитулировать.

В ходе войны особого внимания заслуживает работа авиационных транспортных групп, доставлявших горючее, боеприпасы и продовольствие наземным войскам. В один из пунктов для наземных войск было подвезено транспортными самолетами 700 тонн горючего. 16 сентября для горной дивизии транспортные самолеты доставили 180 000 патронов и снарядов и 60 000 порций продовольствия. Эти самолеты довольно быстро производили перебазирование на новые аэродромы как людского состава, так и технических средств обслуживания.

Подполковник П. ВЕДЕНИЧЕВ.

АНГЛИЯ И США В 1914—1917 гг.¹

Одним из злободневных вопросов американской публицистики последних лет является вопрос о причинах вступления Америки в первую мировую империалистическую войну в апреле 1917 г. Дискуссия на эту тему давно перекочевала из ученых журналов на страницы разпространенной печати и массовых изданий. Это и понятно: затронутый вопрос далеко не академический. Давая на него тот или иной ответ, авторы тем самым недвусмысленно высказывают свое мнение о внешней политике нынешнего правительства. Характерно, что американские публицисты на все лады склоняют сейчас имена Вильсона и Хауза. Литература, посвященная последним, уже может составить целую

библиотеку. Одной из наиболее ценных работ этого рода является книга профессора истории Оклахомского университета Петерсона, специально посвященная английской пропаганде в период 1914—1918 гг. как одной из причин вступления США в войну¹.

Существуют самые различные объяснения того, почему США в 1917 г. отказались от позиции нейтралитета, несомненно, представлявшего для них существенные выгоды. Есть «юридическая» точка зре-

¹ Н. С. Peterson. Propaganda for War. The Campaign against American Neutrality, 1914—1917, Norman. University of Oklahoma Press, 1939, VIII, 357 p.

ния: известный американский юрист Мур усматривает причину в желании правительства США добиться для своих граждан права плавать на судах воюющих держав. Известный исследователь дипломатии США этого периода, профессор Иэльского университета Чарльз Сеймур, издатель и комментатор архива полковника Хауса, отстаивает по этому вопросу, так сказать, «сентиментальную» точку зрения. Он пишет: «Америка вступила в войну на стороне Антанты не столько из политических или даже экономических соображений, сколько под влиянием чувства. Народ США был возмущен подвохой войной»². Несмотря на то, что автор, хотя и весьма односторонне, смотрит на дело с другой стороны или «школы», возглавляемая сенатором Насом. Последний считает, что США были втянуты в войну кучкой фабрикантов оружия³.

Автор рецензируемой книги, Петерсон, не соглашается ни с одним из этих взглядов; по его мнению, причину вступления США в войну следует искать в английской пропаганде. Правда, под словом пропаганда автор имеет в виду очень широкое понятие: он включает сюда все, что может оказать непосредственное влияние на общественное мнение и настроения отдельных кругов США. Вот почему автор посвящает отдельную главу «пропаганде экономической», т. е. торговым и иным экономическим связям, развившимся в ходе войны между Англией и США. «Британская пропаганда и британская экономическая война», — пишет автор, — взаимно друг друга дополняли. Одна действовала в первую очередь на чувства американцев, другая — на их карман» (стр. 71). В руках англичан оказались три средства экономического порядка: морская политика, которая ставила внешнюю торговлю США в зависимость от Англии, английские закупки в США и частные займы. В результате США оказались «пайщиками» в военном предприятии, именуемом Антантой.

Что касается пропаганды в прямом смысле, то автор делит ее на негативную и позитивную. Негативная пропаганда — это цензура, которую англичане установили с первых дней войны, даже с первых часов после ее начала. «Перерезав кабель между США и Германией, англичане совершили первый шаг в области цензуры и первый шаг в области пропаганды» (стр. 13). Автор подчеркивает значение установления

цензуры над самыми первыми сведениями о начавшейся войне: «Самый действенный инструмент пропаганды — информация — был захвачен в самый критический момент в истории войны, в момент, когда создаются первые впечатления, когда складываются точки зрения» (стр. 12).

Однако англичане использовали не только это «негативное оружие» пропаганды, но и создали мощную организацию, оказавшую влияние на все стороны духовной, политической и экономической жизни США. Изучению этой организации, методов ее деятельности и результатов автор рецензируемой книги посвятил немало труда.

В самом деле, как указывает автор, при собирании материалов ему пришлось преодолеть много препятствий: исходя из вполне обоснованного предположения, что опыт 1914—1917 гг. может пригодиться и для будущего, британское министерство иностранных дел прямо заявило автору, что оно «не может помочь ему в осуществлении его проекта» — освещении в книге опыта пропаганды 1914—1917 гг. Документы лиц, принимавших особо заметное участие в пропагандистской деятельности, оказывались «уничтоженными». Служащие Британского музея, где работал автор, заявили ему, что ничего интересного по этой части в архивах музея не найдется.

Несмотря на эти препятствия, автору удалось найти немало материалов: архивных документов, статей периодической печати и пр., рисующих английскую пропаганду, перед масштабами и размахом которой блекнет все, что было в этом отношении сделано другими воюющими странами. Именно поэтому автор и посвятил свою книгу главным образом английской пропаганде, лишь слегка коснувшись того, что делали союзники и противники Англии.

Англичане широко использовали в целях военной пропаганды популярность в Америке таких английских писателей, как Честертон, Конан-Дойль, Х. Беллок и др. Но в меньшей степени были использованы и услуги «туземных» пропагандистов: американских журналистов, ученых, писателей и даже священников. О размахе английской пропаганды можно судить по таким цифрам: к началу 1916 г. 250 лекторов, завербованных английским бюро пропаганды, провели в США 15 000 митингов и собраний; было роздано школьникам США 850 000 экземпляров листовок и пропагандистских брошюр, еще 900 000 экземпляров было распространено через местные библиотеки и читальни.

Громадная машина английской пропаганды представляла собой не только весьма мощный, но и весьма послушный и чувствительный механизм, служивший неоспоримым подспорьем для английского правительства и дипломатии. Как известно, методы блокады Германии, проводившиеся английским морским флотом, не только находились в противоречии с существующим международным правом, но, что практически еще важнее, вызвали немалое раздражение в капиталистических кругах США, интересы которых английские морские власти непре-

² Ch. Seymour. American Diplomacy during the World War. Baltimore, 1934, p. 24.

³ Усилиями Ная была создана специальная сенатская комиссия, расследовавшая деятельность американских банков и фабрикантов оружия в период 1914—1918 гг. Протоколы этой комиссии, занявшие 37 томов, представляют весьма ценный материал для исследователя. Special Committee on Investigation of the Munitions Industry; United States Senate. Pursuant to S. Res. 206. Report № 944, Washington. 1935—1936.

станово ущемляли. На помощь пришла система, созданная в целях пропаганды. Речь идет о специальной организации, ведшей пропаганду в США. Эта организация, возглавлявшаяся членом английского парламента Джемилбертом Паркером, помещалась в Лондоне. Система, созданная Паркером, служила каналом, по которому в Лондон доставлялись сведения о том, как эта пропаганда в США воспринимается.

В Британском музее автор рецензируемой книги нашел исключительно интересный материал — бюллетень, выпускавшийся Паркером. Этот бюллетень, выходивший под названием «Резюме американской печати», предназначался главным образом для членов английского кабинета. В бюллетенях, которые выходили до апреля 1915 г. один раз, а позже — два раза в неделю, регулярно давались характеристики позиций наиболее влиятельных американских газет и помещались донесения частных информаторов и агентов Паркера. Этот материал, регистрировавший каждое колебание общественного мнения США, предназначался для координации и направления деятельности всей английской пропагандистской машины.

Для английской дипломатии он имел то неоценимое значение, что, позволяя с точностью учитывать настроения в США, давал возможность, не доводя дело до ссоры с «богатым дядюшкой», в то же время определить, до какой степени можно «нажимать» на торговое судоходство без всякого риска для себя. Каждый шаг английского правительства в этом отношении принимался с учетом этого обстоятельства. Последнее относится к королевским декретам о блокаде и вообще к различным запретам и ущемлениям нейтральной торговли, которые проводило английское правительство в эти годы. Эта сторона английской пропаганды, описанная автором, представляет особый интерес для читателей.

Английское правительство, по весьма понятной причине, придавало этой пропаганде весьма большое значение. Так, стоило оной газете в США напечатать жалобу ее европейского корреспондента на то, что члены английского правительства не давали интервью, как это сообщение было отмечено в бюллетене Паркера, а через несколько дней страницы американских газет пестрели многочисленными интервью. В качестве собеседников в этих интервью постоянно фигурировали такие имена, как Ллойд-Джордж, Грей, Китченер и другие видные политические деятели Англии.

О том, как английское правительство считалось с настроениями в США, говорит и такой факт, приводимый в книге Петерсона: бюллетень Веллингтон-хауса отметил желание американских граждан ближе ознакомиться с делами на фронте. Это желание было немедленно учтено: «редакторы, новеллисты, политические эксперты, очеркисты, государственные деятели, деканы университетов, все, главным образом, американцы, получали возможность проехаться по фронту. Им был отведен особый дворец, приспособленный для таких визитеров. Здесь

была отличная кухня — заметим, что это происходило в то время, когда в Англии пайки, под влиянием угрозы со стороны подводных лодок, непрерывно сокращались. За этими лицами ухаживали самые внимательные и тактичные офицеры запаса, имея в руках заметки, приготовленные английским Министерством иностранных дел; в этих заметках указывалось положение, занимаемое данным гостем, его характер, все, что облегчало уход за ним для хозяев. Гостям показывалось то, что находили нужным им показать»⁴.

Стремясь мобилизовать в свою пользу симпатии американского народа, английские пропагандисты не жалели громких слов о защите демократии, о войне, которая закончит с войнами, и т. д.

Отдельно и особенно подробно автор разбирает вопрос о том, как эта пропаганда была воспринята различными кругами США: газетным миром, широкими слоями населения и «администрацией», т. е. Вильсоном и его окружением. Чрезвычайно интересны и убедительны те страницы, где автор рисует настроения широких масс американского народа «В настроении масс все эти годы доминировало упорное желание остаться вне войны», — пишет автор (стр. 179). Английская пропаганда добилась того, что широким массам населения Америки германский империализм представлялся в более темных красках, чем Антанта, но никакими усилиями англичанам не удалось сломить упорного нежелания широких масс участвовать в войне.

Автор, между прочим, опровергает распространенный тезис о том, что восточные штаты страны стояли за вмешательство в войну, а западные, фермерские, — за нейтралитет. «В последнем счете, — пишет автор, — мнения в Америке делились не по географическому признаку, а по признаку состояния и образования» (стр. 175). Соответственно настроениям и желаниям имущих слоев американская печать, как правило, выполняла роль английской агентуры.

Что касается администрации, то, по мнению автора, победа здесь далась англичанам легче всего. Дело в том, что руководители политической жизни всегда находились под влиянием крупного финансового капитала. Представители же последнего с самого начала были настроены англофильски. «Этому способствовал тот факт, что экономическая верхушка США вела большинство сделок через Лондон. Почти все заграничные финансовые операции шли через английскую столицу» (стр. 8).

Учитывая это обстоятельство, автор находит вполне естественным тот факт, что английская пропаганда оказалась столь доходчивой в отношении президента и его окружения. Он обвиняет Вильсона и Хауза в том, что они подчинили «своим интересам» политические интересы страны. «Американские политические руководители, — пишет автор, — в годы 1914—1917 руково-

⁴ Из книги Фр. Палмер «Своими глазами». Цит. по книге Петерсона, стр. 26—27.

дились главным образом чувством» (стр. 180). В этом и видит автор главную причину того, что США оказались втянутыми в войну. Под этим углом зрения он рассматривает всю внешнюю политику Вильсона, в частности его попытку мирного посредничества, предпринятую в 1916 г.

Дипломатическую историю США этих лет автор делит на два периода: 1) до начала 1916 г. и 2) весь последующий период до апреля 1917 г. Соответственно на две части делится и книга. В первом периоде намечаются все основные причины и факторы, предопределившие вступление Америки в войну: взаимозависимость экономики обеих стран, завоевание на сторону Англии американских политиков и руководящих капиталистических кругов.

Не приходится говорить, что автор книги преувеличивает роль и значение английской пропаганды, как основной причины, предопределившей вступление США в войну. Вступление США в мировую войну 1914—1918 гг. объясняется империалистическими интересами американского монополистического капитала. Вряд ли это требует сейчас особых доказательств. Если же Петерсон, как и большинство других буржуазных писателей, старается объяснить это психологическими факторами, то это он делает сознательно, желая снять ответственность с виновников войны. Петерсон, ополчившись на английских пропагандистов за то, что они

свели с пути истинного Вильсона и его окружение, сам играет роль рупора американской пропаганды, т. е. тех кругов американской буржуазии, которые стремились обмануть общественное мнение своей страны и всего мира и скрыть истинные цели вступления США в войну.

Характерно, что автор для этой цели не останавливается перед искажением бесспорных фактов. Так, он утверждает, что в последний год перед вступлением США в войну не произошло ничего существенно-го. В этот период, пишет он, «правительство США не потерпело никакого значительного ущерба; не случилось ничего особо серьезного, вообще не было особых причин для возникновения возбуждения в США» (стр. 226). Автор не хочет замечать такого немаловажного события, как объявление Германией неограниченной подводной войны в начале 1917 г., военных, финансовых и материальных трудностей в странах Антанты, резко обострившихся в том году, и др.

При всей порочной концепции книги она тем не менее представляет большой интерес для советского читателя. Приведенный в ней огромный фактический материал рассказывает о ловкой английской пропаганде, которая велась накануне и во время войны и играла далеко не последнюю роль в руках ее организаторов.

Н. ЕРОФЕЕВ.

У ВОРОТ ИНДИИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Как видно из предисловия к книге, первое ее издание выпущено в 1936 г. под названием «Под знойным солнцем Ирана». В настоящее, четвертое издание, по заявлению автора, внесено мало изменений.

Книга Нидермайера¹ описывает организацию и частичное осуществление во время мировой войны 1914—1918 гг. экспедиции германского генерального штаба и министерства иностранных дел в Персию и Афганистан. Вначале предполагалось послать в Афганистан смешанную германо-турецкую экспедицию, чтобы, втянув в войну Персию и Афганистан, отвлечь с европейского фронта силы Англии и России и поразить Англию в ее наиболее чувствительном месте — в Индии.

Мысль о посылке подобной экспедиции принадлежала турецкому военному министру Энвер-паше, который просил германское правительство прислать ему соответствующих офицеров. Германское правительство прислало в декабре 1914 г. в Константинополь 25 офицеров, которые и образовали под руководством автора рецензируемой

книги ядро экспедиции. Нидермайер оказался среди них единственным, который хорошо знал Персию и Индию, откуда он только весной 1914 г. вернулся в Германию.

Незадолго до формирования германской военной экспедиции Турция направила в Афганистан с подобной же целью небольшую дипломатическую миссию во главе с Обейдулла Эффенди, но, по словам Нидермайера, она успеха не имела. Вскоре турки отказались от мысли участвовать в смешанной экспедиции, причем чинили препятствия немцам в продвижении их экспедиции в Персию. Это объяснялось подготовившимся вторжением турецких войск в Персию.

Основной маршрут германской экспедиции шел из Багдада через пограничный турецко-персидский пункт Ханекин на Керманшах-Дулетабад в Исфгань. В последнем пункте предполагалось иметь главный штаб экспедиции в Персии. Отдельные группы были направлены: группа Форт — из Багдада на Мосул, Соудж-булаг, Хамдан; группа Басмуса — из Багдада на Бушир (Персидский залив); группа Зейлера из Исфгани через Шираз двинулась впоследствии на Керман к афганской границе; группа Цугмайера пыталась продвинуться в Белуджистан. Путь самого Нидермайера

¹ Oskar Ritter von Niedermayer. Im Weltkrieg vor Indiens Toren. Hansische Verlaganstalt, Hamburg 1940.

шел из Исфагани на Тебесс (пустыня). Бирдж-жен, Герат, Кабул. Главные силы экспедиции Нидермайера составили при отправке из Исфагани 140 человек и 236 животных. Автор подробно описывает путь движения главной экспедиции, давая попутно интересный географический, этнографический и фольклорный материал.

Конечно, за четверть века, прошедшие со времени первой мировой войны, очень многое изменилось в Персии и в Афганистане, и потому сообщаемый автором материал имеет сегодня в значительной мере лишь исторический интерес. В книге часто указывается на успехи экспедиции в области диверсионной и разведывательной деятельности немцев в Персии. Но автор предостерегает скупое останавливается на самой технике организации этой работы.

За сравнительно короткий период (1915—1916 гг.) немцы получили огромное влияние в важнейших центрах Персии: Исфагани, Езде, Ширазе, Кермане, Мешехе и других местах. Они вытеснили отсюда англичан и русских, разжигали пламя национального шовинизма, разрушили телеграф (Езд, Керман), захватывали средства английских банков, установили связь с немецкими и австрийскими военнопленными в Туркестане и организовывали их побег. Экспедиция вела энергичную пропаганду среди воинственных персидских племен бахтиар, на которые опирались англичане, и шахсеван, в зоне которых были расположены русские войска. Работа экспедиции нарушила движение английских транспортов оружия из Восточной Персии в Туркестан, а также подвоз серебряных денег в русские и английские банки.

В своей работе немцы опирались на такие силы, как персидское духовенство, которое выступило в качестве активного пропагандиста идеи священной войны против англичан и русских. Следует помнить, что позиции немцев облегчались самым фактом участия мусульманской Турции в войне на стороне Германии. Турецкий же султан был одновременно и духовным главой всех мусульман (калиф).

Немцы опирались также на персидскую жандармерию, руководимую шведскими офицерами, дружелюбно настроенными к Германии. Они использовали кадры так называемой национально-шовинистической демократической партии, искусно привлекали на свою сторону вождей отдельных персидских племен, как, например, вождя племени бахтиар (Серган эс Салтане) в Исфагани. Последний падался при помощи немцев захватить обратно у своих сородичей нефтяные источники в районе Шираза. Широкую деятельность экспедиция развернула среди турецких племен в Персии.

Экспедиция уже на персидской территории сопровождала турки, афганцы и арабы и, как автор их выспренно именует, «индусские борцы за свободу» принц Махендра Пратап и профессор М. Баракаталя. Огромную подготовительную работу провели германские консульства. Таким образом, идеологическое снаряжение экспедиции было,

повидимому, тщательно продумано, хотя автор заключает книгу указанием на то, что к этому предприятию, т. е. к экспедиции, «не делалось перед войной никаких политических или военных приготовлений».

Автор неоднократно подчеркивает значение, которое придавали деятельности экспедиции в английской военной и послевоенной прессе, и то беспокойство, которое эта деятельность вызывала у английского и русского правительств. Действительно, опубликованные комиссией по изданию документов эпохи империализма материалы из архивов царского и временного правительств содержат частые ссылки на деятельность германо-турецких агитаторов в Персии и Афганистане, стремившихся вовлечь эти страны в войну против царской России и Англии. Так, в документе № 172 — «Памятная записка министра иностранных дел английскому послу в Петрограде Бюкенену» — упоминается о движении германских агентов с Пюженом во главе к Мешеху, к русской и афганской границам («Международные отношения в эпоху империализма», т. VIII, ч. I); в документе № 723 — «Телеграмма французского посланника в Тегеране» — упоминается о неудавшемся аресте бывшего германского консула в Бушире — Васмусе (одного из членов экспедиции Нидермайера) («Международные отношения», т. VII, ч. II), у которого, по другому сообщению, отобрано 50 000 фунтов стерлингов, и т. д. Встречаются упоминания также о деятельности других членов германской экспедиции: Цугмайера, консула в Исфагани, Шюнсмане и др.

Автор в заключение говорит, что «экспедиции, сверх ожидания, удалось достичь поставленной перед ней географической цели, выполнить большую часть данных ей поручений и причинить врагам большой ущерб» (227).

Не все главы книги представляют для советского читателя одинаковый интерес. Наиболее интересны те ее части, которые посвящены пребыванию и деятельности германской экспедиции в Афганистане. Здесь немцам удалось на время захватить в свои руки руководство армией и военным arsenалом, сблизиться с многими влиятельными придворными и, в частности, с братом эмира, его зятем, вождями племен и т. д. Не меньший интерес заслуживают главы книги, в которых рассказывается о переходе автора через русскую границу в районе Мургабской железной дороги Кушка—Мургаб.

Оскар Нидермайер сам «скромно» замечает, что его в английской прессе называли немецким Лоуренсом. В книге приведено много иллюстраций, свидетельствующих о способности автора быстро ориентироваться и приспособляться к меняющейся обстановке. Интересно, что в одном случае он сделал долгий путь с караваном, выдавая себя за святого «хаджу» Мирза Гусейна. В другом случае, прекрасно владея русским языком, он забывал случайно встреченную в пути группу русских офицеров тем, что вверх ногами рассматривал принадлежавшую им карту Северной Персии. Его спо-

способность к изменению внешнего облика была так велика, что когда он явился в рубашке пижаме в штаб турецких войск в Исфагань, то совершенно не был узнан прикомандированным к штабу знаковым немецким офицером. В своей книге автор противопоставляет более утонченные методы английской разведки в Персии грубым методам

работы агентов царской России. Книга изобилует богатейшим материалом и о том, как его экспедиция и отдельные отряды творили суд и расправу над персидским населением, т. е. применяли по существу такие же методы, как английские и русские империалисты в Персии.

Проф. И. ФАЙНГАР.

★ ★ ★

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

ТАНКИ ПРОРЫВА

В американском военном журнале «Арми Орднэнс» за декабрь 1940 г. помещена статья «Танки прорыва». Автор статьи — капитан бронетанкового корпуса американской армии Кутц, написавший книгу «Война на колесах», вышедшую в 1940 г. в США и имевшую большой успех в военных кругах.

В своей статье капитан Кутц анализирует опыт применения танкового оружия в первой мировой войне и, сопоставляя его с опытом германских бронетанковых дивизий на полях Польши в 1939 г. и Фландрии в 1940 г., приходит к выводу о безусловной необходимости использования тяжелых танков как для осуществления прорыва, так и для борьбы с ним.

«История последних войн,— пишет автор,— ясно показывает, что тяжелый танк прорыва имеет две вполне определенные боевые задачи. Первая из них заключается в том, чтобы проделать брешь в любой тщательно организованной оборонительной позиции и тем самым позволить легким бронетанковым дивизиям нанести решающий удар по жизненно важным тыловым центрам противника. Вторая, не менее важная задача танка прорыва состоит в проведении контратаки против наиболее эффективных танков прорыва противника, направленных против наших линий».

Определив таким образом боевое назначение тяжелого танка прорыва, автор переходит к характеристике его броневой защиты и огневой мощи. «Современное развитие 20-мм, 37-мм и 47-мм противотанковых орудий и применение для ПТО 75-мм полевых орудий,— пишет он,— вызывает необходимость максимального увеличения броневой защиты танка... Для штурма тщательно оборудованных оборонительных укреплений, повидимому, достаточно установить на танке два или больше 75-мм орудий. При контратаке против танков прорыва, снабженных толстым броневым покрытием, необходимо уже установить на танке одно 105-мм или даже 155-мм орудие. Кроме того, нужны еще и пулеметы для ближней

обороны танка и для подавления неприятельской пехоты... Идея применения огнеметов на танках возникла в 1918 г., когда инженерный корпус американской армии разработал проект 50-тонного танка с паровым двигателем. Этот танк был вооружен огнеметом и четырьмя пулеметами. Паровой двигатель был выбран с той целью, чтобы можно было использовать струю пара, выбрасываемого под давлением в 700 фунтов, для приведения в действие огнемета. Впоследствии конструкция танка была изменена, причем был установлен отдельный бензиновый мотор, приводящий в действие гидравлический насос для выбрасывания огневой струи. Предельная дальность действия огнемета достигла 30 ярдов (27,3 м), причем диаметр выбрасываемой струи пламени был равен 6 м. Задача огнемета заключалась в нейтрализации бетонных пулеметных гнезд, оставшихся неподавленными после прохода танков.

После окончания первой мировой войны наиболее широкие опыты по применению огнеметов на легких танках производились в Италии, но лишь одна Германия сумела усвоить американскую идею и придать ей наиболее законченное выражение. Имеющиеся данные указывают, что в боях за Бельгию, Голландию и северную Францию немцы пользовались огнеметами главным образом в целях нейтрализации орудийных ДОТ, мощных укреплений, в том числе и линии Мажино. Эти огнеметы выбрасывали пламя на расстояние в 90 м с температурой до 2000° С. Их моральное действие было подавляющим».

Далее капитан Кутц переходит к вопросу о перебросках танков к полю боя. Автор признает, что железнодорожные перевозки ограничивают габариты и вес перевозимых танков. Перевозка их в разобранном виде также связана с рядом неудобств. Так, например, «...перевозка в разобранном виде танков, участвовавших в сражении при Камбрэ,—подчеркивает он,— потребовало 36 железнодорожных составов, каждый из которых имел 12 платформ. Естественно, что

воздушные бомбардировки задержали бы сборку этих танков в течение многих часов, а возможно, и дней».

Вторую часть своей статьи автор посвящает историческим примерам применения тяжелых танков как в операциях прорыва, так и для контратак против тяжелых танков противника. В качестве первого из таких примеров капитан Кутц берет сражение при Камбрэ, которое он называет «боевым крещением» британского танкового корпуса.

Для осуществления прорыва генералы Бинг и Эллес (командир танкового корпуса) имели в своем распоряжении 6 пехотных дивизий, 1000 орудий, 378 танков и 98 автомашин-вездеходов. Этим силам противостояла линия Гинденбурга, состоявшая из трех систем широких окопов. Каждая из этих линий окопов была защищена полосами проволочных заграждений из колючей и зубчатой проволоки шириной в 45 м. Кроме того, они были прикрыты прямым фронтальным огнем батарей 77-мм орудий, бетонированными пулеметными гнездами и естественными препятствиями, образуемыми каналом Шельды и руслом Большого канала. Канал Шельды имел несколько мостов, причем союзники надеялись, что их удастся сохранить в целостности и использовать для переправы. Полагали, что русло Большого канала являлось еще более трудным препятствием, поскольку аэрофотосъемка подтвердила его непроходимость для танков. На деле же русло Большого канала отнюдь не оказалось препятствием для танков.

Затем автор рассказывает о способе преодоления танками окопов линии Гинденбурга, имевших в ширину от 16 до 18 футов (4,8—5,5 м).

В целях преодоления этих окопов для каждого из 350 танков, участвовавших в операции прорыва, были сделаны огромные фашины весом в 1,5 тонны каждая. Такая фашина подвешивалась к передней части танка и могла быть сброшена экипажем изнутри машины. Проволочные заграждения были легко смяты танками, после чего пехота без всяких затруднений прошла через образовавшиеся бреши. В целях облегчения прохода коннице ряд танков был снабжен «кошками», которые очищали территорию от проволоки. Этот способ оказался не вполне удовлетворительным. Большое количество проволоки оставалось на месте.

В недавних франко-германских боях за северную Францию, говорит далее автор, немцы использовали свои огнеметы высокой температуры не только в целях подавления орудийных и пулеметных ДОТ, но также и для того, чтобы расплавить или размягчить туго натянутые проволочные заграждения и противотанковые стальные рельсовые надолбы. Бетонные столбы, которые обычно рассматривались как последнее слово в области противотанковых препятствий, повидимому, уничтожались ближним огнем тяжелых танковых орудий.

В сражении при Камбрэ английские танки прекрасно сумели преодолеть все естественные и искусственные препятствия линии Гинденбурга, но они понесли жестокие по-

тери при встрече с германской артиллерией. Это произошло главным образом потому, что английские танки не располагали достаточной броневой защитой для обеспечения их против артиллерийского огня. В боях за северную Францию в 1940 г. французский тяжелый танк «ЗС», а также германский танк прорыва имели вполне надежное броневое покрытие, обеспечивавшее их не только от огня всех противотанковых орудий, но и от большинства попаданий из полевых орудий. Ахиллесовой пятой танка попрежнему остаются его гусеницы.

По словам капитана Кутца, англичане перед сражением при Камбрэ уделили огромное внимание организации взаимодействия между пехотой и танками.

В качестве второго исторического примера автор берет сражение при Амьене 8 августа 1918 г., где были приняты еще более тщательные меры по обеспечению взаимодействия пехоты с танками. Подводя итог сражению при Амьене, автор указывает, что наибольшая тактическая ошибка, совершенная англичанами в этом сражении, заключалась в отсутствии у них танкового резерва для второго дня боя, на случай если в течение первого дня боя не удалось бы проделать брешь, что действительно и случилось. Экипажи танков были столь сильно утомлены после первой атаки, что их влияние на дальнейший ход боя свелось почти к нулю. Технически вполне очевидно, что танки прорыва наряду с другими конструктивными свойствами должны обладать наибольшей проходимостью, а в случае, если она оказывается недостаточной, должны располагать специальными средствами для ее повышения. Автор указывает также, что совершенно необходимо взаимодействие между танками прорыва и специально обученными и оснащенными для атаки войсками.

Третьим историческим примером, приведенным автором, является сражение при Виллер-Бретонне 24 апреля 1918 г. По мнению капитана Кутца, это сражение, несмотря на сравнительно небольшое количество участвовавших в нем танков, интересно «не только тем, что оно явилось первым боем танка с танком, но также и тем, что оно дало пример применения тяжелых танков в контратаке против неприятельских танков прорыва». В этом бою легкие английские танки, встретившись с германской артиллерией и немногочисленными тяжелыми германскими, главным образом трофейными, танками, потерпели полное поражение.

Оценивая результаты этого боя, капитан Кутц заключает свою статью следующими словами: «Для танка прорыва огневая мощь в совокупности с броневой защитой значительно важнее скорости передвижения на поле боя. Англичане и французы слишком поздно усвоили этот урок, когда их легкие машины встретились на полях Фландрии со средними и тяжелыми германскими танками. Только танк прорыва в правильном взаимодействии с другими родами оружия может остановить проникновение противника или осуществить прорыв и обеспечить свободу действий бронетанковым дивизиям».

НОВАЯ ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Dewar K.G.B., vice-admiral. *The Navy from within.* London. V. Gollancz Ltd. 1939. 396 p.

(Дюор, вице-адмирал. Морской военный флот глазами моряка. Лондон, 1939).

Автор, вице-адмирал в отставке, излагает историю своей службы в английском флоте начиная с конца прошлого века до самых последних лет; попутно с фактами личной жизни и службы во флоте автор подробно рисует картину деятельности английского флота, порядки в нем и события политического характера. Наибольший интерес представляют главы, охватывающие период мировой войны 1914—1918 гг.: участие в Дарданельской экспедиции, служба в адмиралтействе и т. д. Отдельная глава посвящена дискуссии о Ютландской битве. Последние четыре главы знакомят с так называемым «делом Ройял Ок», наделавшим в Англии много шума: несколько матросов крейсера «Ройял Ок», которым командовал автор книги, выведенные из терпения издевательствами младшего командира, избili его. Они предстали перед полевым судом и получили тяжелое наказание. В связи с этим делом в Англии привлекли к себе внимание внутренние порядки, существующие в английском военном флоте. Выяснилось, что, несмотря на формальное право, фактически «нижний чин» в английском флоте не имеет права жаловаться на свое начальство. Автор подробно излагает свое отношение к этому факту, предлагая некоторые реформы внутреннего устройства английского флота. В целом книга Дюора представляет интерес для историка внешней политики и морского флота Англии.

Falls C., Capt. *Military operations. France and Belgium, 1917. The German Retreat to the Hindenburg Line and the Battle of Arras.* London. Mac Millan 1940. XIV, 586 (History of the Great War. Based on official Documents. By direction of the Historical section of the committee of Imperial Defence).

(Фоллс, капитан. Военные операции во Франции и Бельгии, 1917. Германское отступление на линию Зигфрида и битва у Арраса. Лондон, 1940. История великой войны, основанная на официальных документах. Издается по указанию исторического отдела комитета имперской обороны).

Книга является очередным томом официальной английской истории мировой войны 1914—1918 гг. Ее издание начато еще несколько лет назад. В настоящем томе, охватывающем первые пять месяцев 1917 г., изложены основные факты этого периода: отступление немцев на линию Зигфрида (март—апрель), бои у Арраса (апрель—май), наступление Нивеля (апрель) и др. Изложение планов командования, отдельных операций сопровождается их

анализом и оперативно-тактическими выводами. Текст иллюстрирован многочисленными картами и схемами. В конце книги даны таблицы потерь, понесенных английской армией в боях под Аррасом. Отдельно дан также календарь особо важных событий этого периода. Специальное приложение содержит документы: планы сторон, протоколы военных совещаний союзников и подробные схемы и карты операций этого периода.

Kempski Jürgen von. *Griechenland. Weg in den Weltkrieg.* Berlin. Funker und Dünhaupt. 1940. 68 S.

(Кемпский Ю. Путь Греции в мировой войне. Берлин, 1940).

Договор 1863 г., заключенный между державами, предусматривал сохранение и соблюдение нейтралитета Греции. Однако с первых дней войны 1914—1918 гг. обе воюющие стороны систематически нарушали этот договор. В настоящей книге автор описывает политику держав Антанты в отношении Греции в период мировой войны, их попытки втянуть Грецию в войну, доходившие до открытого вмешательства во внутренние дела этого государства. Особую вину за эту политику автор возлагает на Англию. Изложение доводится до момента отречения короля Константина 11 июня 1917 г.

Lossberg F. *Meine Tätigkeit im Weltkriege. 1914—1918.* Berlin. Mittler und Sohn. 1939. III, 368 S.

(Лоссберг Ф. Моя деятельность в мировой войне 1914—1918 гг., Берлин, 1939).

Автор, генерал в отставке Лоссберг, в период войны 1914—1918 гг. занимал разные, главным образом штабные, должности: сначала на западном фронте в должности начальника штаба 13-го армейского корпуса, на восточном фронте в армии Макензена, затем в должности начальника отдела генерального штаба при генерале Фалькенгайне и начальника штабов различных армейских групп. Автор подробно описывает свою деятельность, рисует обстановку работы в штабах германской армии, приводит различные эпизоды мировой войны. Участие автора в важнейших операциях войны — в боях в Шампани, на Сомме, во Фландрии и др. — делает его конкретные записи интересным материалом для историка войны 1914—1918 гг.

Mathews J. J. *Egypt and the formation of the Anglo-French Entente of 1904.* Philadelphia. University Pennsylvania Press. 1939. 141 p.

(Мэтьюз. Египет и создание англо-французской Антанты. Филадельфия, 1939).

Автор стоит на той точке зрения, что Египет явился центральной проблемой в англо-французских отношениях конца XIX — начала XX вв. Урегулирование этого вопроса для Англии означало консолидацию ее африканских владений и овладение пря-

мым путем на Восток. Этой заинтересованностью Англии и объясняются ее упорные попытки заставить Францию признать английскую оккупацию Египта. По мнению автора, Англия вынуждена была пойти на уступки Парижу в связи с нарастающим обострением отношений с Германией. Автор рисует картину англо-французских переговоров, приведших к заключению соглашения 8 апреля 1904 г. вопреки сопротивлению небольшой, но влиятельной группы империалистов во французской палате депутатов.

Padelford N. J. International Law and Diplomacy in the Spanish Civil Strife. New York. Mac Millan. 1939. XXVI, 710.

(Падельфорд. Международное право и дипломатия в испанской гражданской войне. Нью-Йорк, 1939).

Книга интересна главным образом как сборник документации, связанной с международно-правовой стороной гражданской войны 1936—1939 гг. в Испании. В виде приложения (стр. 205—674) дана большая группа документов: декларации различных государств о невмешательстве во внутренние дела Испании, ряд заявлений испанского правительства, документы о деятельности Лондонского комитета по невмешательству, решения конференции в Монтре и т. д. Особое внимание автор уделяет политике США в отношении Испании. Цель исследования—проанализировать то новое, что внесли события последних лет в международное право о нейтралитете.

Perdelwitz R. Die Polen im Weltkrieg und die Internationale Politik. Leipzig. Hirzel. 1939. 283 S.

(Пердельвиц. Польша в мировой войне и международная политика. Лейпциг, 1939).

Вопрос о Польше в период мировой войны 1914—1918 гг. играл большую роль в международной политике и планах воюющих сторон. Автор ставит своей задачей—установить политику держав и охарактеризовать движение среди поляков за создание национального государства. Особое внимание автор уделяет политике России, Германии и Австро-Венгрии, прокламировавших создание «независимой Польши». Деятельность группировок внутри Польши, главным образом пепезовцев и эндексов, автор рассматривает в их связи с политической держав, рисуя их подлинную роль ставленников в руках этих держав. Автор подчеркивает верхушечный характер польского национального движения, отмечая его оторванность от народных масс. В книге собран значительный материал, характеризующий политику воюющих держав в отношении Польши.

* * *

В лейпцигском издательстве Хазе унд Келлер (Hase und Koehler) вышел в свет труд генерала артиллерии начальника архива Фридриха фон Рабенау (Friedrich von Rabenau) под заглавием «Сект. Из его жизни 1918—1936». Этот

объемистый (751 стр.) труд охватывает лишь часть биографии Секта. По отзывам германской военной печати, он представляет исключительный военно-исторический интерес. Особенно интересна та часть книги, где речь идет о периоде пребывания Секта на посту начальника генерального штаба и руководителя вооруженными силами Германии (1919—1926 гг.). Созданный Сектом в этот период рейхсвер послужил основой для нынешней германской армии. Отмечают германские рецензенты книги. Фон Рабенау рисует деятельность Секта по восстановлению военной мощи Германии в трудных условиях версальских ограничений. В книге приводится перечень и краткое содержание важнейших военно-литературных трудов Секта.

* * *

В берлинском издательстве Бернгард унд Грефе (Bernard und Graefe) вышла книга полковника фон Трошке (Oberst v. Trotschke) «Германская кавалерия на решающем фланге в 1914 году».

Опровергая существующее мнение, будто бы кавалерия в мировой войне не оправдала ожиданий, автор доказывает, какое большое значение имели действия кавалерии в развитии военных операций. В первой главе своей книги он показывает, как плохо была организована и подготовлена германская кавалерия накануне войны 1914 г. При кавалерийских дивизиях не было собственных органов снабжения, вооружение было недостаточным, пулеметов мало, не было полевых кухонь. Генералы-инспекторы кавалерии Клейст, Виндгейм и Марвиц требовали, чтобы кавалерийским дивизиям в мирное время были приданы егерские батальоны, самокатчики, пулеметные части и авиация. Они настаивали, чтобы высший кавалерийский командный состав проводил военные игры на местности. Но военное министерство и генеральный штаб противились этим требованиям.

В следующих главах Трошке описывает, как Мольтке искал план Шлиффена и вместо «сильной кавалерии на правом фланге» поставил там всего три кавалерийских дивизии, неоправданно ослабив тем самым этот фланг. Автор описывает также роль кавалерии в боях за Льеж. Далее фон Трошке подробно разбирает действия кавалерийского корпуса Марвица и 4-й кавалерийской дивизии под командованием Гарнье. Он описывает продвижение этой дивизии к Парижу, действия кавалерии в боях на Сомме, Марне, во фланговых операциях.

Автор использовал в своей книге обширный документальный материал.

* * *

«Артиллерия при обороне» («Artillerie in der Abwehr») — под таким заглавием вышла в издательстве Губера (Huber-

Frauenfeld und Leipzig) книга швейцарского полковника П. Курти (P. Curti) начальника департамента вооружений (Waffenamt) в Швейцарии. Это — военно-историческое исследование, основанное на материалах и документах как английских и французских, так и германских. Работа Курти дает картину того, как развивался артиллерийский заградительный огонь обеих воюющих сторон во время мировой войны 1914—1918 гг. К книге приложено много рисунков и чертежей.

* * *

В издательстве Вайзенхауз-бухдрукерай (Waisenhaus-Buchdruckerei) в Ханау (Германия) вышел в свет сборник, издаваемый Германом Кайзером (Hermann Kaiser) под заглавием «Из военной истории германских дивизий и командования 10-й армии». Это — первая часть задуманного большого труда, основанного на воспоминаниях и документах участников войны 1914—1918 гг. Книга содержит письма, записки, воспоминания и подробные описа-

ния многих сражений, сделанные их непосредственными участниками.

* * *

Издательство Хайн (Haun) в Потсдаме опубликовало полный комплект первой немецкой военно-полевой газеты, выходившей в 1813—1814 гг. Книга озаглавлена «Оригинальное воспроизведение первой полевой газеты прусской армии». Газета издавалась при ставке союзных армий и печаталась в полевой типографии Готфрида Хайна, находившейся при главном штабе.

В берлинском издательстве Миттлер и сын (Mittler und Sohn) вышел в свет первый том большого труда по истории развития военно-теоретической мысли в Германии, выходящего под общим заглавием «Германские уроки войны». Первый том озаглавлен «От Беренгорста до Клаузевица» и охватывает период с конца XVIII столетия до смерти Клаузевица. Автор этого тома — доктор Эрнст Хагеман (Ernst Hagemann).

НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

ОБСУЖДЕНИЕ УЧЕБНИКА «ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА»

24 января 1941 г. в Центральном Доме Красной Армии состоялось обсуждение первой и второй частей учебника полковника Разина «История военного искусства». Сочинение было организовано Воениздатом совместно с ЦДКА.

Полковник Подорожный в своем кратком вступительном слове, останавливаясь на положительных сторонах учебника, указал, что это первый труд, в котором на основе марксистской методологии разработана история развития военного искусства рабовладельческого и феодального общества.

В прениях по обсуждению учебника выступило семь человек.

Батальонный комиссар Копылов, оценивая как положительное явление выход в свет первых двух частей четырехтомного труда полковника Разина, отметил, что в учебнике широко использованы классические работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина как по военным вопросам, так и вопросам общей истории; история развития военного искусства дана в неразрывной связи с общен историческим процессом; в учебнике правильно решаются вопросы периодизации военного искусства, широко освещается русское военное искусство и, наконец, войны угнетенных народов против своих поработителей рассматриваются как составная часть военного искусства.

Отметив положительные стороны, тов. Копылов указал, что было бы ошибкой считать эту работу вполне завершенной. По его мнению, учебник еще не отвечает полностью предъявляемым требованиям к военно-исторической науке вообще и в частности к марксистскому учебнику по военному искусству для военных академий. В научном отношении этот труд требует известной доработки.

Недостатки учебника тов. Копылов разделяет на два вида: фактические ошибки, нечеткость и небрежность в изложении и недостатки теоретического характера. Первая группа недостатков, по его мнению, могла быть легко устранена, если бы Воениздат обеспечил надлежащее научное редактирование учебника. Устранение второго недостатка труднее. Здесь нужна большая, кропотливая работа по критической переработке трудов буржуазных военных историков. Насыщением учебника цитатами классиков марксизма, говорит тов. Копылов, еще не решается вопрос его марксистской методологии. Этот вопрос более сложный и в труде тов. Разина пока далеко не решен, хотя в этом направлении и проделана большая работа. В учебнике слабо разработана

конкретная сторона военного искусства — описание сражений. Тов. Разин дает схему развития военного искусства и пренебрегает разработкой фактической стороны. А это неправильно. Если не дать точных данных о той или иной операции, как-то: соотношение сил сторон, обстановка и другие факторы, влияющие на ход сражений и в целом на войну, то невозможно будет сделать и правильных выводов как по итогам сражений, так и по итогам войны.

Недооценивая разработку фактической стороны, т. е. конкретного содержания военного искусства, тов. Разин некритически подходит и к использованию всякого рода источников. Он берет фактические данные у различного рода историков, не учитывая при этом, что у каждого из них была своя определенная историческая концепция. Известно, что численность войск и количество потерь у Дельбрюка резко расходятся со всеми историками — как античными, так и историками последующих периодов. Тов. Разин при описании сражений не учитывает это обстоятельство и данные о количестве сил сторон берет по одним источникам, а потери — по другим, в результате чего и выводы получаются неправильными (Марафон, битва при Крессе, Каннах и другие сражения). Это механическое соединение фактических данных, заимствованных в различного рода источниках, — наиболее слабое место учебника.

Второй том учебника, по мнению тов. Копылова, является менее разработанным, чем первый. К недостаткам этого тома тов. Копылов относит отрыв русского военного искусства от общеевропейского и мирового военного искусства.

В учебнике не получили законченной разработки лучшие образцы военного искусства эпохи феодализма. Чувствуется чрезмерная загруженность содержания вопросами общей истории. Тов. Разин недостаточно уделил внимания линейной тактике Фридриха II, слабо разработал проблему появления наемничества и совсем обошел вопрос развития военно-исторической мысли. Не получил должной разработки и такой интересный вопрос, как национальные особенности русского военного искусства.

К решению ряда вопросов автор учебника подходит исключительно упрощенно. Так, преимущество русской тактики перед прусской в период Семилетней войны он выводит из того, что русские войска победили. Известно, что исход войн, в том числе и Семилетней, решался не только превосходством тактики той или другой сторо-

лы, но и соотношением сил и рядом других обстоятельств. В этой связи следует вспомнить замечательную статью Энгельса «Атака», где он говорит, что Наполеон был вынужден сдать, несмотря на преимущество его тактики, потому что одна нация была не в состоянии бороться со всей Европой.

Полковник Фортунатов в своем выступлении также останавливается на некоторых недостатках и фактических ошибках, допущенных в учебнике. По его мнению, автор неправильно уделяет так много места V и IV вв., когда он характеризует военную историю Рима. В то же время он упускает конечный период империи, например войны Митридата, Мария и Суллы, а также союзнические войны. Всем этим событиям автор уделяет лишь по несколько строк.

Полковник Фортунатов указывает далее, что, судя по учебнику, окончательный удар по Римской империи в V в. был нанесен гуннами. Это неверно: речь должна идти не о гуннах, а о готах и остготах. С римского императора Ромула Августула снял корону Одоакр, который, как известно, не был гунном. Разбирая Северную войну, автор учебника это событие берет оторванно от того, что происходило в это время в Европе. А между тем вся Европа тогда была охвачена борьбой за испанское наследство; она воевала против Людовика XIV.

Тов. Фортунатов приводит большой список фактических ошибок, допущенных в правописании географических названий, генералов и пр. В отношении небрежности редакции показательна схема, поясняющая Пунические войны (т. I, стр. 142). Внизу стрелкой показывается направление движения войск, под которой стоит «Тиберий». Наверху схемы другая стрелка показывает обратное направление и под ней подпись «Лонг». Выходит, что было два полководца — Тиберий и Лонг. Между тем речь идет об одном и том же известном лице — Тиберии Септимионе Лонге. Аналогичная ошибка повторяется и на стр. 153.

Полковник Снежков в своем выступлении подчеркнул, что тов. Разин проделал огромную работу, однако учебник, по его мнению, требует серьезной доработки. Перерабатывая труды буржуазных историков, нам необходимо в первую очередь освободиться от враждебных нам концепций, от чуждой нам идеологии и на большом конкретном историческом материале дать свою подлинно марксистскую концепцию. К сожалению, это еще не всегда удается. Этим недостатком, по мнению полковника Снежкова, грешит и обсуждаемый учебник. Тов. Снежков отмечает, что автор учебника иногда механически переносит фактические данные из трудов старых историков. С другой стороны, автор очень легко расправляется с крупнейшими историками. Например, во введении, давая оценку использованным источникам, тов. Разин пишет: «В труде Меринга есть отдельные неточности и неправильные утверждения». Какие это неточности, какие неправильные утверждения, об этом автор умалчивает, создавая лишь пре-

дубеждение у читателя против Меринга как военного историка.

Далее полковник Снежков подробно остановился на значении трудов Дельбрюка. «Когда говорят о Дельбрюке, то имеют в виду целую школу, созданную им,— говорит оратор.— Дельбрюк для проверки фактического материала организовывал специальные экспедиции на места, где происходили описываемые им события. Это была действительно научная работа. Поэтому мы не можем пренебрегать работами Дельбрюка, хотя они и требуют сугубо критического подхода. В учебнике такой критики нет».

По мнению тов. Снежкова, в учебнике слабо описана битва при Каннах. Полководцы всех времен и стран изучали и продолжают изучать это классическое сражение. В учебнике же оно изложено по Полибию с его пресловутым полумесяцем. Гипотеза Шлиффена, развитая Дельбрюком, кажется более правдоподобной и лучше объясняет, как произошло это сражение. С Дельбрюком можно и не соглашаться, но тогда его надо раскритиковать. Неверны и выводы автора относительно Кани. Автор приводит слова Энгельса: «Ганнибал победил только благодаря своей отличной коннице», и тут же добавляет, что фактически победили римская организация и римский боевой порядок, по образцу которых Ганнибал перестроил свою армию. С этим добавлением тактика Ганнибала становится неясной.

Касаясь второго тома учебника, тов. Снежков считает, что автор напрасно не уделил должного внимания такому событию, как Столетняя война. В этот период французская армия была лучшей из всех европейских армий. Надо было бы больше сказать и о Тюренне, создавшем свою маневренную стратегию, на которой учились и Клаузевиц и Суворов.

Старший батальонный комиссар Мещеряков считает, что обсуждаемый учебник имеет много положительных качеств. К ним прежде всего следует отнести тот ценный факт, что автор все события вскрывает в порядке их социальной обусловленности, показывает классовые причины того или другого явления, в то время как у буржуазных историков все создается только гением полководца. Именно в этом прежде всего видно умение автора пользоваться марксистской методологией при анализе исторических событий.

Капитан Павленко в своем выступлении подчеркнул, что до появления учебника тов. Разина мы не имели обобщенного труда по истории военного искусства, которым могли бы пользоваться слушатели военных академий. Кроме того, до сих пор никем из военных историков не было столь обширно использовано военное наследство Энгельса. Наряду с этим тов. Павленко считает, что автор слишком внимания уделил вопросам общей истории, которые достаточно полно освещены в имеющихся сейчас учебниках истории.

Капитан Павленко указал также и на то, что учебник не показывает эволюции стратегических форм и не анализирует

важнейших этапов развития вооружения. В заключение тов. Павленко высказывает мысль о необходимости создания марксистской историографии по истории войн и военного искусства. По его мнению, Воениздат мог бы организовать это крайне необходимое дело, поручив его коллективу военных историков.

Выступивший затем подполковник Хорук возражал против требования некоторых из выступавших о расширении отдельных разделов учебника. Он указывает, что учебник написан применительно к программе Академии имени Фрунзе и достаточно полно охватывает все вопросы, включенные в нее. Кроме того, подчеркивает тов. Хорук, учебник по истории военного искусства должен описывать только те войны и сражения, на примере которых можно показать закономерное развитие военного искусства в связи с изменяющимися социально-экономическими условиями.

Последним выступил комбриг Нефтерев, который также указал на необходимость расширения содержания учебника и рассказал о развернувшейся сейчас работе над трехтомником по истории военного искусства, который подготавливается к печати Генеральным штабом Красной Армии по приказу народного комиссара обороны СССР.

В заключение выступил автор обсуждавшегося учебника профессор полковник Разин, который рассказал о своей работе над первыми двумя томами учебника и задачах, которые он ставил перед собой, готовя это издание. Он указал, что вначале перед ним стояла задача написать учебник по истории военного искусства для слушателей Академии имени Фрунзе. Но затем было решено выпустить его для всей массы начальствующего состава. Это заставило расширить содержание учебника. Автор далее говорит о том, что работа проводилась в очень сжатые сроки в процессе практической преподавательской работы в академии.

Тов. Разин сообщил, что он использовал в качестве источников для работы над первыми двумя томами свыше 600 произведений. В основу им были положены работы классиков марксизма.

Говоря об общей задаче, которую он ставил перед собой, тов. Разин указывает, что он стремился в этом учебнике показать

основы развития военного искусства и его важнейшие этапы, показать процесс обогащения организационных, оперативных, тактических и стратегических форм. «Если Дельбрюк втискивает все в рамки своей теории «измора и сокрушения», то я хотел показать наращивание и обогащение всех тактических и стратегических форм,— говорит тов. Разин.— Дело это нелегкое. И если в отношении тактических форм это удалось мне лучше, то в отношении стратегических форм—совсем не удалось». Далее автор учебника ставил своей задачей показать классические образцы ведения войны и боя, которые даны крупными и в первую очередь русскими полководцами, и, наконец, показать развитие военно-политической мысли, что в первых двух томах не получило достаточного освещения и чему будет уделено больше места в третьем томе».

«Я исходил из марксистско-ленинского определения классовой сущности войны,— говорит тов. Разин,— и поэтому в каждой войне показывал ее характер и старался определить ее основные движущие силы. Не желая обходить «подводных камней», я старался, насколько было в моих силах, разрешать вопросы, которые возникали в ходе работы. Например, в вопросе о характере Второй турецкой войны, да и Первой, я в процессе работы полностью изменил первоначальную точку зрения и старался подойти к более правильному и четкому определению этих войн. Далее, при переработке первого тома, я стараюсь выяснить современное значение тех или иных принципов, тех или иных форм ведения войны и боя с поправками на те особенности, которые мы имеем на сегодняшний день. Наконец, в работе сделана попытка показать искусство вооруженных восстаний народных масс; естественно, этот вопрос не получил освещения до сих пор ни в одном буржуазном военно-историческом труде».

Полковник Разин отметил в заключение, что в обсуждаемом учебнике, конечно, имеются недочеты, которые, однако, могут быть устранены в процессе его переработки. Этому значительно способствуют коллективные обсуждения книг, подобные организованному Воениздатом и ЦДКА.

А. БОРИСОВА.

ПОЕЗДКИ ПО ПОЛЯМ СРАЖЕНИЙ РУССКОЙ АРМИИ

Кафедра истории военного искусства Академии имени М. В. Фрунзе в порядке изучения военной истории памятника провела три поездки адъюнктов кафедры по важнейшим местам сражений русской армии.

Первая поездка, продолжавшаяся с 20 сентября по 31 октября 1940 г., была посвящена изучению следующих сражений:

Куликовская битва (1380 г.), героическая оборона Троице-Сергиевской лавры от польских интервентов (1608—1610 гг.), Полтавская битва (1709 г.), первая русско-турецкая война и, в частности, сражения при Ларге и Кагуле в 1770 г., штурм Измаила, проведенный гениальным русским полководцем Суворовым (1790 г.), Бородинское сражение (1812 г.), сражения у

Тарутино и Малоярославца и, наконец, героическая оборона Севастополя (1854—1856 гг.).

Вторая поездка, которая предполагается летом 1941 г., будет посвящена изучению важнейших сражений мировой войны 1914—1918 гг. (Брусиловскому, Свенцяньскому прорывам, борьбе за Перемышль, Рижской операции и др.).

Третья поездка будет посвящена изучению героических сражений гражданской войны. Здесь внимание участников поездки будет обращено на героическую оборону Царицына, на разгром Врангеля (Перекоп) и операции по борьбе с Юденичем под Петроградом. Намечен также выезд на Карельский перешеек для подробного изучения всех операций, проведенных Красной Армией в Финляндии и приведших к прорыву линии Маннергейма.

Первой поездке, проведенной под руководством профессора полковника Разина, предшествовала большая подготовительная работа. Все участники поездки изучили перечисленные операции. По каждому сражению, а иногда даже и по отдельному важному этапу его, назначался специальный докладчик. На месте исторического события он докладывал о подготовке и ходе того или другого сражения. Все участники поездки активно обсуждали сделанные доклады.

Изучение операций на местности было организовано следующим образом. Вначале полковник Разин читал вводную лекцию по данному сражению, затем проводилась тщательная рекогносцировка всего района сражения. Далее по диспозиции изучалось расположение войск как обороняющейся, так и наступающей сторон. Затем прислушались к розыгрышу операции по ее отдельным этапам. При этом особое внимание обращалось на организацию сражения и на управление боем. В заключение подводились итоги изученному бою.

* * *

Группа приехала на Куликово поле вскоре после того, как общественные организации Тульской области отпраздновали славное 560-летие Куликовской победы. В период Куликовского сражения, по сказанию русских летописей, в районе Верхнего Дона «всяду была пустыня, не было видно ни городов, ни сел... нигде не было видно людей, точно в пустыне, а зверей множество: коз, лосей, волков, лисиц, выдр, медведей, бобров, птиц — орлов, гусей, лебедей, журавлей и пр.»¹. Сейчас этот район густо заселен и вместо прежних пустынь ныне кругом раскинулись плодородные колхозные поля.

Осмотр Куликовского поля мы начали с места переправ русской рати через реку Дон. Как известно, князь Дмитрий переправлял свою рать несколько ниже впадения реки Непрядвы в Дон. Сейчас в этом месте расположена деревня Татинка. Теперь этот район не представляет особых

трудностей для переправы войск. Но если учесть, что во времена битвы реки были полноводнее и Дон значительно шире, то станет ясно, что найти хорошую переправу для войск здесь было очень трудно.

Куликово поле представляет собой большое плато, имеющее в диаметре 15—20 км. В центре находится возвышенность, которая издавна носит название «Красный холм». Во время сражения на этом холме была расположена ставка Мамаю. Осмотр всей местности, где располагались русские войска, показал, что русское командование выбрало прекрасную позицию. Она была выбрана с учетом тактики татар, которые всегда, как правило, стремились обойти фланги своего противника.

Изучение Куликова поля показывает со всей полнотой полководческое искусство московского князя Дмитрия Донского. Последний правильно оценил местность и выбрал удачную позицию для боя. Эта позиция лишила возможности татар использовать сильные стороны своих войск (охват флангов), численное превосходство своих полчищ. Расположение засадного полка на левом фланге со всей очевидностью показывает, что русское командование гениально раскрыло замыслы татарского полководца Мамаю — отрезать русские войска от переправ.

* * *

Большой интерес представляет изучение осады и обороны средневековых крепостей. На территории СССР к числу замечательных образцов средневекового русского инженерного искусства следует отнести Троице-Сергиевский монастырь. Он был расположен на скрещении важнейших путей, шедших от Москвы к восточным и северо-восточным областям Русского государства. Лавра стоит на довольно пересеченной местности и окружена реками и оврагами. Во времена царя Иоанна Грозного Лавра была обнесена большой каменной стеной высотой до 14 м и толщиной до 6 м. На углах мощной каменной ограды возвышались восемь башен, с восточной стороны стена была ограждена глубоким рвом, а с запада и с юга была защищена рекой Кончурой. Сейчас высота стен значительно ниже, так как с течением времени культурный слой земли вокруг стен достиг местами от 4 до 6 м.

Анализ всего хода борьбы за крепость представляет большой исторический интерес и помогает понять последующее развитие инженерного искусства.

В настоящее время в Троице-Сергиевской лавре ведутся большие реставрационные работы как архитектурных памятников, так и крепостной стены.

* * *

На Полтавском поле битвы еще свежи реставрационные работы, проведенные к 230-летию годовщины этого исторического сражения. Восстановлен ряд обелисков, памятников, которые помогают посетителю определить места расположения редутов, лагеря и других укреплений. Подробное

¹ Полное собрание «Русских летописей», т. XIV, стр. 79. СПб, 1848 г.

изучение местности, а также петровских документов со всей убедительностью показывает, что вся имеющаяся литература, как дореволюционная, так и советская, слабо освещает организацию флангового марша русских войск к переправам, систему охранения переправ. Абсолютно не разработаны такие вопросы, как роль инженерных сооружений в наступательной операции Петра I. Как правило, до сих пор во всей исторической литературе опускается такой важный вопрос, как задача корпуса Рене и ряд других.

К годовщине Полтавской битвы была проделана большая работа по восстановлению памятников. Но она далеко еще не закончена. Следовало бы восстановить редуты, а также один из фасов лагеря, привести в порядок и братскую могилу. В Полтаве имеется прекрасный музей, где хранятся уникальные экспонаты: вещи, принадлежавшие Петру I, и оружие, применявшееся во время Полтавской битвы.

Само Полтавское поле битвы, а также и военно-исторический музей в Полтаве являются замечательной лабораторией для изучения не только Полтавского сражения, но и всего военного искусства конца XVII и начала XVIII вв.

* * *

В Кишиневе группа пробыла всего один день, где осмотрела достопримечательности нового советского города. Из Кишинева наш путь лежал к реке Прут. Далее, проезжая вдоль реки, нам предстояло увидеть места сражений первой русско-турецкой войны.

Солнце близилось к закату, когда мы подъехали к реке Ларге, где один из крупнейших русских полководцев, фельдмаршал Румянцев, разгромил турок. Мы еще издали заметили огромный памятник. На наш вопрос, кому поставлен памятник, местные крестьяне нам ответили: «Солдатам, погибшим в мировую войну 1914—1918 гг.».

Место, где разыгралось сражение между русскими, татарами и турками, расположено на возвышенности. Татары, имея войско до 80 000 человек, занимали сильные укрепленные позиции. Попытки наши отыскать следы укреплений не увенчались успехом.

На месте этого сражения в 1914 г. был сооружен памятник, построенный на средства, собранные войсковыми частями Бессарабии, местным дворянством, земством и частными лицами. На памятнике сохранились две мемориальные доски. На одной из них помещена выдержка из речи Румянцева на военном совете перед сражением у Ларги: «Слава и достоинство воинства российского не терпят дабы сносить неприятеля ввиду стоящего не наступаая на него». На другой доске написано: «Фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому и победоносным войскам российской армии в память славной победы, одержанной над татарами и турками на р. Ларге 7 июля 1770 г.».

После осмотра поля сражения на Ларге нам предстояла задача осмотреть место Кагульской операции. Когда подъезжаешь к

месту сражения, бросаются в глаза остатки огромного вала. Этот вал до сих пор носит название Траянова вала. По свидетельству древнеримских историков, после завоевания римским императором Траяном Дакии (земли, лежащие на нижнем Дунае) в начале II в. нашей эры там был сооружен огромный вал, который позже стал называться Траянов вал. Последний сдерживал варварские вторжения с востока. С тех пор как был сооружен этот вал, прошло свыше 18 столетий, однако он до сих пор местами прекрасно сохранился. Он имеет сейчас ширину от 6 до 10 м и глубину до 5 м.

После разрома татар и турок при Ларге Румянцев двинул свои войска к Кагулу. Турки и татары в количестве 150 000 расположились на командных высотах близ реки Кагул. Впереди турецкого лагеря в 3—4 км проходил Траянов вал. Осмотр местности в районе сражения убедил нас, что все преимущества находились на стороне противника. Татаро-турецкий лагерь прикрывался с обеих сторон: с левой стороны — обрывистыми берегами реки, а справа — ложиной и одним из притоков реки Кагул.

На месте сражения возвышается памятник героям Кагула. Мы читаем надпись: «Памятник сей забытой битвы, в которой пали навсегда свирепые, янычары, несколько столетий страшившие Европу, Азию и Африку...»

При изучении операций на местности при Ларге и Кагуле яснее становятся полководческие дарования Румянцева. В этих операциях он прекрасно учел тактику противника, построив свой боевой порядок в соответствии с конфигурацией местности. В них ясно выражена идея охвата обоех флангов противника. Замечательные сражения при Ларге и Кагуле, к сожалению, не нашли еще своего описания в советской военно-исторической литературе.

* * *

После Кагула мы отправились к Измаилу. На пути на небольшой возвышенности стоит местечко Болград. От Болграда до Измаила вдоль сорокакилометрового озера Ялпуг идет прекрасное шоссе на Измаил.

Через час после выезда из Болграда показался город Измаил. Стараешься мысленно представить себе обстановку второй русско-турецкой войны: неудачных два штурма Измаила, холодная и дождливая осень, отходящие от крепости русские войска, общее уныние и неверие в возможность взятия крепости. Но вот прибывает Суворов. Он возвращает отходящие войска, начинает энергичную организационную, материальную и моральную подготовку к штурму. В четырех километрах от крепости Измаил Суворов строит городок с рвами и валами по типу Измаильской крепости. Здесь войска ночью под руководством самого Суворова готовились штурмовать крепость.

Группа объехала огромное пространство вокруг самого города Измаила. Нам удалось найти ряд признаков учебного городка с заросшими рвами, но утверждать, что это

те учебные городки, которые строил Суворов 150 лет назад, мы не решились.

Два дня мы посвятили тщательной реконструкции местности. Свидетелей этого исторического штурма осталось мало: полноводный Дунай и остатки бывшего крепостного вала. По рассказам старожилов, Дунай в районе Измаила сейчас значительно шире, чем это было во времена великого штурма. Девяностолетний старик-молдаванин из с. Бросски, Фурудуй, не без гордости вспоминая о своем участии в штурме Плевны и о встрече с генералом Скобелевым, рассказал нам, что ивы, стоящие ныне в водах Дуная, 50 лет назад находились в 60 и 80 шагах от реки.

При реконструкции местности нам не удалось обнаружить мест и суворовских батарей. Лучше всего сохранился крепостной ров. Во время штурма этот ров, как известно, имел огромные размеры — до 13 м ширины и 6—10 м глубины. Сейчас его ширина достигает 8—10 м и глубина—3—5 м. При тщательном осмотре можно найти места взорванных погребов, Килийских, Бендерских, Хотинских и Бросских ворот.

Южнее Бросских ворот недалеко от Дуная лежат груды камней. По всем данным это были остатки когда-то грозного турецкого редута Табия, который был по существу ключом Измаильской крепости. Этот редут находился на направлении главного удара Суворова, поэтому русским войскам пришлось напрячь много усилий, чтобы им овладеть. Русские воины должны были под огнем противника преодолевать ров, карабкаться на вал и отражать ожесточенные контратаки турецких янычар.

Главной причиной, почему так сравнительно мало осталось памятников этого знаменательного штурма, явилось то, что после поражения русской армии в Крымской войне 1853—1856 гг. по Парижскому миру (1856 г.) в числе прочих пунктов был один, требовавший в течение 120 дней разрушить крепость Измаил и ряд других сооружений, имевших военное значение. По имеющимся данным, разрушения производились русскими войсками. Подвозилась тяжелая артиллерия и в упор расстреливались каменные бастионы; особенно долго подвергался обстрелу редут Табия.

Мы уделили большое внимание розыску места бывших Килийских ворот. Как известно, в направлении Килийских ворот нанесли вспомогательный удар лучшим суворовским учеником Кутузовым. Отыскать следы Килийских ворот нам не удалось. Неплохо сохранился ров, отделявший грозную цитадель янычар от новой крепости.

О штурме Измаила за прошедшие 150 лет написано огромное количество книг. Но тем не менее идея главного удара Суворова до сих пор ясно и четко не сформулирована. Обычно на схемах и в текстах авторы их

распределяют штурмующие колонны с суши вокруг крепости равномерно. Другие, как, например, полковник Боголюбов в своей работе «Полководческое искусство Суворова», считают, что главный удар был нанесен со стороны реки. При тщательном рассмотрении суворовской диспозиции, изучении местности и анализе качеств участвовавших войск можно сделать следующий вывод: главный удар наносился с запада; вспомогательный удар — колонна Кутузова — с востока; демонстративные задачи возлагались на казачьи колонны Платова и Орлова. Десантные войска Дерибаса действовали в основном в двух направлениях: правая группа содействовала Кутузову, левая — Львову. Уяснить как следует замысел Суворова при штурме Измаила — значит еще глубже понять всю значимость этой замечательной в истории войн операции.

* * *

Конечным пунктом нашей поездки был Севастополь. Здесь мы изучали крымский период Восточной войны 1853—1856 гг. В Севастополе и его окрестностях сохранилось очень много фортификационных укреплений со времен героической обороны Севастополя. Тщательные поиски остатков параллели на Рудольфовой, Зеленой и Воронцовой горах увенчались успехом. Нами была обнаружена целая система параллелей союзников (в одних местах меньше — Рудольфова гора, в других больше — Зеленая гора). Для работников местного Севастопольского музея оказались неожиданно обнаруженные нами следы английского лагеря на Сапун-горе и памятник на реке Черной.

Прекрасно сохранился до сих пор ряд фортификационных сооружений, как каменных, так и земляных. Из них особенно следует отметить Константиновскую батарею, замыкавшую вход в большую Севастопольскую бухту, а также северное укрепление и ряд других.

В результате поездки адъюнкты-историки Академии имени М. В. Фрунзе готовят сейчас под руководством полковника Разина ряд работ для сборника под заглавием «По полям сражений русской армии». В этом сборнике авторы попытаются обобщить первый опыт своей поездки и проанализировать ряд важных вопросов военной истории.

Поездки по полям сражений русской армии — хороший дополнительный метод для изучения военной истории. Однако они дадут должный эффект только в том случае, если участники их будут изучать заблаговременно и тщательно материалы об операциях, составляющих программу поездки.

Капитан Н. ПАВЛЕНКО.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ В МУЗЕЕ ОБОРОНЫ ЦАРИЦЫНА

В 1940 г. работниками музея найдены новые интересные материалы, характеризующие руководящую и вдохновляющую роль в обороне Царицына товарища Сталина и его боевого соратника К. Е. Ворошилова. Среди них имеется ряд подлинников за подписью К. Е. Ворошилова и Н. Руднева, воззвания, листовки, экземпляры газет и редких фотоснимков.

Огромную роль в сплочении армии, в подтяжке дисциплины сыграли военные комиссары. В экспозиции музея имеется приказ от 18 августа 1918 г. за подписью товарищей Сталина и Ворошилова: «Военный Совет приказал начальнику Штаба формирования, товарища Щаденко прикомандировать к Военному Совету и назначить комиссаром всех армий, находящихся в распоряжении Военного Совета Северо-Кавказского Округа».

Товарищи Сталин и Ворошилов стояли во главе всей политико-воспитательной работы в частях Красной Армии и в тылу, нередко выступая с докладами на собраниях бойцов и среди трудящихся города. В одном из объявлений Царицынского комитета партии большевиков говорится: «В воскресенье 8-го сентября 1918 г. Царицынским комитетом устраиваются концерты-митинги на тему «Дас власти» (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии). На митингах выступают товарищи: Сталин, Магидов, Ворошилов, Артем и др.».

Газеты, листовки, брошюры являлись могучим оружием большевистской агитации. Но некоторые из деятелей газеты «Борьба» не желали понять этого и не помещали в газете материал, присылаемый красноармейцами и командирами. На запрос Военсовета, почему не напечатан ряд статей, посланных в газету, из редакции ответили, что присланные статьи «нелитературны и мало убеждающи».

К. Е. Ворошилов, узнав об этом, написал на отношении, посланном в «Борьбу» Военсоветом, следующую резолюцию: «В Царицынский К-т партии коммунистов. Просьба обратить внимание на недопустимое отношение редакции газеты, которая называется партийной, к тов. которые посылают свои статьи в газету совсем не для оценки их «просвещенными и литераторами» из «Борьбы», а для напечатания в партиздании. Статьи, написанные т.т. Повзнер, Щаденко и др. Кроме того поведение тов. из «Борьбы» вообще недостойно коммунистов, если это коммунисты не особой марки. Для этого у меня есть факты, которые при необходимости могу сообщить К-ту партии. К. Ворошилов. 6.XII 1918 г.».

Небезынтересны и другие подлинные документы за подписью К. Е. Ворошилова. Когда группа войск товарища Ворошилова после долгих и тяжелых испытаний переправилась через Дон к Царицыну, в это время в одном из занимаемых хуторов по неизвестным причинам возник пожар. К. Е. Ворошилов посылает в юридическую секцию фронткома отношение: «Прошу по делу о поджоге хутора Колпачкова произвести самое строжайшее расследование.

Арестованный по этому делу Мотыль находится под арестом при караульной команде. Командующий группой К. Ворошилов».

На другом подлинном документе—отношении председателя Царицынского комитета партии об освобождении с фронта двоих рабочих—К. Е. Ворошилов написал соответствующую духу времени резолюцию: «По военным обстоятельствам удовлетворить нельзя. Ворошилов. 14.XII».

Немалую роль в поднятии боеспособности, в заботе о раненых и больных бойцах сыграло организованное товарищами Сталиным и Ворошиловым Санитарное управление при штабе 10-й армии. Лучшие помещения были предоставлены под госпитали и другие санитарные учреждения. Приказом № 144 К. Е. Ворошилов предписывает губернскому военному мобилизовать всех врачей, проживающих в г. Царицыне и его окрестностях, предоставив все эти силы в распоряжение начальника Санитарного управления 10-й армии. Заведующему жилищным отделом предлагается в 24 часа очистить здание «Столичные номера», предоставив его в распоряжение заведующего санитарным снабжением. Ряд документов свидетельствует о заботах К. Е. Ворошилова о снабжении армии Царицынского фронта продовольствием.

В музее хранится подлинный документ за подписью начальника штаба Н. Руднева. Это—ответ одному из штабов местных частей, которые обращались в штаб войск лично к К. Е. Ворошилову, в связи с объединением всех отрядов в армию под единым руководством К. Е. Ворошилова, с вопросом, переходят ли в ведение группы казачьи советские части, находящиеся на фронте, и откуда они будут получать все необходимые предметы для снабжения бойцов. Н. Руднев отвечал: «В ответ на Ваш запрос от 24-го июля за № 634. Штаб армии Царицынского фронта сообщает, что все части, находящиеся на вышеуказанном фронте, снабжаются всеми видами довольствия штабом».

В музее имеются материалы по организации коммунистических ячеек в рядах Красной Армии и о их работе в частях. Это—протоколы собраний и решения коммунистических ячеек. В протоколе № 6 очередного собрания организации коммунистов при Царицынской команде выздоравливающих по первому вопросу, о положении дел фронта, в постановлении записано: «Постановлено вооружить всех солдат команды винтовками и достаточным количеством патронов, ввиду грозящей опасности Царицыну, а также организация просит всех честных коммунистов по первому зову отправиться на фронт».

Общее собрание красноармейцев 1-го революционного Царицынского артиллерийского дивизиона, заслушав доклад агитатора Военсовета о текущем моменте, постановило:

«Приветствовать предложение, поддерживать власть народа, Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и всеми силами стараться укрепить свободный народный строй. Всем соглашателям и лакеям буржуазии в лице меньше-

виков, правых эсеров и черной сотни, собранием вынесено негодование.

По вопросу о коммунистической ячейке общее собрание постановило произвести запись в такую и организовать ее при дивизионе.

После собрания была произведена запись в ячейку. Записалось 11 человек. Список товарищей, записавшихся в партию, приложен к протоколу.

Коммунистические ячейки к осени 1918 г. были созданы Военсоветом почти во всех частях и командах бронепоездов Царицынского фронта. В одном из протоколов собрания команды бронепоезда «Гром» мы читаем: «Заслушав организатора Военсовета о необходимости в команде создать коммунистическую ячейку, постановили: «Соорганизовать единую ячейку большевиков коммунистов, все в числе 33-х человек, как один стон на защите прав трудящихся всего мира и вести твердо, решительно и беспощадно борьбу со всеми хищниками всего мира и примыкающих к ним паразитов. Долой угнетателей, насильников и капиталистов всего мира. Да здравствует Российская коммунистическая партия большевиков. С приложением именного списка, желающими быть коммунистами, просим Вас зарегистрировать вышеозначенную боевую коммунистическую ячейку бронепоезда «Гром» в партию, и снабдить соответствующими постановлениями и брошюрами. Впредь быть общей трудовой семьей».

Большой интерес у посетителей музея вызывают комплекты экстренных выпусков боевой газеты Военсовета 10-й армии «Солдат революции», полученные музеем от Главной редакции «Истории гражданской войны». Некоторые номера из них в настоящее время реставрированы и экспонируются.

Нельзя не отметить и другие весьма ценные и редкие экспонаты, приобретенные музеем за последнее время. Осенью 1940 г.

Сталинградским техническим участком речного пути по указанию обкома ВКП(б) со дня Волги в районе Каменного яра извлечена пушка с баркаса «Советский». Баркас «Советский» входил в состав Астраханской группы судов Волго-Каспийской флотилии. Летом 1919 г. баркас был направлен С. М. Кировым на помощь Царицыну, но в пути в районе Каменного яра он попал на мину и затонул. Пушка доставлена в музей и установлена в нем для обозрения.

Музеем приобретены редкие фотографии К. Е. Ворошилова: групповой снимок штаба 11-й армии во главе с С. М. Кировым и два фотоснимка С. К. Тимошенко. Одна из фотографий С. К. Тимошенко относится к 1918 г., к периоду, когда он во главе Крымского полка пробился в Царицын в критические дни второго окружения, совместно со Стальной дивизией нанес сокрушительный удар по красновским бандам с тыла. Второй снимок относится к 1919 г., когда С. К. Тимошенко командовал 4-й кавдивизией Конного корпуса С. М. Буденного.

В 1940 г. музей посетили ряд активных участников героической обороны Царицына. С. М. Буденный дал работникам музея ряд ценных указаний и замечаний и подробно остановился на схеме его рейда по тылам красновских банд. До сих пор было принято говорить не о рейде, а о рейдах конницы С. М. Буденного. Это неверно. В январе—феврале 1919 г. был один большой рейд, начиная с боев под Пичугой, Дубовкой, Лознаем, Б. и М. Ивановкой, Иловля—Качалино, Котлубань—Гумрак и в направлении Ляпичево. На схеме не было показано перехода дивизии в рейд с М. Чепурников до Пичуги. Все эти изменения внесены нами в схему.

Посещение музея участниками обороны Царицына и их указания помогают нам улучшить работу музея, превратить его в образцовое политико-воспитательное учреждение.

А. ХМЕЛЬКОВ.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. КОНОНЕНКО — Бой во Фландрии (май 1940 г.)	3
А. БОРИСОВ — Праснышская операция (1915 г.)	26
Н. СНЕЖКОВ — Вооруженная борьба парижских коммунаров (1871 г.)	36
В. ТЕЛЬПУХОВСКИЙ — Сражение у мыса Гангут (1714 г.)	61
В. ФЕДОРОВ — Пятьдесят лет русской 7,62-мм винтовки (1891—1941 гг.)	74
И. ПОРТНОЙ — Лейтенант Шмидт (к 35-летию со дня казни)	86

Исторические заметки

Первая военно-медицинская школа на Руси (Середина XVII в.) — *А. Лебединская* 97
 Паровой пулемет (Из истории огнестрельного оружия) — *М. Манухина* 101

Из опыта боев

Артиллерия при прорыве в горах (Доброполье, сентябрь 1918 г.) — *Н. Ракоед*. 104

Критика и библиография

Библиотека внешней политики — <i>Б. Штейн</i>	123
Неполноценная книга — <i>И. Нефтерев</i>	131
«Тайная война» иностранных разведок против страны Советов — <i>Б. Исаков</i>	135
Воздушная победа над Польшей — <i>П. Веденичев</i>	138
Англия и США в 1914—1917 гг. — <i>Н. Ерофеев</i>	142
У ворот Индии в мировую войну — <i>И. Файнгар</i>	145
Из зарубежной печати	147

На историческом фронте

Обсуждение учебника «История военного искусства» — А. Борисова	152
Поездки по полям сражений русской армии — Н. Павленко	154
Новые материалы в музее Обороны Царицына — А. Хмельков	158

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Таленский (отв. редактор), В. А. Меликов, Е. А. Болтин, И. И. Зубков, Е. А. Разин, В. В. Воронин (зам. отв. редактора), С. К. Бушуев, А. С. Ерусалимский.

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 19, 1-й дом НКО СССР. Тел. К 3-38-81.

Подписано к печати 22/III—41 г. Печ. лист. 10; авт. лист. 15. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Γ 353

Изд. № 146.

Заказ № 647.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВ СССР

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ НОВЫЕ КНИГИ

Школа боевой учебы. Народный комиссар обороны Союза ССР. Герой и маршал Советского Союза С. К. Тимошенко на тактических занятиях. 2-е издание. Цена 1 р. 25 к.

Народный комиссар обороны Союза ССР, Герой и маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Краткая биография. Цена 75 коп.

Наши артиллеристы на финском фронте. Очерки, написанные по материалам Героев Советского Союза полковника Турбина, капитана Лаптева, полковника Никифорова и других участников борьбы с белофиннами. Цена 75 коп.

Программа по истории международных отношений в эпоху империализма и внешней политики СССР. Цена 40 коп.

П. А. БАЗИЛЕВСКИЙ. Бюро ВЛКСМ в боевой обстановке. Из опыта борьбы с белофиннами. Цена 25 коп.

Г. РЕЙХБЕРГ и Р. ОЛЬША. Международный пролетариат в борьбе против интервенции Антанты в годы гражданской войны в СССР. Цена 50 коп.

Д. ФИБИХ. Семилетняя война (1756—1763 гг.). Цена 40 коп.

А. ФАДЕЕВ. Как погиб Сергей Лазо. Из серии «Библиотека красноармейца». Цена 15 коп.

В. МИНАЕВ. Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР, ч. I. Цена 2 р. 50 к.

НАПОЛЕОН. Избранные произведения, т. I. Цена 11 руб.

А. В. СУВОРОВ. Наука побеждать. Цена 50 коп.

А. СИДОРОВ. Партийная и политическая работа в Первой Конной армии в годы гражданской войны. Цена 75 коп.

Общая тактика, т. II — Стрелковый полк. Цена 4 р. 50 к.

А. Г. СЕРЕБРЯКОВ. Брунетская операция республиканской армии Испании. Оперативно-тактический очерк. Цена 2 р. 50 к.

А. ШТЕНГЕР. От Марны до Веля. 1918 г. Перевод с немецкого. Цена 5 руб.

ВОЕНИЗДАТ